1-2

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the word • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- МЫ ЧАСТЬ МИРА. МИР НЕ СУЩЕСТВУЕТ БЕЗ НАС
- ДНЕВНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ СОБЫТИЙ
- ВОЖДЬ № 6. СМЕНА ВЛАСТИ В СССР
- ВЗГЛЯД ИЗ ВАШИНГТОНА НА МОСКВУ
- ГОД ОРВЕЛЛА. МОЩЬ И ГНИЛОСТЬ ТОТАЛИТАРИЗМА
- ДОКУМЕНТЫ СМОЛЕНСКОГО АРХИВА
- ФАШИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ
- КАК БЫТЬ С СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ?
- ПОБЕДА НАД ДЕРЕВНЕЙ
- ПРОЩАНИЕ С ТЕАТРОМ НА ТАГАНКЕ
- ОТЕЦ СЕРГИЙ ЖЕЛУДКОВ
- НАРОД РАССЕЯНИЯ И НАРОДЫ ЗЕМЛИ
- ВОСКРЕСЕНИЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
- СМЕРТЬ ШОЛОХОВА

1984

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Сергея Максудова. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучиньский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк), А.Мильман (Тель-Авив), П.Брукингс (Гонконг), П.Ростин (Рабат). Цена одного номера 6 немецких марок, стоимость годовой подписки 60 нем. марок. Подписка по адресу редакции в течение всего года. Подписная плата принимается в виде чека, а также перечислением на банковский или почтовый счет. Мнения авторов публикуемых статей могут не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Отвергнутые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 1

Политический дневник 3
К.Шмидт-Хойер. Вождь № 6 20
Вести из СССР 27

Беседа с заместителем Государственного секретаря США Л.Иглбергером 32
Архив 41
М.Джилас. Разложение тоталитарных режимов ленинского типа 42
Из газет: 50 лет назад 50
Самиздат. Фашизм в СССР 51
М.Шпербер. Великая и беспомощная Европа 56

Вокруг доклада акад. Т.И.Заславской 65
И.Бирман. Выход — капитализация экономики 66
В.Белоцерковский. Необходимо рабочее самоуправление 74
С.Максудов. Цель и результат 78
Архив 89
Памятник жертвам голода 93

Сергей Алексеевич Желудков 95
Архив 99
Г.Померанц. Страстная односторонность и бесстрастие духа. Статья первая 101
Б.Хазанов. Русская интеллигенция. История безответной любви 115
Ю.Любимов. "В таких условиях я больше работать не буду..." 127

Ж.Катала. Секрет Шолохова 139
De mortuis aut nihil... 141
М.Дейч. О пользе чтения некрологов 142

Январский и февральский номера выходят в виде сдвоенного выпуска.

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr.48, 8000 München 40, BRD.
Tel. 272 18 99; 272 28 99.
Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.).
Postgiroamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

СТРАНА И МИР

К ЧИТАТЕЛЮ

Мы приступаем к изданию нового журнала на русском языке в год, когда ожидались "неслыханные перемены, невиданные мятежи". Пока, однако, ничего особенного не произошло. Советский Союз просуществовал до 1984 года, но и мир не приблизился к будущему, которое предсказывал ему Орвелл.

Тоталитарные режимы умирают не сами собой, а потому, что существуют силы, противостоящие этим режимам. Есть такие силы в СССР, и в этом основа нашей надежды. Советский Союз сегодня, быть может, не самая деспотическая страна (есть, например, и Албания), но он — вдохновляющий источник, главный штаб и опора тоталитаризма во всем мире. Сопротивляться советскому тоталитаризму значит противостоять тоталитарному образу мыслей повсюду, где он дает о себе знать. Начиная новый журнал, мы хотели бы содействовать этому противостоянию.

Каждый журнал ориентируется на некоторого идеального читателя. Мы обращаемся в первую очередь к читателю в СССР. Что важно, что интересно для тех, кто сможет читать нас там, — с этой точки зрения прежде всего будут оцениваться материалы, отбираемые для публикации. Мы надеемся также, что журнал не обойдут вниманием и те эмигранты, для кого интересы отечества, которое им пришлось покинуть, остаются главными, для кого боль этой страны — их собственная боль.

Мы позволили себе выбрать в качестве названия формулу академика А.Д.Сахарова; для нас она имеет двойной смысл. Наш журнал не придерживается какой-либо жесткой политической, идеологической или религиозной программы. Все же мы хотим дать понять с самого начала, что позиции плюрализма и демократии — если угодно, либеральной демократии, — наиболее четко очерченные А.Д.Сахаровым и полнее всего воплощенные в западном обществе, нам особенно близки и понятны. С другой стороны, соединение в одном названии "страны" и "мира" отражает наше желание подчеркнуть тот факт, что наша страна — часть Большого мира, как бы ни противились этому ее правители и как бы ни открещивались от этой мысли консервативные идеологи. Мы — часть мира и не существуем вне мира, как

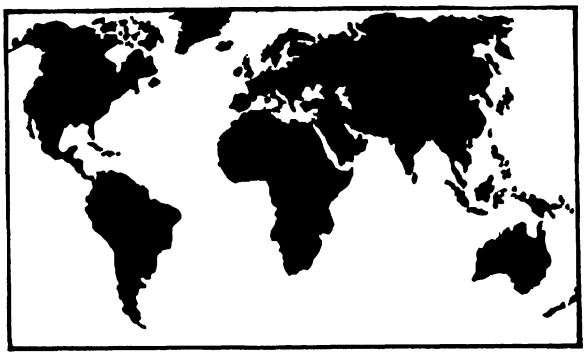
мир не существует без нас. И если наша страна доживет до освобождения, то лишь при поддержке и сочувствии свободного мира, а не в противостоянии ему.

Попытку перебросить мост через рвы отделяющие русскоязычный мир от демократического Запада, мы рассматриваем как насущную задачу. Это не значит, что мы относимся к тому, что происходит в современных западных обществах, без всякой критики. Но чтобы иметь право ответственно высказываться о мире, который привычно обозначают словом "Запад", не слишком вникая в сложность этого понятия, нужно этот Запад знать. Нужно восстановить искусственно нарушенное взаимодействие между русской и западной культурой. Нужно знать и то, что принято называть, в отличие от Запада и Востока, Третьим миром. Знание поможет понять, что в мире есть немало проблем, не решенных и даже страшных, помимо тех, что стоят перед нами. Ожидая понимания от других, мы не вправе отмахиваться от чужих бед.

Подразумевая под страной весь Советский Союз, мы отдаем себе отчет в том, что эта страна — многонациональная империя. Если мы говорим о ней как о едином целом, то потому, что ее народы связаны общей исторической и политической судьбой — отнюдь не всегда избрав эту судьбу добровольно. Нам близки интересы всех находящихся под имперским гнетом народов; нет сомнений в том, что борьба за национальное освобождение и борьба с тоталитарным строем неразделимы. В этом совпадают интересы русского народа и других народов страны.

Содержание журнала, которое мы хотели бы сделать по возможности более широким, будет группироваться вокруг трех основных тем: политика, экономика, культура. Мы надеемся, что на его страницах будут выступать и западные авторы, и авторы из Советского Союза, живущие в стране или за ее пределами. Обстоятельства таковы, что доступ свежей информации и идей в нашу страну возможен сейчас главным образом при посредстве политических эмигрантов. К сожалению, эмиграция разделена — и духовно, и национально. Тех, кто внутренне не порвал с отечеством, мы хотели бы призвать к преодолению этого раскола.

Ведь в конце концов ясно, что от того, что происходит или произойдет в нашей стране, зависят судьбы всего мира.



ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Начиная с 17 января в Стокгольме проходит Конференция по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению в Европе. В ней принимают участие 35 государств – все страны Старого Света, минус Албания, плюс Соединенные Штаты и Канада. В нынешних условиях эта конференция представляет собой нечто сюрреалистическое. Она задалась целью разоружить Европу в то самое время, когда обе противоборствующие стороны устанавливают на этом континенте все новые ракеты, когда советские руководители прервали переговоры об ограничении евроракет и стратегических ядерных вооружений. Спрашивается, зачем вообще понадобилась эта конференция? Не экономней ли было бы отказаться от диалога, который начинается с оскорблений?

Сдается, что вернулись худшие дни "холодной войны". В голосе Громыко, взявшегося в шведской столице метать антиамериканские громы, старым обозревателям явственно слышались нотки Вышинского. Поначалу можно было решить, что встреча провалилась, не успев начаться. Впрочем, это не помешало Громыко провести продолжительную встречу со своим американским коллегой. Эта их беседа была несомненно более важной и уж во всяком случае более знаменательной, чем любые речи, адресованные галерке.

Согласно официальной советской точке зрения, отношения между Востоком и Западом обострились и, возможно, надолго испортились, начиная с того момента, когда в Белый Дом въехал "поджигатель войны" Рейган. Некоторые советские публицисты, чуть отклоняясь от общей линии, готовы допустить, что перемены к худшему начались уже при Картере. Но что от этого меняется?

В действительности же часть западных руководителей осознала, что, пользуясь разрядкой международной напряженности словно дымовой завесой, советское правительство двинулось в наступление и изменило в свою пользу соотношение сил, на равновесии которых доселе покоилось сотрудничество между Востоком и Западом. Можно даже утверждать, что такое "прозрение" Запада датировано концом 1979 года и что толчком для него послужило советское вторжение в Афганистан. Именно тогда президент Картер признался, не без доли простодушия, что ему открылась сущность советской политики.

Примерно в то же время правительства стран Запада, и в первую голову Соединенных Штатов, стали подводить итоги советских завоеваний, достигнутых собственными силами или, как в Африке, руками кубинских ландскнехтов. И пока американское общественное мнение было озабочено главным образом тем, чтобы не допустить где-либо в мире нового Вьетнама, социалистический лагерь быстро осваивал территории, оставленные противником.

Особенно тревожной оказалась ситуация в Европе. Через четыре года после подписания Заключительного акта Совещания в Хельсинки некоторые пессимисты утверждали, что Запад стал добровольной жертвой подлого обмана. Под шумок разговоров о сотрудничестве и безопасности в Европе Советская Армия установила ракеты, в пределах досягаемости которых оказался любой уголок Старого Света. Сначала это понимали только специалисты. Но вскоре опасность стала очевидной и для правительств, и для общественного мнения. Советский Союз нарастил такую военную мощь, что в один далеко не прекрасный день мог бы навязать другим странам свою гегемонию, просто припугнув их для острастки. Как хороша политика кнута и пряника в период мирного сосуществования и соревнования двух систем! Достаточно внушить соседям страх, чтобы в конечном счете превратить Европу в новую сферу влияния! Таково теоретическое наследие брежневского правления и андроповского межвременья.

Тогда-то государственные мужи Запада решили, что надо действовать, пока не поздно,

пока внушаемый Кремлем страх не стал парализующим. Оборотной стороной этого "прозрения" оказалось движение протеста против размещения в Европе западных ракет – движение, активно поощряемое Москвой. Никто не ставит под сомнение мотивы искренней озабоченности пацифистов: перспективы атомной войны не прельщают никого. Но разве недостаточная вооруженность одной из сторон, нарушенное равновесие сил в нынешних условиях являются гарантией против нее?

Президент Миттеран остроумно охарактеризовал сложившееся положение: "Пацифисты на Западе, ракеты на Востоке!" Разумеется, этим он отнюдь не хотел сказать, что народы стран Восточной Европы, в отличие от людей Запада, не желают мира. Он всего лишь констатировал факт, что на Западе сторонники мира могут свободно выражать свое мнение, не считаясь с политикой и планами своих правительств – чего не скажешь о противной стороне. В то время как Советская Армия лихорадочно перевооружалась, оборонительный союз НАТО не предпринимал ровным счетом ничего. Учитывая пропагандистскую сумятицу наших дней, государственные мужи Запада вынуждены время от времени напоминать, что размещение в Европе "Першингов-2" и крылатых ракет – всего лишь ответ на установку советских SS-20, уже нацеленных на Западную Европу. Иначе говоря, для того, чтобы реально предотвратить размещение "Першингов" и начать процесс разоружения, достаточно было провести демонтаж всех или хотя бы части ракет SS-20.

Жаркие споры, по-видимому, продлятся еще какое-то время. Главная, но отнюдь не неразрешимая проблема, стоящая перед западными правительствами – по крайней мере, перед теми из них, кто сознает, какие ставки сделаны в этой игре, – это сохранить деловой тон диалога с общественностью, не допустить эксцессов. Именно эта проблема стоит и перед президентом Рейганом в год президентских выборов. То обстоятельство, что он сумел вернуть своим согражданам национальную гордость и веру в себя, пошатнувшуюся в результате вьетнамской катастрофы и позорной истории с заложниками в Иране, дает Рейгану хорошие шансы быть переизбранным. Но демонстрируемая им сила может оказаться и его слабостью. Для него важно показать силу и решимость, но не сжигать мостов, ведущих к соглашениям. Вот почему он заговорил исключительно умеренным языком как раз в то время, когда советские руководители буквально осыпали его оскорблениями. Его поведение подтверждает точку зрения, что, несмотря на обострение международного положения, в действительности поворот к холодной войне не состоялся.

Судя по всему, президент Рейган руководствуется в своих действиях старым девизом Джона Кеннеди: "Мы никогда не вступаем в переговоры из страха, и никогда не испытываем страха вступить в переговоры".

Одной из реальностей нашего мира является напряженность между Востоком и Западом. Но это не единственная, вызывающая беспокойство проблема. Существует и напряженность между Севером и Югом, иначе говоря, между промышленно развитыми и развивающимися странами. Во времена Хрущева некоторые полагали, что социалистический лагерь – естественный союзник и защитник Третьего мира. Практика показала, что такое утверждение – скорее пропагандистская иллюзия, чем результат анализа существующего положения.

В действительности каждая из этих группировок (Запад – Восток, Север – Юг) складывается из самых различных и даже противоречивых компонентов. Третий мир претендует на существование, но есть ли в действительности некий третий мир? Что общего между богатой Саудовской Аравией и нищими странами африканского региона Сахель? События первых месяцев 1984 года показали, что наиболее острые и в то же время наименее понятные для нас конфликты зреют именно в недрах Третьего мира. Взять хотя бы для примера голодные бунты в Тунисе и Марокко. Местные власти увидели в событиях вечные происки внешних сил. Но разве нет тут какой-то аналогии с событиями в Польше в 1970 и 1976 г.г., когда доведенный до отчаяния народ восстал, возмущенный новым резким повышением цен на продукты питания? Разница лишь в том, что Марокко объясняет свои экономические трудности многолетней войной в Западной Сахаре, где ей противостоят силы фронта "Полисарио".

А поддается ли логическому объяснению конфликт в Чаде? Конференция по национальному примирению в этой стране провалилась, не успев начаться. На первый взгляд, все выглядит достаточно просто: две группировки борются за власть, причем одна из них (партия Хиссена Хабре) пользуется поддержкой Франции, а другой (партии Гукуни Уэддея) покровительствует Ливия. Можно было бы упростить ситуацию еще более, заявив, что западный лагерь сочувствует французам и силам Хиссена Хабре, в то время, как Советский Союз очень надеется на успех полковника Каддафи и его чадских протеже.

Но такого рода упрощенные объяснения никак

не отражают действительности во всей ее сложности. Франция на стороне Хиссена Хабре? Да, сегодня это верно. Но еще не так давно нынешний президент Чада держал заложниками французских подданных и искал выгод в сотрудничестве с ливийцами. В то время и Париж рассматривал Гукуни Уэддея отнюдь не в качестве противника.

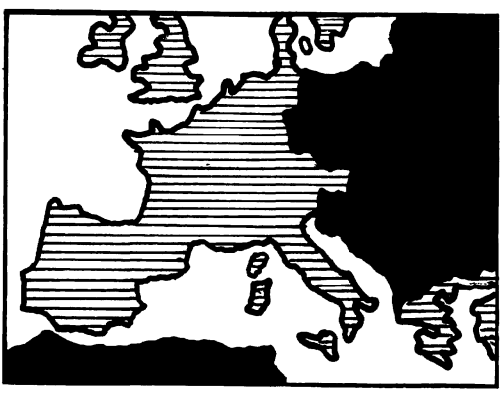
Полковник Каддафи симпатичен Советскому Союзу, который порой представляет его как образчик прогрессивности. Но этот непредсказуемый вояка никак не вписывается в идеологические категории, свойственные отношениям между Востоком и Западом. Он презирает западный образ жизни, но в душе остается убежденным антикоммунистом. Его движущая сила – ислам. Однажды ему случилось всю ночь напролет обращать в ислам западного журналиста-безбожника, приехавшего, чтобы взять у него интервью. Его страна разбогатела на нефти, но в отличие от других государственных деятелей он от этого не обогатился сам и не сделал богаче своих сограждан. Он живет одной мыслью – использовать ливийское богатство для распространения ислама в Африке. Хиссен Хабре и Гукуни Уэддей сражаются не за и не против мусульманства, а друг с другом. Некоторые посредники, в частности Франция, пытались было примирить соперников, объединив их в рамках одного правительства. Почему же такое, несомненно наиболее разумное решение до сих пор оказывалось невозможным? Да потому, что спор между двумя вождями давно перерос в войну племен. Точно так же в Европе во времена до становления наций, племенная вражда нередко выливалась в войны, столь же нелогичные, как война в Чаде.

Корень зла в том, что Чад, как и многие другие африканские государства, представляет собой искусственную формацию, творчество колониальных властей, не имевших ни малейшего представления об этнографии. Населяющие эти формации племена и не помышляют о национальном единстве. Но любые покушения на искусственные государственные границы вызывают еще более тяжкие конфликты, чем их определение. Вот почему в своем большинстве африканские лидеры добиваются гарантий территориального статуса-кво. И чтобы сохранить доверие к себе африканских лидеров, Франция – бывшая колониальная держава – выступила на стороне Хиссена Хабре, хоть он и не французский ставленник, и против полковника Каддафи и Гукуни Уэддея, хоть этот последний и не может считаться ее врагом.

Еще более трагична судьба Ливана. Страна, которая не имела ничего общего с арабо-израильским конфликтом, в конечном счете оказалась разрушенной до основания, став невинной жертвой чужой войны. К этому приложили руку все: и сирийцы, и палестинцы, и израильтяне. Разорван национальный договор, некогда заключенный между христианами и мусульманами Ливана. И в этом кризисе нашло свое отражение противостояние Востока и Запада. В то время как американцы поддерживают христианскую общину, Советский Союз при посредничестве Сирии делает ставку на мусульман.

Но вся новейшая история склоняет к осторожности тех, кто привык навешивать ярлыки на страны и режимы в этой части мира. Не так уж много воды утекло с тех пор, когда Египет считался вернейшим союзником СССР, и был настолько "своим в доску", что Хрущев даже решился украсить грудь президента Насера орденами, предназначенными исключительно для членов социалистической семьи народов. Не менее яркий пример – Ирак. В памяти еще свежо представление об Ираке как об одной из самых радикальных арабских стран, образующих фронт отказа. И это представление уже устарело. Из этого видно, что упрощенные идеи не всегда поспевают за постоянно меняющимся миром. ●

Г. Ферон



●

На Стокгольмской конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе 16 стран НАТО представили план из 6 пунктов. Цель этого плана – уменьшить угрозу военного конфликта в Европе в результате недоразумения или просчета.

Предложения стран НАТО сводятся к следующему:

1. Обмен информацией о структуре и размещении наземных сил и баз ВВС в Европе в начале каждого года.
2. Обмен планами военной активности в Европе.
3. Уведомление о крупных военных маневрах

(с участием не менее 6000 чел.) за 45 дней вместо 21 дня по предыдущим соглашениям.

4. Обязательное приглашение наблюдателей на такие маневры.
5. Предварительное уведомление об учениях на уровне дивизии и более и извещение о начале маневров, проводимых по тревоге.
6. Улучшение возможности быстрой связи в период кризиса между 35 странами Хельсинкского соглашения.

Государства – участники соглашения (если оно будет заключено) имеют право требовать проведения инспекции с целью проверки его выполнения. Соглашение должно распространяться на территорию Европы до Урала, а также на прилегающие территориальные воды и воздушное пространство.

Советский делегат Олег Гриневский представил контрпредложение, включающие соглашение о неиспользовании первыми ядерного оружия, договор о ненападении, ограничение военных расходов, запрет химического оружия и установление в Европе безъядерных зон. О.Гриневский отверг предложения членов НАТО об инспкции и посылке наблюдателей как "незначительные меры", которые, по его мнению, лишь увеличат возможность для Запада "шпионить" за СССР и его союзниками.

ФРГ: ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРОИГРЫВАЕТ В СУДЕ

Последняя перепись западногерманского населения проходила в 1970 г. На основе этих устаревших данных уже трудно правильно планировать жилищное строительство, транспорт, строительство школ и больниц, энергоснабжение и пр. Еще в марте 1982 г. коалиционное правительство социал-демократов и либералов во главе с канцлером Х.Шмидгом приняло закон о переписи, который согласно конституции ФРГ должен каждый раз издаваться заново. Проведение переписи было назначено на 1983 год, были подготовлены и напечатаны анкеты и новое христианско–либеральное правительство, сменившее правительство Х.Шмидта, решило приступит к делу.

Однако очень многие граждане ФРГ были встревожены. Некоторые вопросы показались им слишком интимными, затрагивающими неприкосновенность личности. Было также неясно, в какой степени собранные при переписи данные будут защищены от злоупотреблений, использования их в целях, не имеющих ничего общего с задачами переписи. В результате большое число граждан и целые группы подали на правительство в суд. 13 апреля 1983 г. Высший Конституционный Суд в Карлсруэ отдал временное распоряжение приостановить подготовку переписи.

Восемь месяцев восемью судьями разбиралось дело и 15 декабря 1983 года было вынесено решение: закон, принятый правительством ФРГ весною 1982 г., не во всех пунктах соответствует конституции.

По сути дела это поражение всех входивших тогда в состав парламента партий (социал-демократов, ХДС–ХСС, свободных демократов), так как закон был принят в свое время единогласно. Но сильнее всего этот удар для христианских демократов и их баварских союзников из христианско–социального союза. Находясь уже у власти, они хотели во что бы то ни стало провести перепись, не внимая никаким аргументам критиков этого предприятия, которых министр внутренних дел Циммерманн даже неосторожно обозвал врагами конституции. Сегодня "враги конституции" требуют от него публичного извинения.

Но не получили поддержки и радикальные противники переписи как таковой, которая, как решил суд, сама по себе не противоречит конституции. Весь вопрос в том, в какой форме она будет проводиться и что будет происходить с полученными в ходе переписи данными. Например, полностью отвергнут судом девятый параграф закона, который предусматривал сверку данных с данными коммунальных учреждений и бюро прописки, ибо подобная сверка противоречит праву граждан ФРГ "самим определять информацию о себе". Данные переписи должны служить лишь четко определенным целям и их нельзя передавать в какие-либо иные инстанции, в том числе и в министерства. Правительство обязано обеспечить полную защиту хранящихся данных от возможного злоупотребления и ликвидацию данных, которые не являются анонимными, при первой возможности. Для контроля над этим в ФРГ существуют "федеральные уполномоченные по защите данных".

Перепись населения, таким образом, не сможет быть проведена раньше 1985 г. Из-за необходимости готовить теперь новый закон и новые анкеты 100 миллионов марок пошли насмарку. И еще: решение Высшего Конституционного Суда касается лишь данной переписи. Суд подчеркнул, что в связи с усовершенствованием техники в будущем надобно искать иных способов сбора информации: эта перепись может стать одной из последних в истории ФРГ.

Все это, безусловно, будет иметь серьезные последствия и для разрешения щекотливого вопроса о планируемом в ФРГ введении новых паспортов, идея которых заключается в том, что

их невозможно будет подделать. Многие высказывают беспокойство, что новые паспорта таят в себе опасность "регистрации и каталогизации" несовместимых с суверенитетом личности.

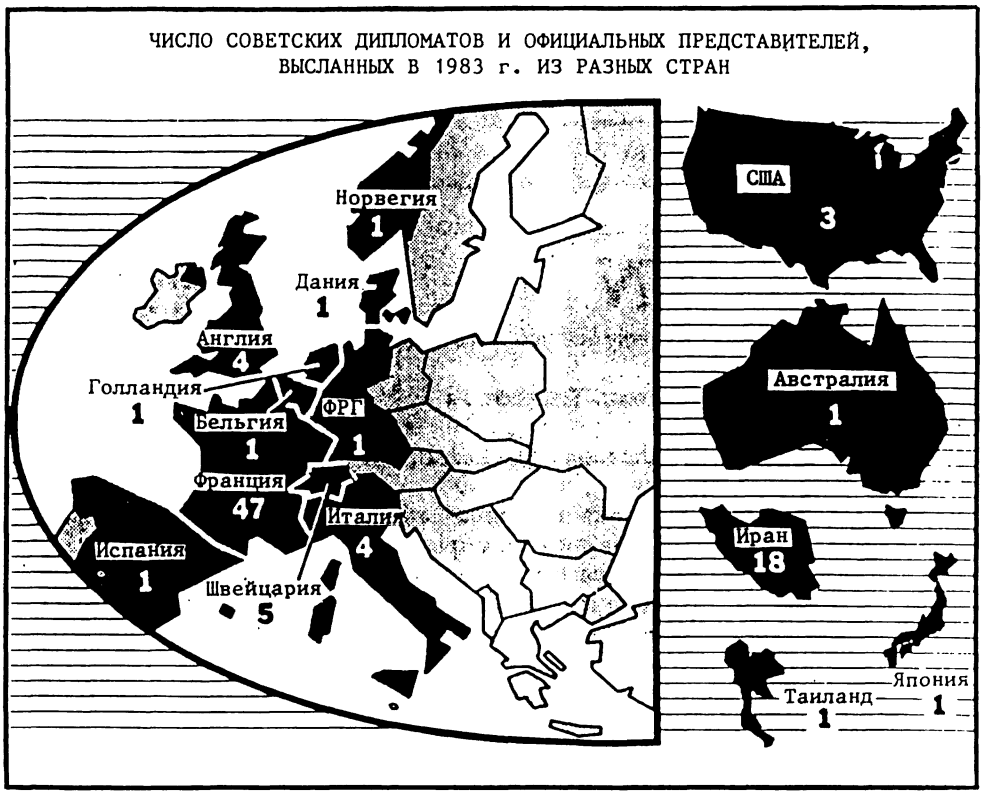
Решение Высшего Конституционного Суда – не только победа личности над бюрократической машиной. Это также проявление ответственности как судей, так и тех граждан, которые подали в суд, показатель демократической зрелости западногерманского общества. Может быть ликование западногерманской прессы по этому поводу и было чуть-чуть преувеличенным, но кто не радуется, когда у него что-то хорошо получается? ●

Е. Фишер

НОРВЕГИЯ: АРЕСТ СОВЕТСКОГО ШПИОНА

20 января в аэропорту Осло перед вылетом в Вену был арестован видный норвежский чиновник и политический деятель Арне Трехольт. Незадолго до этого он был назначен начальником отдела печати норвежского МИДа. У А.Трехольта при аресте был обнаружен портфель с секретными документами, которые он намеревался передать в Вене агентам КГБ. Будучи пойман с поличным и поняв, что у норвежской полиции есть достаточно доказательств его многолетнего сотрудничества с КГБ, А.Трехольт сразу же признал свою вину. В течение первых трех суток после ареста он написал более ста страниц собственноручных показаний. А.Трехольт был активным деятелем левого крыла норвежской рабочей партии. В течение последних 10 лет он занимал различные ответственные посты в министерстве иностранных дел Норвегии и в других министерствах, в частности, с 1976 по 1979 г. он был заместителем министра морского права. Именно в период пребывания на этом посту А.Трехольт участвовал в норвежско-советских переговорах о разграничении территориальных вод и рыболовных зон в Баренцевом море (результаты этих переговоров имеют не только экономический характер). В договоре, заключенном по их окончании, содержались уступки Советскому Союзу – уступки, обусловленные участием А.Трехольта в переговорах. Благодаря ему советская сторона узнавала заранее все будущие "ходы" норвежской дипломатии в ходе переговоров. Безусловно, А.Трехольт знал также и военные секреты Норвегии и НАТО.

В рабочей партии А.Трехольт считался восхо-



дящей звездой. Молодой, энергичный, интеллигентный, с большими возможностями государственной карьеры, он принадлежал к тому течению, которое выступало за объявление Скандинавии безъядерной зоной и против размещения в Европе ракет. А.Трехольт был не рядовым разведчиком, передавшим информацию враждебному государству. Он был, как пишут, "шпионом с влиянием", то есть, кроме передачи КГБ секретных сведений, он мог влиять на политику своей страны в нужном для СССР направлении. Он влиял на политику своей партии и на формирование общественного мнения (в частности, он был редактором ряда сборников по вопросам мира и безопасности). Некоторые политики, иногда даже из левых кругов, отмечают, что именно такие люди, как А.Трехольт, создавали и создают в партийных и общественных кругах атмосферу доверия к Советскому Союзу и недоверия к США.

До сих пор не ясно, что двигало А.Трехольтом – материальные или идейные соображения. Норвежские газеты пишут, что А.Трехольт, имевший звание то ли майора, то ли полковника КГБ, получал из Москвы деньги только на свои поездки (он предпочитал встречаться со своими шефами не в Осло, где все были на виду, а в Вене и в Хельсинки).

Вскоре после ареста А.Трехольта норвежское правительство выслало из страны пятерых работников советского посольства и сократило персонал советского посольства со 130 до 89 человек. Из Осло были высланы: Л.Макаров, С.Чеботок, Ю.Анисимов, М.Уткин и А.Артамонов. Кроме того, четверым советским дипломатам, ранее работавшим в Норвегии, запрещен въезд в эту страну. Это Г.Титов (его считают генералом КГБ), А.Лопатин, В.Жижин и Е.Беляев, который, как предполагают, и завербовал в конце 60-х годов А.Трехольта. ●

Б.Вайль

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ЧЛЕНСТВО В ПРОФСОЮЗАХ И СЕКРЕТНОСТЬ

25 января министр иностранных дел Великобритании Джеффри Хау объявил в Парламенте о решении предложить сотрудникам правительственного коммуникационного центра в Челтнеме отказаться от членства в профсоюзе и в качестве компенсации получить по тысяче фунтов единовременно. Тем, кто не хочет расставаться со своим профсоюзным билетом, будет предложена другая, несекретная работа в системе государственной службы. Как выяснилось позднее, и о чем министр поначалу не упомянул, те из сотрудников коммуникационного центра, кто не согласен ни на то, ни на другое, будут уволены без пособия.

Объявляя о своем решении, министр сказал, что работа коммуникационного центра чрезвычайно важна для безопасности Великобритании. Работа центра в Челтнеме и его филиалах – секретная. Даже сам факт существования этого центра держался в тайне до последнего времени. Лишь в 1982 году М.Тэтчер была вынуждена заговорить о нем в Парламенте в связи с разоблачением советского шпиона Джеффри Прайма, проработавшего в коммуникационном центре 14 лет. В прошлом году он был приговорен к 35 годам заключения.

Правительственный коммуникационный центр, это крупнейшая станция прослушивания эфира. В центре, например, анализируются кодированные радиосообщения с целью выявления значительных передвижений войск стран Варшавского Договора. Производится также перехват радиоразговоров между посольствами. Любые перебои в работе центра чреваты серьезными последствиями. А такие перебои происходили часто в результате забастовок, объявленных профсоюзами государственных служащих. Эти забастовки нанесли непоправимый ущерб разведывательной работе. Так, за последние 5 лет перебои в работе центра происходили во время советского вторжения в Афганистан, в день покушения на президента Рейгана, в период усугубления бейрутского кризиса, накануне всеобщей забастовки в Польше и в последние дни Фолклендской войны. Во избежание повторения таких накладок правительство и решило объявить запрет на членство в профсоюзе сотрудников коммуникационного центра. Такой порядок уже существует в армии, разведке и контрразведке.

Очевидно министр иностранных дел, премьер-министр и администрация коммуникационного центра были настолько уверены в своей правоте, что не ожидали большого сопротивления. Но не тут-то было. К сопротивлению со стороны профсоюзов и оппозиции правительство, конечно, было готово, на то и существует оппозиция. Однако на сей раз к протестам присоединились консерваторы. Некоторые консервативные депутаты были недовольны тем, как министр преподнес и обставил свое решение. Многие были удивлены тем, что кабинет министров, как таковой, не играл никакой роли в принятии этого решения.

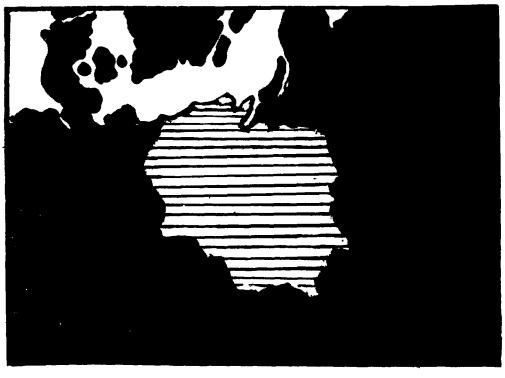
Не предугадал министр и реакции самих сотрудников коммуникационного центра. Многие из них были оскорблены, считая, что ставится под вопрос их патриотизм, лояльность и профес-

сиональная добросовестность. Неизвестно, сколько из 7 тысяч сотрудников центра подписали заявления об отказе от членства в профсоюзе: по мнению правительства – 90%. Но, как считает бывший директор центра, потеря даже 10% сотрудников породит огромные трудности: на обучение замены может уйти несколько лет.

Правительство между тем отказалось прислушаться к рекомендациям межпартийной парламентской комиссии, предложившей компромиссный вариант, и продолжает настаивать на первоначальном решении. Столкнувшись с этим, Конгресс британских тредюнионов поддержал символическую забастовку солидарности с сотрудниками центра 28 февраля (сами сотрудники центра в ней не участвовали). Более того, Конгресс заявил, что если будет уволен хотя бы один сотрудник центра, то все отношения с правительством будут разорваны и будет объявлена всеобщая забастовка.

Как ни завершится этот конфликт, ясно, что отношениям между правительством консераторов и профсоюзами, которые только начали налаживаться, нанесен серьезный удар. ●

М. Филлимор



ПОЛЬША: ПОСЛЕ ДВУХ ЛЕТ "НОРМАЛИЗАЦИИ"

Сообщения о событиях в Польше мы предваряем кратким общим обзором современного политического положения в этой стране. Автор обзора наш постоянный обозреватель, экономист Вальдемар Кучиньский, в прошлом один из создателей "летучих университетов" в Польше, сотрудник независимых журналов "Работник" и "Информационный бюллетень". В августе 1980 г. принимал участие в гданьских переговорах на стороне рабочих в качестве эксперта по вопросам экономики. Затем был заместителем главного редактора еженедельника "Тыгодник Солидарность" – официального органа общенациональной комиссии профсоюза "Солидарность". Во время военного положения был интернирован.

По моему, процесс "нормализации" в Польше закончен. Достигнуто равновесие, которое каждая из сторон хотела бы изменить в свою пользу, но, вероятно, это ни одной из них не удастся. Польским властям не удалось добиться контроля над обществом, подобного тому, которое они осуществляли до августа 1980 года. Общественность же не сумела укрепить те политические позиции, которые она занимала во времена "Солидарности". В Польше наблюдается новый тип нормализации, отличный от чехословацкого и венгерского. Чем он характеризуется?

Если говорить об обществе, то во всех его слоях ощущается готовность к сопротивлению. Польская Объединенная рабочая партия не смогла деморализовать общественность, несмотря на наличие капитуляционных настроений. О том, что воля к сопротивлению в польском обществе не угасла, свидетельствует возникновение подпольной "Солидарности" и многих других оппозиционных группировок, появление подпольной прессы и независимых издательств.

Нынешнее опозиционное движение является исключительным явлением в социалистических странах, более массовым, чем предавгустовское, хотя и тогда оно выходило далеко за узкие рамки диссидентского движения. Во всех крупных городах Польши действуют различные подпольные группы, и по всей Польше распространяется подпольная пресса. Участники этого движения на протяжении вот уже двух лет подвергаются репрессиям и арестам. Они научились не только противостоять ударам, но и восстанавливать разрушенное. По этому поводу Збигнев Буяк сказал: "В настоящее время профсоюз "Солидарность" продолжает действовать на всех уровнях – общенациональном, региональном и на отдельных предприятиях. Более того, несмотря на преследования со стороны службы безопасности (СБ), структуры "Солидарности" восстанавливаются, и если в первые дни после введения военного положения провал нескольких людей мог парализовать деятельность целого профсоюза, то теперь после ударов СБ его региональные структуры восстанавливаются в короткое время. Возрождается и деятельность Временной Координационной Комиссии "Солидарности"."

Примечательным феноменом, однако, небывалым даже для периода "Солидарности", является сплочение польской общественности вокруг католической церкви, политическая позиция которой еще больше укрепилась после введе-

ния военного положения благодаря мудрому поведению епископата. В течение последних двух лет церковь избегала конфликтов с властями, поддерживала с ними контакты, вела переговоры и даже удерживала общественность от забастовок и открытых манифестаций. С другой стороны, церковь делала все, что могла, чтобы защитить общественность от репрессий, поддерживала надежды и волю к сопротивлению, давала людям возможность под ее прикрытием действовать независимо. Это ей удалось. Под защитой церкви развилось широкое движение помощи интернированным и их семьям, которое значительно ослабило наступивший после введения военного положения общественный шок. Сегодня под эгидой церкви проводится обширная культурная и общественная работа. Можно даже сказать, что независимое общественное движение частично действует конспиративно, а частично в "тени святынь".

Что касается официальной Польши, то трудности, которые испытывают власти в отношениях с общественностью, очевидны. Численность новых профсоюзов растет очень медленно. Они черпают свое пополнение в основном из среды пенсионеров, которых в Польше около 6 миллионов, а также из числа рабочих мелких провинциальных предприятий, сопротивление которых ослабить значительно легче. Эти профсоюзы насчитывают сегодня 3,8 миллиона членов, меньше, чем так называемые отраслевые профсоюзы во времена "Солидарности". Продолжается и выход людей из Польской Объединенной Рабочей Партии. Число добровольно оставляющих ее граждан по-прежнему превышает число вступающих в нее. С августа 1980 г. ПОРП потеряла около одного миллиона членов (30%), часть из них (около 520 тысяч) – после введения военного положения. В прошлом году, во втором году нормализации из ПОРП вышло 172 тысячи человек, а принято было – 17 тысяч. Из семи с половиной миллионов молодых людей Польши в возрасте от 18 до 29 лет членами ПОРП являются только 260 тысяч, то есть 3,4%. Все официальные польские молодежные организации, объединяющие детей в возрасте от 7 лет и молодых людей до 30 лет, с 1980 по 1982 г. потеряли 2,7 миллиона членов (45%).

Созданной недавно в Польше официальной организации студентов не удается пустить корни в высших учебных заведениях страны. Из 400 тысяч польских учащихся ВУЗов в ней состоит только 20 000 тысяч. Почти никто из представителей интеллектуальной элиты Польши не принимает участие в новых творческих профсоюзах. Большинство польских граждан избегает участия в новых официальных институциях и боится быть объявленными коллаборационистами.

Другое явление, наблюдаемое в официальной Польше, – это перегруппировка сил, появление "новой" разновидности социализма, которая тем не менее сохраняет преемственность со "старой". Официальная доктрина не изменилась.

Формально ведущей силой системы остается коммунистическая партия, пытающаяся играть руководящую роль в государстве. На практике, однако, ПОРП оказалась скомпрометированной как никогда до сих пор. Она не имеет больше никакого авторитета и пользуется даже меньшим доверием у населения, чем милиция. Партия полностью возложила ответственность за принятие важных решений на армию, то есть на партию в мундирах, на государственный аппарат и на такую чисто фасадную организацию как "Патриотическое движение национального возрождения". Все самые важные государственные вопросы решаются теперь генералом Ярузельским и возглавляемым им Комитетом Обороны, а также группой пользующихся его доверием лиц, большинство из которых не входит в состав государственного и партийного руководства. На региональном уровне местные комитеты обороны страны, вместе со специально созданными для этой цели "военными оперативными группами" контролируют деятельность государственной администрации. "Мы есть и будем идеологическим, моральным, политическим и военным базисом социализма в Польше", – заявил недавно министр обороны ПНР Флориан Сивицкий.

Тем не менее, общественное сопротивление в Польше, если учесть, что это – социалистическая страна, организованно неплохо. Через два года после объявления о начале нормализации власти в этой стране действуют в полном общественном вакууме.

●

Январь в Польше был относительно спокойным. В середине этого месяца власти сделали новое заявление о повышении цен, взяв назад свое более раннее предложение. Потери, которые должно было понести население от повышения цен, снизились с 82 до 47 миллиардов злотых. Власти пошли на эту большую уступку, главным образом потому, что испугались возможных акций протеста на предприятиях и поняли, что в подполье действуют группы, готовые возглавить манифестации против резкого повышения цен.

Против повышения цен выступила и Временная Координационная Комиссия "Солидарности", а позднее и действующие в подполье группы бывших отраслевых и автономных профсоюзов, профсоюза польских учителей и "Сельская Солиданость". То, что "Солидарность" и отраслевые профсоюзы, между которыми до декабря 1981 г. существовали расхождения, теперь выступили единым фронтом – особенно важно. В результате повышение цен вступило в силу только в начале февраля, и притом в "облегченном" варианте .

Ни по одному из интересующих общественность вопросов решений принято не было. Тянется следствие по делу священников Е.Попелюшко и Х.Янковского. По-прежнему безрезультатно расследование убийства Гжегожа Пшемыка, школьника, который несколько месяцев назад умер в больнице после допроса в милиции. Его смерть вызвала сильное общественное возмущение; на его похороны пришло около 60 тысяч варшавян. Вместо убийц Г.Пшемыка 11 января арестован приглашенный матерью убитого адвокат М.Беднаркевич, которого обвиняют в "подстрекательстве к лжесвидетельству". Не принято никакого решения по делу арестованных деятелей "Солидарности" и КОРа. Власти не решаются их судить. Официальный представитель польского правительства Ежи Урбан заявил иностранным журналистам, что власти готовы освободить арестованных, если те согласятся выехать за границу. Отношение общественности к этому предложению выразила член КОРа адвокат Анеля Штансбергова. Она заявила, что это предложение правительства говорит об отсутствии в Польше правосудия: дело не в том, виноваты или нет арестованные, а в том, что они неугодны режиму.

Предложение об эмиграции отклонил и член Комитета Общественной Самообороны, член президиума правления мазовецкого региона "Солидарности" Хенрик Вуец в письме, направленном им Ежи Урбану. То же сделал и Адам Михник в открытом письме к министру иностранных дел ПНР генералу Кшцаку. Это письмо станет одним из документов польской национальной истории. Вот отрывок из него: "Господин генерал, мне хорошо известно, почему Вам так нужно, чтобы мы эмигрировали. Ведь в этом случае Вы с удвоенной силой сможете клеветать на нас в ваших газетах, изображая нас людьми, которые, в конце концов, показали свою подлинную сущность, которые до того выполняли чужие приказы, а теперь позарились на капиталистическую роскошь. Ведь, в таком случае, Вы сможете продемонстрировать всему миру то, что Вы являетесь благородными либералами, а мы – бесхарактерными тряпками. Вы хотите заставить нас эмигрировать для того, чтобы заявить полякам: "Смотрите, даже они сдались, даже они утратили веру в возможность создания демократической, свободной Польши", для того, чтобы выглядеть лучше в своих собственных глазах и иметь основания сказать: "Они ни в чем не лучше нас"."

В январе в подполье было несколько провалов. Во Вроцлаве служба безопасности арестовала 18 рабочих по обвинению в участии в работе подпольных структур "Солидарности". В Щецине был раскрыт пункт распределения подпольной прессы и типография и арестованы 6 человек. В Лодзи была обнаружена типография издательства "Опока" и арестовано 4 человека. 10 февраля во Вроцлаве произошли новые аресты среди членов подпольной "Солидарности" на электротехническом заводе. В конце февраля были арестованы еще две группы профсоюзных активистов. Каждый из этих случаев – большая неудача для подпольной "Солидарности". Но это довольно обычная "норма" охотничьих успехов СБ за последние два года. Иногда было лучше, иногда – хуже. Важно то, что эти потери сейчас восстанавливаются и не ослабляют подпольного движения.

Недавно стало известно о создании в одной из воинских частей подпольного солдатского совета, а также о письме подпольной группы офицеров, опубликованном в журнале "КОС". И солдаты и офицеры выступают против использования армии для подавления населения, осуждают роль армии в перевороте 13 декабря 1981 г. и объявляют о начале подпольной деятельности в армии. Хотя нет данных о том, сколько людей участвует в этих группах, сам факт их появления знаменателен и означает, что оппозиционные настроения распространились в казармах, и военнослужащие переходят к активной деятельности.

Возможно, это объясняется изменением общего настроения среди солдат, возможно тем, что теперь в армию призываются молодые люди, которые сами прошли через "Солидарность".

Другое важное событие, о котором мы узнали

с запозданием, – это создание в подполье "Сети ведущих предприятий "Солидарности", в которой, когда она действовала еще легально, и зародилась идея самоуправления. Заявление о восстановлении "Сети" подписали представители пяти крупных фабрик, и первым ее документом была критика намеченного правительством повышения цен.

Очень важно, что изоляция, которой подверглось польское общество во время военного положения, закончилась. Из эмиграционных кругов за границей в Польшу идет поток всего того, что необходимо подполью для каждодневной деятельности. Из Польши за рубеж поступают книги, письма, листовки, плакаты и другие документы подполья.

Железный занавес сильно проржавел. Но не только он. Проржавлены и ворота тюрем, из которых на свободу поступает множество документов и информации. Последним свидетельством этого является открытое письмо, посланное членам "Солидарности" вроцлавского региона его руководителем, членом ВКК, приговоренным в 1982 году к шести годам тюремного заключения Владиславом Фрасынюком. "Условием для эффективности общественной деятельности, – говорится в его письме – является готовность идти на жертвы. Таким образом мы можем ликвидировать страх – главную опору режима."

Сам В.Фрасынюк с начала декабря держит голодовку вместе с другими политзаключенными тюрьмы в Стшелине. Недавно четверо голодающих, включая В.Фрасынюка, были в критическом состоянии переведены в тюремную больницу. Непосредственным поводом для голодовки послужили массовые пищевые отравлениях но главным требованием голодающих является предоставление им статуса политзаключенных.

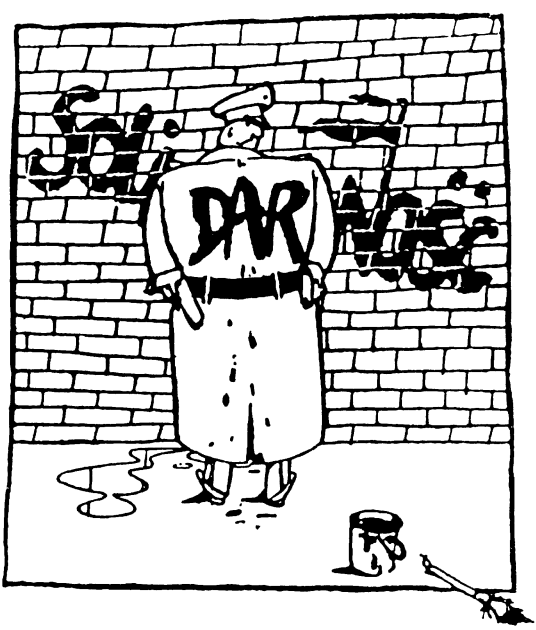
В.Кучиньский

●

В феврале возник острый конфликт между радикально настроенными священниками и паствой с одной стороны и примасом Польши кардиналом Глемпом – с другой. И.Глемп вызвал к себе одного за другим 69 священников из числа тех, кто открыто поддерживает "Солидарность" и предостерег их от "злоупотребления свободой проповеди в политических целях". 15 февраля Глемп перевел в сельский приход (хотя формально и на более высокий пост) священника Мечислава Новака, викария церкви святого Иосифа в предместье Варшавы Урсусе, в котором расположен тракторостроительный завод, один из оплотов "Солидарности". Именно после проповеди о.Новака, в которой говорилось о преследовании властями священников Е.Попелушко и С.Янковского в Урсусе прошли демонстрации под лозунгом: "Защитим наших священников".

15 февраля прихожане церкви св.Иосифа, протестуя против перевода от них о.Новака, установили в церкви круглосуточное дежурство. 18 февраля четыре человека начали голодовку, потом число голодающих возросло до 12 человек. В епископат было направлено множество петиций, а к кардиналу Франтишеку Махарскому, замещающему Глемпа в его отсутствие, явилась депутация рабочих-прихожан. Сам Глемп в это время путешествовал по Бразилии, где после начала событий его атаковали с вопросами журналисты. Неожиданно для многих Глемп очень резко высказался о протестующих, сказав, что "... они лишь хотят нажить политический капитал", что в отделение "Солидарности" в Урсусе проникли люди, заинтересованные в беспорядках и что церковь была вынуждена вмешаться, чтобы восстановить порядок. Позднее Глемп высказался еще более резко, заявив, что церковь "не поддерживает" подпольную "Солидарность", поскольку она "отошла от социального учения католической церкви".

Заявление Глемпа произвело в Польше очень тяжелое впечатление. В подпольной прессе появились высказывания, сравнивающие кардинала Глемпа с партиархом Пименом, который, кстати, скоро намеревается посетить Польшу. Полное подчинение патриарха русской православной церкви советским властям хорошо известно и неоднократно подвергалось критике.



●

Расходы на военные нужды в Польше составят в 1984 году 2,3 млрд. долларов (4,04% национального дохода) и превысят уровень предыдущего года на 13,9%.

В польской армии находится сейчас 340 000 человек, на 20 000 больше, чем до объявления военного положения в декабре 1981 года.

ИРАН: "ЮБИЛЕЙ" ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

5 лет назад, 11 февраля 1979 г. в Тегеране подал в отставку последний премьер-министр шахского правительства Бахтиар. Вся власть в стране перешла в руки имама Хомейни, который всего за десять дней перед этим вернулся на родину, приветствуемый миллионами встречавших его сограждан. Исламская революция, о необходимости которой постоянно говорили муллы, совершилась.

Славный юбилей был отмечен торжественным открытием в г.Исфахане памятного сооружения, которое мэр города назвал "монументом более великолепным, чем Персеполь". Сооружение это – огромное кладбище на краю пустыни, рассчитанное на миллион могил. Пока "заселен" только один участок, где покоятся 25 000 "мучеников" – молодежь, погибшая в войне с Ираком и при подавлении восстаний отдельных племен против режима Хомейни.

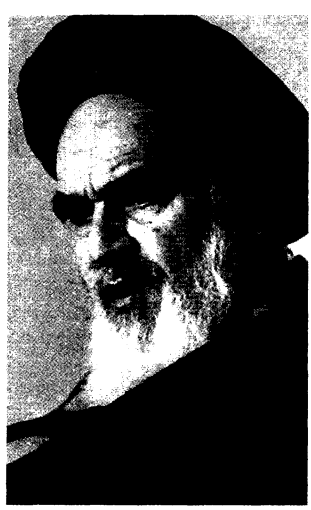
Не нужно думать, что мэр Исфахана сделал неловкий шаг, отметив юбилей революции открытием кладбища. Первым шагом самого аятоллы Хомейни после триумфального возвращения в Иран, было именно посещение кладбища, где он провозгласил наступление "эпохи мученичества". "Чем больше людей, особенно молодых, погибнет за наше дело, – сказал тогда 85-летний имам, – тем сильнее мы станем. Чтобы завоевать мир, мусульманин должен подавлять в себе страх смерти".

Пятая годовщина прихода к власти Хомейни имеет для иранских руководителей особое значение. Дело в том, что шиитское духовенство считает единственным в истории "законным правителем" четвертого халифа Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда. К моменту, когда Али был убит, он находился у власти немногим более четырех лет. Хомейни – первый "законный наследник" правившего в VII веке Али. И вот сейчас по длительности пребывания у власти он его превзошел!

Нельзя сказать, что истекшие пять лет были потрачены зря. Иран значительно приблизился к достижению целей, провозглашенных Хомейни в его кладбищенской речи. Более четверти миллиона иранцев погибли в войне с Ираком, племенных междоусобицах, стычках с городскими партизанами. От 8 до 12 тысяч было казнено. Около 2 миллионов находится в изгнании. 3 миллиона остались без крова. Уровень жизни, и ранее низкий, падает с каждым годом.

Впечатляющи и идеологические достижения: "законы, созданные людьми, заменены законами Аллаха"; тлетворное влияние Запада уничтожено: женщины носят чадру, алкоголь вне закона, театральные представления запрещены; важнейшие ключевые посты заняты муллами или их родственниками.

"Сегодня Иран – единственное правоверное исламское государство в мире", – сказал недавно спикер иранского парламента аятолла Хошеми Рафсанджани. Но что же дальше? Каким окажется шестой год исламской революции? Успеют ли муллы заполнить остающиеся еще вакантными 975 тысяч мест на исфаханском кладбище? ●



Аятолла Рухолла Хомейни

ЛИВАН: ЗАТЯНУВШАЯСЯ АГОНИЯ

Земля горит под ногами христиан. Их традиционная власть постепенно сводится на нет, и надежды на демократический Ливан растворяются во мгле бомбежек и обстрелов.

Все говорит о том, что именно Сирия направляет последние массированные наступления друзов под командованиеми Валида Джумблата, точно так же, как она стояла за спиной бойцов шиитской организации "Амаль", захвативших в начале февраля Западный Бейрут и ограничивших этим власть Амина Жмайеля лишь Восточным Бейрутом. Сирийцы точно рассчитали свои действия, понимая, что Рейган перед выборами не захочет вовлекать американских морских пехотинцев в гражданскую войну в Ливане. И действительно, морская пехота была переведена на корабли 6-го флота во избежание новых жертв. Выведены из Бейрута и итальянские войска, тоже входившие в состав международных сил по поддержанию мира.

В Дамаске, по-видимому, рассчитывают на то, что американцы убедились в том, что ливанская армия потеряла свою боеспособность и не в состоянии вести тяжелую войну, несмотря на новейшее оружие и помощь военных советников США. В Сирии правильно оценили атмосферу разочарования, царящую в Белом Доме из-за событий в Ливане. Американцы в феврале ограничились всего лишь залпом в 11 снарядов среднего калибра по позициям в Шуфских горах друзов и палестинцев в ответ на их наступление, окончательно разделившее Ливан надвое.

Колебания Жмайеля в отношении сирийских требований об отмене ливано-израильского соглашения от 17 мая 1983 г. и выводе кораблей 6-го флота из территориальных вод Бейрута привели сирийцев к решению силой навязать раздел Ливана. Под предлогом помощи "национальным силам" (друзам, шиитам, палестинцам и др.) они используют последних для уничтожения власти фалангистского большинства. В Дамаске всегда считали, что Ливан и Сирия – неотъемлемые части Большой Сирии, которую Франция искусственно разделила на две страны в соответствии со своими колониальными интересами. В Бейруте нет сирийского посольства и нет ограничений в передвижении между двумя странами.

Ливанский президент, убедившись, что вся сфера его власти с середины февраля ограничена пятью процентами территории Ливана, встретился со старым врагом своей семьи Сулейманом Франжье, просирийски настроенным христианином-маронитом, одним из лидеров "Фронта национального спасения" под руководством Джумблата. Похоже, что Жмайель согласится принять часть сирийских требований. Джумблат, со своей стороны, после успешных военных действий по соединению Западного Бейрута с Шуфским районом заявил, что он в любом случае требует отставки Жмайеля, даже при отказе последнего от соглашения с Израилем.

Совсем недавно США и Израиль надеялись использовать ливанскую армию для установления порядка в стране, раздираемой противоречиями. Во второй половине февраля позиции ливанской армии в южнно-западной части Шуфского района без единого выстрела перешли в руки друзов и палестинцев, которые вышли на соединение с шиитами в приморской полосе. Сегодня около 50% армии находится под властью "национальных сил", непосредственно стоящих на страже сирийских интересов в Ливане. Сирия стремится в кратчайшие сроки создать с помощью Джумблата общий генеральный штаб ливанской армии (в основе своей друзо-шиитский) с центром в Западном Бейруте. Под его командованием будут находиться тысячи офицеров и солдат, дезертировавших из ливанской армии. Дамаску это необходимо для контроля над шиитами, среди которых веют новые ветры хомейнистского ислама.

Израиль, со своей стороны, убедился, что режим Жмайеля не способен обеспечить необходимые меры безопасности в Южном Ливане. Израильский министр обороны Моше Аренс заявил в кругу своих советников, что он больше не будет "заниматься" Жмайелем, который уже не заслуживает, по его словам, никакого внимания. Отменит ли Жмайель соглашение от 17 мая или нет – не имеет никакого значения, и не потому, что до сих пор это соглашение не было официально утверждено ливанским парламентом, и не потому, что оно не выполнимо, а по той простой причине, что все, что происходило в Ливане, с израильской точки зрения, не имело никакого отношения к этому соглашению.

Многие утверждают, что значение этого соглашения в его символичности. Однако какова ценность этого символа, если за ним ничего не кроется? Соглашение было подписано между Израилем и "правительством Республики Ливан". В Израиле задают себе вопрос: каким правительством и какой республики?

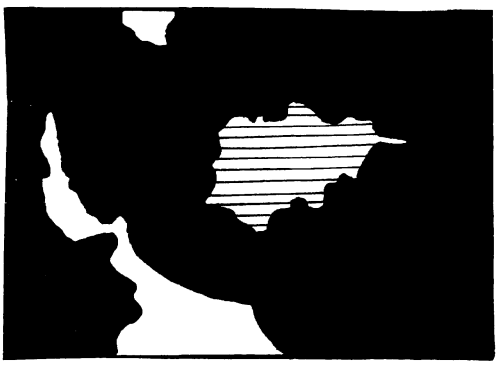
Для Израиля возможное падение Жмайеля – утрата прозападного, не враждебно настроенного лидера, считающегося с мнением США. Идеальные меры безопасности в Южном Ливане Израиль не в состоянии обеспечить. Однако он не так уж и беспомощен, и силы, находящиеся на восточном фронте в 28 км от Дамаска, представляют достаточную преграду для президента Аса-

да. Сирийский президент в настоящее время не нуждается в войне с Израилем.

Израиль же при отсутствии баз ООП в Южном Ливане, возможно, удовлетворится необходимыми мерами безопасности и примет в расчет огромные экономические трудности, связанные с содержанием крупных военных сил на нынешних позициях, и растущие в Израиле настроения в пользу вывода войск из Ливана.

Израильское правительство начинает понимать, что все попытки создать централизированную власть в Ливане обречены на провал, и если кто-то из его стратегов надеялся, что в результате военных действий фалангистов при помощи Израиля можно будет создать такую власть, то он ошибался. Нет никаких шансов на централизованную власть в Ливане, и поэтому "достижения" Израиля можно считать провалом. С настоящего момента и далее в Ливане будут существовать местные военные центры сил, которые в конечном итоге будут находиться в прямой зависимости от сирийских интересов безопасности. И даже в том случае, если Жмайель останется у власти, он будет зависеть от решений Дамаска. Израильскому правительству остается лишь надеяться, что сирийцы поймут, что Израиль не собирается отступать от концепции обеспечения буферной зоны безопасности в Южном Ливане. ●

А.Мильман



АФГАНИСТАН

Афганские борцы против советской оккупации сообщили, что они начали переносить свои действия на советскую территорию. Во время рейда партизан в первой декаде января 1984 г. был атакован таможенный пограничный пункт Торгунди, расположенный на шоссе, соединяющем Герат (Афганистан) и Мары (Туркмения). Несколько пограничников было убито, захвачено оружие и боеприпасы.

●

Военное руководство правительственных афганских войск подверглось очередной чистке после продолжительного совещания в Министерстве обороны 8 января. Бабрак Кармаль резко критиковал военных руководителей за поражения, дезертирство в армии и неспособность провести мобилизацию. Афганская армия, насчитывавшая в 1978 г. 80 тысяч человек, в результате потерь и дезертирства сократилась к сегодняшнему дню до 40 тысяч.

В результате перетряски военного руководства начальник генерального штаба генерал Баба, которого сочли слишком "старым и мягким", был заменен более "динамичным" генералом, бывшим командующим ВВС, Назаром Мохаммадом. Как сообщают, Назар Мохаммад принадлежит к фракции Халк Народно-демократической партии Афганистана, соперничающей с фракцией Бабрака Кармаля Парчам. В данном случае однако личные качества генерала были сочтены более важным фактором, чем партийная принадлежность.

Первым заместителем министра обороны был назначен генерал-лейтенант Мохаммад Наби Азими, лишь недавно вернувшийся с курсов переподготовки в СССР. Этот пост был вакантным после того, как предшественник Азими был посажен под домашний арест за то, что во время заседания правительства он ударил своего министра стулом.

Был назначен также новый начальник оперативного штаба армии. Официально новые назначения не были объявлены.

●

28 января советские МИГи подвергли бомбардировке территорию Пакистана, убив 40 и ранив более 50 человек. Правительство Пакистана заявило афганскому поверенному в делах резкий протест против "варварского нападения на гражданское население".

Ранее, в ноябре 1983 г. пакистанский министр иностранных дел Сахабзаде Якуб Хан сообщил, что афганские самолеты с мая по октябрь 1983 г. 44 раза нарушали воздушное пространство Пакистана. В сентябре 1983 г. советские МИГи сбросили в пакистанской долине Куррам восемь бомб, от которых пострадало 6 человек. 4 октября 1983 г. один МИГ и один вертолет пересекли пакистанскую границу близ Вана, при этом были убиты три женщины и ранены еще два человека. ●

БАНГЛАДЕШ: ИЗГНАНИЕ СОВЕТСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Президент Бангладеш Хоссейн Мухаммед Эршад 21 января 1983 г. распорядился закрыть советский культурный центр в Дакке. Незадолго до этого были высланы 12 советских служащих, которых обвинили во вмешательстве во внутренние дела. В числе высланных – несколько дипломатов и представитель Аэрофлота в Дакке.

Советское посольство – крупнейшее иностранное представительство в Бангладеш, со штатом более 100 человек, в их числе – 36 дипломатов. Ему было предложено сократить число дипломатов в два раза. Правительство Бангладеш обвинило советских дипломатов в подстрекательстве к антиправительственным бунтам в ноябре 1983 г. во время которых 6 человек было убито и более 500 ранено.

В январе 1984 г. правительство Бангладеш запретило Аэрофлоту доставить из Москвы в Дакку груз книг и журналов, утверждая, что они представляют собой подрывной пропагандистский материал. ●

ПЕРЕД КИТАЙСКОЙ ПОЕЗДКОЙ РЕЙГАНА

Поездка президента Рейгана в КНР в последнюю неделю апреля – это одна из предвыборных поездок, имеющих целью показать на телеэкране президента, твердо контролирующего американскую внешнюю политику. Но по существу от переговоров Рейгана с китайскими лидерами ожидают мало – не больше, чем от поездки китайского премьера Чжао Цяня в США в январе этого года.

Что действительно важно, так это то, что китайцы сделали вывод, что Рейгана, вероятно, в ноябре переизберут и что лучше добиваться его расположения, чем встать к нему в оппозицию.

Китайские руководители – Дэн Сяопин, председатель КПК Ху Яобан и премьер Чжао – наверняка будут оказывать давление на Рейгана по ряду вопросов. Со стороны порядок этих вопросов выглядит так: Тайвань, торговля, техническая и экономическая помощь, военное сотрудничество, Советский Союз, Юго-Восточная Азия и Япония. С точки же зрения реальной значимости порядок должен быть как раз обратным.

Тайваньский вопрос сейчас, по-видимому, отошел в область мифов. Американские специалисты по китайским делам рассматривают тайваньский вопрос лишь как инструмент, при помощи которого китайцы показывают свою удовлетворенность или, наоборот, раздражение состоянием американо-китайских отношений. Сейчас, через 35 лет после того, как Чан Кайши и гоминдановские войска вынуждены были покинуть континен, никто не ожидает их возвращения. Никто не относится всерьез и к возможности китайского вторжения на Тайвань. Время идет, тайваньская экономика процветает, и на Тайване все менее интересуются воссоединением с континентальным Китаем. Пекин не делает ничего, чтобы оживить идею федерации. Короче, тайваньский воп-

рос не составляет проблемы в китайско-американских отношениях, несмотря на очевидные политические симпатии Рейгана к Тайваню, а не к коммунистическому Китаю.

Дэн Сяопин и его окружение очевидным образом заинтересованы в американской экономической и технологической помощи, чтобы модернизировать невероятно отсталые промышленность и сельское хозяйство Китая. В прошлом году правительство США составило список технологии, которую можно поставлять в Китай без специального разрешения. В этом списке современные компьютеры, компьютерное оборудование, микросхемы и т.п.

Китайцы, ограниченные своими валютными резервами, предпочитают развивать свою собственную технологию, а не закупать ее в больших количествах. То же касается и вооружения, которое США сейчас готовы продавать КНР от случая к случаю. Китай со своей стороны неохотно идет на широкое американо-китайское военное сотрудничество. Он опасается слишком полагаться на иностранную мощь, на мощь державы, которая до сх пор считается идеологическим врагом. Китай боится также испортить отношения с Советским Союзом, которые, хотя и не являются теплыми, все же изменились к лучшему по сравнению со временами резких словесных (и не только словесных) стычек. Во всяком случае, ожидается, что Китай начнет покупать в США некоторые виды военного оборудования, чтобы модернизировать свою четырехмиллионную армию, которая, по мнению американских военных экспертов, по технической оснащенности находится на уровне крестьянской армии.

СССР остается главнейшей китайской заботой в области внешней политики. Советский Союз только что направил второй авианосец на соединение с Тихоокеанским флотом, в который входит более 150 кораблей и подводных лодок. На Дальнем Востоке установлены дополнительные ракеты SS-20, а в советские ВВС в районе Тихого океана включено еще несколько бомбардировщиков типа "Бэкфайр" (кодовое имя, присвоенное им НАТО). К этому надо добавить ракетные, механизированные и пехотные части численностью около 1 млн. чел., расквартированные вдоль советско-китайской границы.

Китайцы, несмотря на авансы, которые делал им министр обороны США К.Уайнбергер во время визита в Пекин, не очень-то хотят участвовать в "стратегическом сотрудничестве" с США перед лицом советской экспансии. Руководство Дэн Сяопина, возможно, полагает, что эти планы служат лишь американским целям и потребуют от Китая новых больших военных расходов в то время, когда он пытается расширить и модернизировать свою промышленную базу. Пекинское руководство, заинтересованное в развитии выгодных торговых отношений с СССР, не хочет также вызывать тревогу у кремлевских руководителей, находящихся в непрерывном кризисе наследования.

И правительство Рейгана, по-видимому, не столь уж заинтересовано в китайско-американском стратегическом сотрудничестве, по крайней мере в год выборов, когда Рейган уже намекнул, что он готов встретиться с Черненко.

Китай недоволен также требованиями правительства Рейгана к Японии о больших затратах на оборону, чтобы противостоять советской военной экспансии в Азии. Китайцы, как и многие другие азиатские народы, истерически боятся милитаризованной Японии. Маловероятно, что Пекин и Вашингтон найдут по этому вопросу общий язык.

Китайско-американская встреча в Пекине на высшем уровне пройдет в атмосфере доброй воли и дружеских пожеланий, но в действительности отношениям между этими двумя странами еще предстоит оправдать ожидания, которые на них возлагаются. ●

П.Брукингс

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ

1984 год – последний год пятилетнего плана КНДР. Преполагалось, что валовой национальный продукт в результате выполнения плана вырастет на 12,1%. Сейчас очевидно, что этой цели достигнуть не удастся. Семилетний план КНДР должен был быть выполнен "путем опоры на собственные силы", на китайский маоистский манер. Сам Китай практически оставил сейчас этот курс, провозгласив политику открытых дверей. Похоже, что и Северная Корея склоняется к тому же. По сообщению Корейского центрального телеграфного агентства на заседании Верховного Народного Собрания КНДР 27 января 1984 г. говорилось: "Мы должны активно развивать экономический обмен и торговлю с капиталистическими странами, которые уважают суверенитет нашей страны".

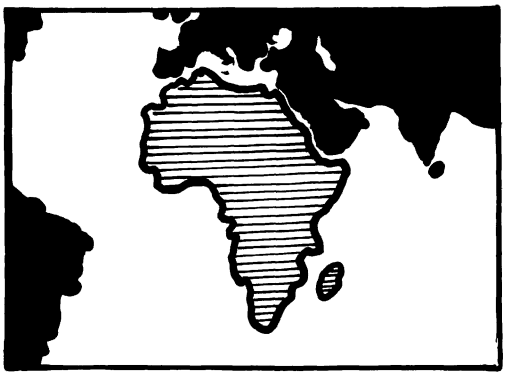
●

Коммунистическая партия Японии разорвала отношения с режимом Северной Кореи. Открытый разрыв был вызван резкой критикой, которой подвергла КПЯ участие Северной Кореи в организации взрыва в Рангуне (Бирма) 9 октября 1983 г. Как известно, во время этого взрыва

погибли 21 человек, включая четырех южнокорейских министров – членов правительственной делегации. Президент Южной Кореи лишь случайно избежал гибели. "Истинный коммунизм не имеет ничего общего с терроризмом", – заявила КПЯ.

Резкой критике подвергли коммунисты Японии вождя Северной Кореи Ким Ир Сена и его "идеи чучхе." В газете КПЯ "Акахата" ("Красный флаг") эти "идеи" названы "реакционным ненаучным идеализмом".

Коммунистическая партия Японии сейчас уже по-иному, чем раньше, подходит и к истории Корейской войны, отрицая северокорейскую версию, по которой война началась в 1951 году в результате вторжения американских войск в Северную Корею. Об этом в январе 1984 г. заявил заместитель председателя КПЯ Номи Нишизава.



ЭФИОПИЯ

В 1984 г. исполняется 10 лет со дня свержения императора Хайле Селассие и прихода к власти марксистского правительства Эфиопии. Нынешний эфиопский вождь Менгисту Хайле Мариам намерен отметить юбилей официальным созданием марксистско-ленинской "Эфиопской рабочей партии". Несколько тысяч будущих партийных активистов уже прошли подготовку в Москве.

●

6 февраля из Эфиопии были высланы четыре американских дипломата, включая 1-го и 2-го секретарей посольства, торгового атташе и вице-консула. Их обвинили в шпионаже. Одновременно по такому же обвинению было арестовано по крайней мере 18 граждан Эфиопии, в том числе два генерала, один майор и еще несколько военнослужащих. Арестованные принадлежат к так называемому народно-демократическому союзу Эфиопии, куда входят члены как консервативных, так и крайне-левых организаций, разгромленных в период чисток 1977–1978 г.г.

Арестованные обвиняются в распространении листовок и брошюр, направленных против тесных связей режима Менгисту Хайле Мариама с СССР и присутствия в стране 6000 советских советников (из них половина – военные). Листовки и брошюры распространялись уже в течение нескольких месяцев, центром их распространения был университет Аддис-Абебы. Местные наблюдатели отмечают, что за последнее время влияние Народно–демократического союза Эфиопии сильно возросло и представляет заметную угрозу стабильности режима.

В качестве ответной меры правительство США выслало из Вашингтона двух эфиопских дипломатов. Один из высылаемых, торговый советник Гелагай Завде немедленно попросил в США политического убежища. Его просьба сейчас рассматривается.

В конце февраля Эфиопия неожиданно выслала двух советских дипломатов. Дипломаты были срочно посажены на самолет Аэрофлота, направлявшийся в Москву. Их обвинили и в шпионаже и в подрывной деятельности. Особой огласки этому эпизоду не делается.

Пока нет никаких признаков, что Эфиопия намерена порвать или хотя бы ослабить свои связи с Москвой и отойти от марксистской ориентации. Можно думать, что советские дипломаты были высланы потому, что они каким-то образом действовали лично против Менгисту Хайле Мариама, пытаясь найти взамен него более энергичного и эффективного человека. Если это так, то высылка дипломатов – акт самозащиты со стороны эфиопского вождя.

●

Эфиопия обратилась к Кубе с просьбой о выводе кубинского военного контингента или, по крайней мере, большей его части. В свое время Эфиопии было размещено 12 000 кубинских солдат и офицеров. Сейчас, по-видимому, вывод их уже начался, и в Эфиопии в настоящее время находится не более 8000 человек.

Лишь в Анголе Куба содержит более крупный военный контингент, чем в Эфиопии: 27 000 чел., причем последние 2000 прибыли совсем недавно. Возможно, что войска, выведенные из Эфиопии, тоже будут направлены в Анголу, а не вернутся домой: марксистско-ленинское правительство Анголы испытывает все большие и большие трудности в борьбе с повстанцами и явно нуждается в военной поддержке.

Хотя о разрыве между Эфиопией и Кубой пока

нет и речи, все же влияние Ф.Кастро в результате вывода войск, конечно, заметно уменьшится. Просьба эфиопского диктатора Менгисту Хайле Мариама, вероятно, объясняется двумя причинами. Во-первых, за содержание кубинских войск платить нужно самой Эфиопии, а она, как все страны-сателлиты СССР, очень небогата. Во-вторых, Менгисту Хайле Мариам, по-видимому, счел, что Ф.Кастро уже не так силен и влиятелен, как некогда: он потерял своего союзника Гренаду, а суринамский диктатор Дези Бутерзе сам почел за благо вывести свою страну из-под кубинского влияния.

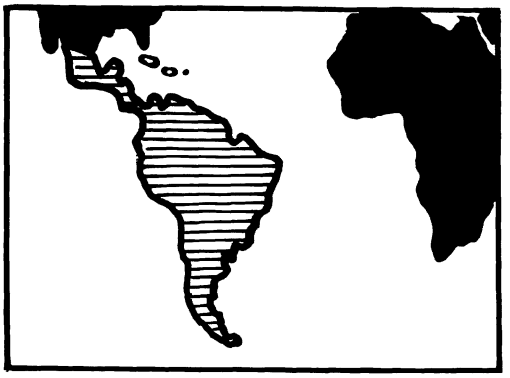
США ОБВИНЯЕТ СССР В НАРУШЕНИИ СОГЛАШЕНИЙ

23 января 1984 г. в отчете, представленном Конгрессу США, Президент Рейган обвинил СССР в нарушении соглашения о контроле над вооружениями по крайней мере в семи пунктах:

1. В Лаосе, Камбодже и Афганистане Советский Союз использовал химическое оружие.
2. Не было сделано предварительное уведомление о крупных маневрах "Запад"- 81 в сентябре 1981 г.
3. Размещение крупных радарных установок в центре Сибири "почти наверняка" нарушает соглашение 1972 г. о запрете развертывания противоракетных систем.
4. Шифровка информации при испытании ракет, также запрещенная соглашением ОСВ-2.
5. Вероятно, СССР начал производство ракет SS-16.
6. По-видимому, в нарушение соглашения ОСВ-2 СССР испытал более чем одну новую межконтинентальную баллистическую ракету.
7. Вероятно был нарушен договор 1974 г., запрещающий подземные испытания ядерных устройств мощностью более 150 килотонн.

Рейган заявил, что нарушение Советским Союзом существующих договоров "подрывает доверие, необходимое для достижения эффективного контроля над вооружениями". Он добавил, что "это увеличивает сомнения в надежности СССР как партнера на переговорах и тем самым уменьшает шансы на установление более конструктивных советско-американских отношений".

СССР отрицал обвинение Рейгана, однако разъяснений по конкретным пунктам обвинения не было дано.



КУБА

В истекшем, 1983 г. Советский Союз поставил на Кубу различного оружия и военного оборудования больше, чем когда-либо со времени "ракетного кризиса" 1962 г. За последние годы советские военные поставки на Кубу неизменно возрастали: в 1981 г. поставлено было 66 тыс. тонн, в 1982 г. – 68 тыс. тонн, в 1983 г – 70 тыс. тонн. В числе поставок 1983 г. – 95 танков, включая тяжелые Т-62, и 135 единиц полевой артиллерии. В результате этих поставок количество танков на Кубе достигло 950, а полевой артиллерии – 700 единиц. По огневой мощи Куба стала самой сильной страной в Латинской Америке. Для сравнения укажем, что в бразильской армии всего 625 танков, хотя население Бразилии в 12 раз превосходит население Кубы.

●

С осени 1983 г. советские летчики, пилотирующие бомбардировщики МИГ-23 и МИГ-27, начали отрабатывать на Кубе технику бомбометания, используемую при доставке ядерного оружия. Вместе с советскими пилотами в отработке техники ядерного бомбометания участвуют и кубинские пилоты.

В конце января 1984 на Кубу было доставлено еще 3 самолета МИГ-23, так что число самолетов этого типа на острове достигло теперь 43. Их радиус действия около 2400 км, максимальная скорость более чем в два раза выше скорости звука. МИГи размещены на 9 кубинских военных аэродромах. ●

Кристиан ШМИДТ-ХОЙЕР (ФРГ)

ВОЖДЬ № 6

Константин Черненко — новый Генеральный секретарь КПСС

На эту лошадь решились поставить немногие. Семидесятидвухлетний Константин Устинович Черненко уже был назначен председателем погребальной комиссии, а корреспондент немецкого телевидения в Москве все еще толковал своим зрителям о том, что, по всей вероятности, усопшего Андропова заменит Горбачев, а то и Романов.

Последняя кандидатура казалась даже особенно подходящей для сгустившейся в последние месяцы перед сменой власти атмосферы заката империи. Однофамилец последнего русского монарха Григорий Романов с некоторых пор оказался в шеренге ближайших претендентов на трон. Но против него и против революционного наследия Андропова — революционность означает в данном случае смену поколений — выступила гвардия кремлевских ветеранов. Часы переведены на 15 месяцев назад, эпоху конца решено растянуть. Политбюро ЦК КПСС проголосовало за второго Брежнева.

Восход К.У.Черненко после временного заката — тридцать лет он карабкался наверх следом за Брежневым, но наткнулся на Андропова — означает, очевидно, отказ дать волю окружавшим покойного Генерального секретаря технократам, которые мечтали омолодить и маленько почистить заплесневелое и покрытое отложениями извести социалистическое государство. Новый Генеральный секретарь занимает иную позицию. Это тяжеловесный консерватор в народном стиле — то, что называется "дуб", — свободный от сомнений в системе и в самом себе. Из долголетнего опыта он вынес убеждение, что можно пересидеть все кризисы.

То, что победу одержал человек, возраст которого уже при вступлении в должность на добрый десяток лет превышает среднюю продолжительность жизни гражданина СССР, свидетельствует о параличе правящей верхушки; и опять-таки невозможно отделаться от навязчивых аналогий с гниющей царской империей. "Страх перед либеральными идеями, — писал Герцен еще в середине прошлого века, — был столь велик, что правительство уже не могло примириться с цивилизацией... Неимоверные усилия прилагались к тому, чтобы сохранить искусственное затишье. Но абсолютизм ради абсолютизма не может быть долговечным: слишком уж он бессмыслен и бесплоден."

Спрашивается, как же могло получиться, что вместо тяжелобольного партийного руководителя, который 6 месяцев из 15 не показывался перед общественностью, который являлся своему народу главным образом в виде иконы, несомой над колоннами демонстрантов, и даже не присутствовал на октябрьском параде, — как могло получиться, что на его посту оказался деятель еще более старый, тоже не очень здоровый (астма),

не явившийся в 1983 г. на празднование дня рождения Ленина и праздник Первомая, деятель, который, читая надгробную речь на похоронах Андропова, сумел произнести лишь несколько нечленораздельных фраз?

В момент смерти Брежнева в ноябре 1982 г. большинство членов Политбюро было готово голосовать за Черненко. Тем не менее он — и вместе с ним партийный аппарат — потерпели неудачу. Из-за чего? Из-за того, что идеологическое перевооружение Рейгана, с одной стороны, и геополитические амбиции Брежнева — с другой явно подорвали роль и значение того традиционного источника, из которого властители России черпали уверенность по крайней мере со времен Петра Великого. "Нашими ратными деяниями мы исторгнуты из тьмы на свет, и даже те в целом свете, кои не ведали нас, ныне нас уважают." Что-то в этом роде сказал Петр, одержав победу в Северной войне. В конце правления Брежнева уважение к Советскому Союзу упало как никогда низко. И тогда военная промышленность и дипломатия, Устинов и Громыко, решили дело в пользу Юрия Андропова, который с внешней стороны, в плане международной политики, представлялся более благопристойной фигурой.

Когда же Андропов лежал на одре смерти, за Черненко в Политбюро было уже лишь меньшинство. Но на сей раз аппарат сумел одолеть относительно молодых соратников Андропова. Этому способствовали два обстоятельства.

Во-первых, старания Андропова несколько умерить чрезмерно расточительную политику дальнейшего вооружения потерпели неудачу вследствие болезни генсека, бескомпромиссной твердости Рейгана и тупости Громыко. Афганистан (говорят, что в свое время КГБ предостерегал Брежнева от вторжения в эту страну) так и остался нерешенной проблемой. Мрачная история со сбитым на Дальнем Востоке корейским пассажирским самолетом застала Андропова на больничной койке и повлекла за собой разногласия внутри Политбюро. Попытки запугать Европу в связи с решением о размещении американских ракет привели к тому, что страх распространился и по Восточной Европе. Незапланированный уход советской делегации из Женевы расстроил и без того зашедшую в тупик внешнюю политику: ведь рано или поздно придется вернуться к переговорам, и притом начинать все с самого начала.

Во-вторых, кампания по борьбе с коррупцией и разгильдяйством, начатая Андроповым, напугала аппарат, но вместе с тем и мобилизовала его на самооборону. Преемник Андропова из молодых мог бы с помощью КГБ и даже в более ускоренном темпе продолжить чистку (девять высокопоставленных выдвиженцев Брежнева, 19 из 84 министров и пятая часть всех партийных руководителей областного масштаба лишились пирога после кончины Брежнева). Перспектива дальнейших преобразований заставила трех "региональных" членов Политбюро встать на сторону Черненко. Гетман Украины Щербицкий в 1982 году голосовал за

Андропова; однако 9 из 25 украинских областных руководителей были сменены. Казахстанский хан Кунаев, старый друг Брежнева, успел вовремя скооперироваться с Андроповым; тем не менее треть его партийных секретарей отправилась на покой. Гришин, московский князь, в силу своей бесцветности всегда играл в команде, противостоящей Андропову; из числа высших партийных функционеров в Москве треть выперли на пенсию.

При жизни Ю.В.Андропова выдвинулся в качестве возможного преемника Михаил Горбачев. 53-летний наследный принц сейчас, как кажется, наиболее деятельный и способный член Политбюро. Однако в системе, где нет демократического механизма выборов, primus inter pares есть фигура, опасная для существующего порядка. Перспектива иметь шефом Горбачева в текущем тысячелетии, судя по всему, не улыбалась даже тем, кто его поддерживает. Теперь на вопрос, заданный выше, — почему Константин Черненко, с его кругозором деятеля, воспитанного на прописях провинциального агитпропа, со всеми привычками, которые он усвоил на долголетней правоверно-чиновничьей партийной службе, сумел выстоять в пику хладнокровному и деловому Андропову, — ответить будет уже легче. Андропов, даже не успев как следует развернуться, стал для аппарата чуть ли не вторым Хрущевым. Он предстал перед членами брежневской бригады с кнутом в руках. Их паразитический бюрократизм он замыслил заменить авторитарным модернизмом. Используя тайную полицию и несколько комичные методы "общественного контроля", он пытался мобилизовать какие-то резервные силы общества, разумеется, не прибегая к какой-либо либерализации, а лишь в принудительном порядке. Он не корчил из себя отца и учителя (что обычно — признак солидной карьеры), не выглядел хозяином среди партийных функционеров; в своих речах он не подчеркивал ведущую и направляющую роль партии и ориентировался больше на технократов. Результатом было то, что аппаратчики почувствовали страх за кресла и оклады, которые закрепил за ними, казалось, навсегда Брежнев, и сплотились против бывшего шефа КГБ.

Их надеждой стал Константин Черненко. Правда, он никогда не руководил ни областью, ни заводом, ни совхозом. Но как политический камердинер Брежнева — некое отдаленное подобие Сталина в роли заведующего партсекретариатом при умирающем Ленине — он в совершенстве изучил искусство, не привлекая к себе внимания, манипулировать аппаратом в глубоко скрытом внутрипартийном процессе принятия решений. Неудивительно, что Андропов так и не смог избавиться от противника, который внешне был вполне лоялен. Неудивительно, что чем больше хворал Генеральный секретарь, тем независимей становился Черненко, незаметно оказавшийся вторым человеком в партии. И устно, и письменно (Черненко выпустил несколько трудов и среди других писателей Политбюро считается представителем эпического жанра) он давал понять, что унаследовал от умершего теоретика партии Суслова по крайней мере две его

епархии — идеологию и международный коммунизм. Внешняя политика ему, правда, не досталась. Можно думать, что внешнеполитическими делами и вооружением по-прежнему будут заведовать два других маститых представителя старой гвардии — Громыко и Устинов. Получается триумвират, о котором можно было догадаться уже во время похорон Андропова, когда все трое держали надгробные речи.

Что касается внутренней политики, то тут Черненко попробовал еще при Андропове осторожно противостоять кампании по укреплению дисциплины; при этом он олицетворял как бы народный дух. Его позиция импонировала прихлебателям режима и всевозможным чиновным разгильдяям, которые начали было всерьез опасаться, что попытки Андропова, пусть даже крайне умеренные, кое-что исправить могут повлечь за собой нежелательные новации. В конечном счете ставка Черненко была на рабочую массу, естественным образом не одобряющую всякие строгости, соблюдение трудового расписания, сокращение отпусков, дифференцированную оплату и пр. как средство повышения производительности труда. Он был и остается в принципе за сохранение того неписанного общественного договора, который автору этих строк следующим образом разъяснил один знакомый в Москве: "Чего ради нашим рабочим протестовать против системы, когда они каждый день могут хоть что-нибудь да утащить с рабочего места?"

Именно эти настроения были охарактеризованы в нашумевшем новосибирском докладе весной прошлого года как антиобщественные. Подобное поведение, говорилось в докладе, порождено "непростительной медлительностью", задерживающей переход к децентрализованному управлению экономикой. Доклад Т.Заславской получил относительно широкую огласку и напомнил о другом советском экономисте Либермане, авторе проекта хозяйственной реформы. Каковы бы ни были обстоятельства, при которых текст доклада стал известен на Западе, произошло ли это с одобрения самого Андропова или против его воли, ясно одно: Черненко, а также руководство Госплана не выказали особых симпатий ко всей этой затее. В июне 1983 года глава аппаратчиков на пленуме ЦК предостерег против забвения основополагающих принципов диалектического материализма. Андропов пресек эту вылазку: "Мы достигли такого исторического момента, — сказал он, — когда не только назрели, но и стали неизбежными глубокие качественные изменения производительных сил и производственных отношений."

Но вот настал другой исторический момент: в 35-минутной тронной речи на пленуме 14 февраля 1984 г. Черненко, теперь уже верховный правитель — шестой по счету и старейший, — без обиняков заявил, что торопиться не стоит. Создание новых экономических структур — дело ответственное, неплохо бы вспомнить русскую пословицу: семь раз отмерь — один раз отрежь. К тому же, добавил он, необходимо прислушаться к голосу рабочего класса.

Обращаться к массе, быть услышанным ею — этого он всегда хотел. Теперь он делает это, стоя на самой высокой трибуне, с трудом выговаривая громоздкие слова. Крестьянское происхождение К.У.Черненко дает себя знать на всех этапах его пути. Родился он еще до революции, в 1911 году, в сибирском селе Большая Тесь. В восемнадцать лет, не получив почти никакого образования, он начинает свою карьеру в качестве местного комсомольского деятеля по линии пропаганды. В 1931 году, когда объявленная Сталиным "ликвидация кулачества как класса" достигла кульминации, Черненко становится членом партии.

Тридцатые годы с показательными процессами врагов народа образуют в биографии Черненко белое пятно. Чем он тогда занимался, точно не известно. Утверждают, будто он занимал должность ответственного работника НКВД в Днепропетровске (родном городе Брежнева) и отличился в кровавых чистках; сведения эти хотя и не опровергнуты, но и не доказаны. Во всяком случае, во время кампании по вытеснению членов брежневского клана при Андропове, — а уж тут нюх был безошибочный, — никаких намеков на прошлое не возникало. На военной службе Черненко не был, он один из немногих высших партийных чинов, которые, пусть даже символически, не побывали на фронте. В предисловии к английскому изданию своих речей он объясняет это так: "Нападение нацистской Германии на мою страну застало меня на посту секретаря Красноярского комитета партии. Я немедленно попросился добровольцем на фронт, но все мои просьбы были отклонены."

Зато после войны его приблизил к себе Леонид Брежнев. В начале 50-х годов, когда Брежнев был первым секретарем обкома Молдавии и наводил порядок на бывших румынских землях, Черненко был у него заведующим агитпропом. К их кругу в то время принадлежали впоследствии погоревший на взятках министр внутренних дел Щелоков и партийный теоретик, руководитель комсомола (тоже отставленный) Трапезников. Черненко пробивал себе путь в аппарате медленно, но неуклонно. "Был мужик, мужиком и остался", — сказал о нем однажды в разговоре с видным американским журналистом Георгий Арбатов, директор Института США и доверенное лицо Анропова.

Представит ли теперь новый генсек свой встречный счет? Похоже, что он не мстителен, но память у него отличная. Это подтвердил сам Брежнев в приветственной речи по случаю 70-летия заведующего "общим отделом" — должность, которую Черненко занимал с 1965 года: "Я не помню ни одного случая, чтобы ты о чем-нибудь забыл, даже когда речь шла о вещах на первый взгляд незначительных..."

Теперь Константину Черненко придется кое-что забыть, но есть и многое, чего он забыть не сможет. Прикинем, с чем ему придется столкнуться, распоряжаясь наследием Андропова в таких, например, вопросах,

как взаимоотношения с другими членами Политбюро, роль армии, идеология, страны Восточного блока, внешняя политика и вооружение.

На декабрьском пленуме минувшего года персонал Андропова мог торжествовать победу. Положение фигур на шахматной доске было великолепным. В лице новых членов Политбюро — Михаила Соломенцева (70 лет) и Виталия Воротникова (57), а также Егора Лигачева (63) как секретаря ЦК, на ключевых позициях, где решается судьба "личного состава", оказались сторонники не состоявшегося наследного принца (и противника Черненко) Кириленко и умершего двадцать лет назад соперника Брежнева Фрола Козлова. Два новых и более молодых наследника, Горбачев и Романов, поддерживали Андропова в борьбе за власть против Черненко и Брежнева. Особые заслуги в проведении андроповского курса на укрепление дисциплины имел Горбачев. Кроме него, курс Андропова усердно проводили в жизнь азербайджанский князь и бывший деятель КГБ Гейдар Алиев и секретари ЦК, "люди дела" Долгих и Рыжков. Как будет управляться — и сможет ли управиться — с этой молодой гвардией новый глава партии?

Андропов в своих речах не слишком много уделял внимания генералам. Широких жестов, объятий, публичных выступлений перед военными не было. Никто из военных за время правления Андропова не был введен в Политбюро или вообще назначен на какую-либо высокую государственную должность. При Андропове было три плунума; только один раз слово было предоставлено военному. В то же время генералитет начал несколько более отчетливо вырисовываться на политическом горизонте, так как, по-видимому, получил поддержку дипломатии во главе с Громыко. После гибели корейского авиалайнера была устроена пресс-конференция, на которой перед иностранными журналистами выступил начальник Генерального штаба Огарков, — первый случай за много десятилетий. Андропов же, который все-таки был первым советским лидером, предложившим уничтожить ракеты, предпочитал вкладывать больше средств в модернизацию промышленности, чем в дальнейшую ковку мечей. Болезнь была причиной того, что ему удалось лишь с трудом свести вничью шахматную партию с военщиной. У Черненко все в порядке с идеологией, тут он тверд, как скала, но он не военный человек и не обладает достаточным внешнеполитическим авторитетом, чтобы вынудить генералов пойти на уступки в смысле ограничения вооружений.

Теперь собственно об идеологии. При Андропове, путем введения новых законов, культурная политика ужесточилась, заборы, отгораживающие советских граждан от иностранцев, стали еще выше, диссидентов и политических заключенных прижали еще сильней. Некоторые видные деятели искусства, как например самый знаменитый московский режиссер Любимов и всемирно известный кинорежиссер Тарковский, уже довольно долго находятся за границей, не решаясь вернуться домой. Ничто не говорит о том, что Черненко пожелает изменить этот курс. В своем докладе об

''идеологической работе и политическом воспитании масс'' на пленуме ЦК в июне прошлого года он дал очередь по всем оборонительным точкам духовной и интеллектуальной жизни в Советском Союзе. По его мнению, советскую литературу и кино наводнили нытики. Необходимо возродить пафос социалистического строительства по сталинским образцам: ''Нам нужны произведения, ярко рисующие героику пятилетки.''

Восточный блок. Неустойчивость власти в Кремле, недуг Андропова, несогласованность внешней политики — все это способствовало некоторому высвобождению братских стран из-под начальственной опеки. Выявилась оппозиция руководителей этих стран перевооружению, от Берлина до Будапешта раздаются призывы возобновить прерванные советской стороной переговоры в Женеве. За этим стоит, разумеется, экономическая зависимость социалистических сателлитов от Западной Европы; со времени своего возникновения СЭВ не может выбраться из глубокого кризиса, запланированная недавно встреча представителей государств — членов СЭВ из-за смерти Андропова снова отложена. До своего воцарения Черненко пользовался наибольшим авторитетом в трех странах с наиболее жестким режимом: он награжден высшими орденами Болгарии, Чехословакии и ГДР. Однако и там кое-что изменилось. Удастся ли новому хозяину восстановить в должном объеме ''братское сотрудничество''?

И, наконец, политика. Андропов не успел стать международным политиком в полном смысле слова. Черненко ездил за границу несколько раз, когда его брал с собой Брежнев. По существу, его представление о мире ограничено газетными сведениями. Он вынужден во всем полагаться на Громыко. До сих пор министр иностранных дел воздерживался от каких-либо телодвижений, могущих облегчить американскому президенту победу на приближающихся выборах. Вряд ли он захочет вернуться к переговорам в Женеве. Заверения бывшего советника президента США по вопросам безопасности Бжезинского, что-де Черненко будет наименее опасным соперником для Америки, несерьезны. Пока что о руководителях обеих сверхдержав можно сказать, что общее между ними — не только их возраст, но и то, что они руководствуются представлениями, которые принадлежат вчерашнему дню. Современность от этого не очень-то в выигрыше. ●

ВЕСТИ ИЗ СССР

СУД НАД МУСТАФОЙ ДЖЕМИЛЕВЫМ

10 февраля Ташкентский городской суд приговорил Мустафу Джемилева к 3 годам лагерей строгого режима "за распространение клеветнических измышлений". Это шестой суд и седьмое наказание, пожалуй, самого известного деятеля крымскотатарского национального движения.

Мустафа Джемилев (Абдулджемиль) родился 13 ноября 1943 г. в селе Боской в Крыму. Первому наказанию подвергся в возрасте 6 месяцев: утром 18 мая 1944 года началась "очистка" села от крымскотатарского населения. Вместе со всеми крымскими татарами семья Джемилевых (мать и четверо маленьких детей — отец сражался на фронте) была выслана на спецпоселение в Узбекистан. Достоверные цифры высланных и погибших при высылке неизвестны. Сами крымские татары оценивают число высланных в 420 тысяч, а число погибших в пути и на месте поселения — 46 %. Согласно советским документам, выслано было "всего" 194 тысячи и погибло "всего" 18%, т.е. каждый пятый.

Крымские татары, официально считающиеся "укоренившимися" на территории Узбекистана, никогда не прекращали борьбу за возвращение в Крым. Одним из активистов национального движения стал Мустафа Джемилев — он, в частности, был инициатором создания "Союза крымскотатарской молодежи". Власти отреагировали быстро: в 1965 г. Мустафа был исключен из Ташкентского института инженеров ирригации, а в 1966 г. осужден на 1,5 года, якобы за "уклонение от призыва в армию".

После освобождения М.Джемилев установил тесные дружеские связи с московскими правозащитниками, в особенности с генералом Петром Григоренко. Он вошел в число основателей первого в Советском Союзе правозащитного объединения — Инициативной группы по защите прав человека — вместе с Татьяной Великановой, Александром Лавутом, Сергеем Ковалевым и др.

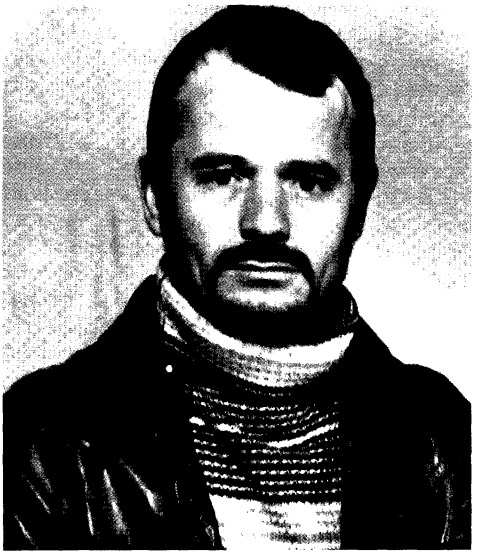
В 1969 г. М.Джемилева арестовали вторично — по обвинению в "распространении клеветнических измышлений" и судили в Ташкенте вместе с московским правозащитником Ильей Габаем. Оба получили по 3 года лагерей. Третий арестованный по тому же делу — П. Григоренко — был признан невменяемым и отправлен в спецпсихбольницу.

Через полтора года после освобождения, в 1974 г. Мустафу арестовали в третий раз, якобы за уклонение от учебных сборов и приговорили к году лагерей. Но этот год для М.Джемилева не кончился освобождением. Он был арестован в четвертый раз в лагере и вновь по обвинению в "распространении клеветы" — по ст. 190^1 УК РСФСР. На этом суде произошли драматические события: один из главных свидетелей обвинения, заключенный лагеря Владимир Дворянский, отказался от данных на следствии показаний и рассказал, как следователи вымогали у него эти ложные показания. На приговор это, тем не менее, не повлияло: те же три года. В.Дворянский же поплатился за свою смелость новым лагерным сроком.

По отбытии срока М.Джемилев поселился в Узбекистане, где его поставили, как большинство бывших политзаключенных, под административный надзор — без права выезда с места жительства, без

права выходить вечером из дому и т.д. В 1979 г. его за нарушение этого надзора арестовали — в пятый раз — и отправили в ссылку в Якутию, откуда он освободился только летом 1982 г.

Из ссылки М.Джемилев с семьей поехал в Крым, но поселиться ему там не удалось. Милиция буквально силой вывезла его из Крыма. В Ташкенте, где живут родственники Джемилева, он тоже не смог поселиться — его опять-таки силой вывезли в г. Янгиюль, где вновь поставили под надзор (по закону после освобождения из ссылки надзор не устанавливается — прокурор Янгиюля, однако, "посоветовал" М.Джемилеву "не



лезть на рожон и считаться с реальностью").

2 июня 1983 г. в г.Абинске Краснодарского края скончался 80—летний отец Мустафы. Мустафа очень хотел похоронить его в родном Крыму — если уж не удалось старику хотя бы умереть на родине. Но и мертвому крымскому татарину доступ туда был закрыт. 5 июня похоронная процессия мусульман была остановлена милицией у паромной переправы через Керченский пролив в Крым. После нескольких часов, проведенных под палящим солнцем у переправы, после оскорблений и насмешек толпы мусульмане отступили. Тело отца Мустафы было погребено в Тамани — предельно близко к родной земле. Мустафа ожидал тело отца в Крыму (туда ему, "поднадзорному" был выписан "маршрутный лист" для участия в похоронах). А в Тамань к могиле отца его не пустили — она не значилась в "маршрутном листе". Позднее этот эпизод — "провокационная попытка похорон" — вошел в его шестое по счету обвинение.

Вскоре после смерти отца у М.Джемилева прошел обыск — изъяты материалы его предыдущих судебных процессов, письма, газетные публикации о Крыме. После обыска вновь возбуждено дело о "клевете" и взята подписка о невыезде. В начале декабря 1983 г. М.Джемилева арестовали в шестой раз. Подробности обвинения еще не все дошли до нас — тут и "провокация" с похоронами, и открытки друзьям ("врагам народа") в Нью-Йорк, и запись на магнитофон передач зарубежных радиостанций...

А что стоит за этими обвинениями? Пожалуй, самый красноречивый ответ на этот вопрос дала "Правда Востока". В статье "Отщепенец", опубликованной 17 февраля 1984 г. и посвященной процессу М.Джемилева, ни разу не упомянуты слова "крымский татарин".

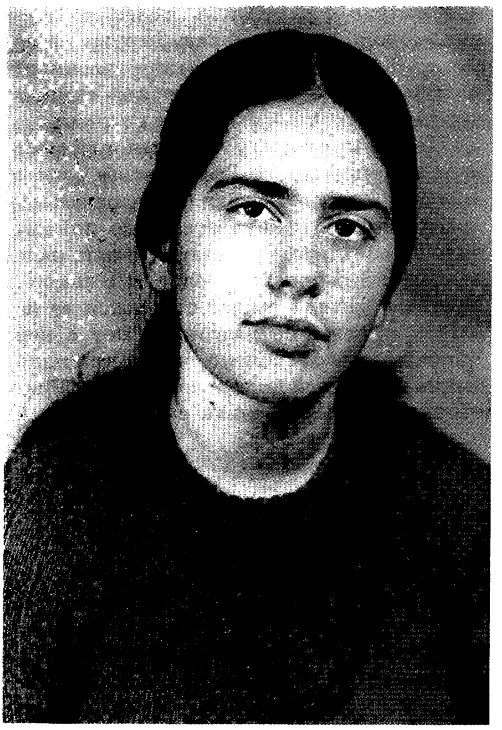
●

В 1981 г. сотрудники Госкино, киномеханики Николай и Надежда Панковы подали в ОВИР заявление об эмиграции. Немедленно после этого они были из Госкино уволены, но обжаловали это увольнение в суд. Суд восстановил Надежду Панкову (но не Николая) в должности, однако ее к работе все равно не допустили. Тогда во время вторичного разбирательства в суде супруги публично рассказали о существовании "особого отдела" Госкино, который поставляет членам советской партийно-государственной элиты шпионские, "антисоветские" и, в особенности, порнографические фильмы. Это Панковым забыто не было. В октябре 1983 г. Панковы написали в "Правду" письмо с требованием принести извинения Президенту Р.Рейгану за опубликованное там утверждение, что Президент "необоснованно " обвиняет СССР в нарушениях прав человека. Через несколько дней Николая Панкова задержали и поместили в психбольницу. Лишь вмешательство дипломатов — знакомых Н.Панкова — помогло его оттуда вызволить.

В конце февраля 1984 г. супруги Панковы отправили письмо новому партийному вождю К.Черненко. Поздравив его с "избранием на высокий пост", они напомнили ему, что вот уже почти три года ожидают решения вопроса о выезде из СССР. Ответ пришел очень скоро с очередными санитарами из психбольницы. Но на этот раз были госпитализированы оба супруга. Теперь вмешательство друзей-дипломатов успеха пока не принесло.

●

18 января в Москве была арестована 24-летняя Елена Санникова. Ей предъявлено обвинение в "антисоветской агитации и пропаганде". Е.Санникова помещена в Лефортовскую тюрьму КГБ. Дело ее



каким-то образом связано с делом арестованного ранее в ноябре 1983 г. математика Юрия Шихановича: материалы в отношении Е.Санниковой выделены из его дела.

Е.Санникова, несмотря на свою молодость, уже много лет участвует в правозащитном движении. В самиздате распространялись и за рубежом публиковались несколько ее очерков и писем о политзаключенных и политссыльных, о ее столкновениях с КГБ. Е.Санникова активно участвовала в помощи преследуемым, в частности, помогала в работе Инициативной группы по защите прав инвалидов. В 1981 г. ее задержали в Крыму при раздаче анкет среди инвалидов, находившихся в одном из санаториев. Ее подвергли психиатрической экспертизе, но признали здоровой (правда, "со слабой психикой"). У нее дома прошло несколько обысков, на которых было изъято много информационных материалов, документы Группы инвалидов.

В чем сейчас обвиняют Е.Санникову — неизвестно.

●

С большим запозданием стало известно о том, что в конце 1982 г. в Таджикистане были арестованы несколько человек, распространявших листовки против войны в Афганистане. КГБ обвинило их также в том, что они якобы рассылали "фальшивые похоронки" с целью вызвать недовольство населения. Группа поддерживала связь с афганскими партизанами. По имени руководителя группа называлась "группой Назарова" — о самом Назарове, к сожалению, неизвестно ничего. Есть сведения только об одном из членов группы: это директор магазина из Душанбе Павел Айрапетов, 55 лет. Всех арестованных обвинили в "антисоветской агитации и пропаганде" и в создании "антисоветской организации". Об их дальнейшей судьбе никаких сведений не поступало.

●

С начала ноября 1983 г. Московская городская прокуратура проводит следствие по делу группы научных сотрудников Института химической физики АН СССР. Всех их обвиняют в "распространении клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй" (ст. 190[1] УК РСФСР): у них на обысках было изъято большое количество самиздата. Все они — сотрудники сектора полимеров и композиционных материалов. Обвиняемых — по крайней мере 5 человек. Среди них ученый секретарь сектора

кандидат химических наук Александр Зеленецкий, заведующий лабораторией кандидат химических наук Борис Западинский, еще один кандидат наук Михаил Чаусер, недавно окончившая МГУ Аня Соловьева. Пока они не арестованы, но у них взята подписка о невыезде.

●

22 февраля 1984 г. у дверей московской квартиры историка Роя Медведева, на лестничной площадке между этажами установили милицейский пост. У приходящих проверяют документы. Советских граждан пропускают (предварительно записав "данные"), иностранцев отправляют назад.

Рой Медведев, независимый историк-марксист — одна из самых популярных фигур у иностранных корреспондентов. Они, как правило, обращаются к нему за оценками происходящего на кремлевских верхах. Долгое время при Брежневе Р.Медведев пользовался относительной свободой, хотя он опубликовал за рубежом множество статей и ряд книг ("К суду истории", "Книга о социалистической демократии" и др.), а также несколько книг, написанных совместно с братом Жоресом, ныне лишенным советского гражданства и проживающим в Англии. Последняя книга Р.Медведева: "Андропов". Кстати, именно после прихода к власти Ю.Андропова, в январе 1983 г. Р.Медведеву в Прокуратуре СССР было сделано предостережение в связи с его "антисоветской " деятельностью, которое он отказался подписать.

До недавнего времени пост у дверей московской квартиры был установлен лишь для Елены Боннер, жены А.Д.Сахарова.

●

В феврале закончился лагерный срок двух руководителей Хельсинкских групп: Московской — проф. Ю.Орлова и Украинской — писателя Миколы Руденко. Оба отбыли по 7 лет лагерей и им предстоит еще по 5 лет ссылки. Ю.Орлов направлен для отбывания ссылки "в распоряжение УВД Якутской АССР", куда отправили М.Руденко — пока неизвестно.

Член Инициативной группы по защите прав человека, одна из самых последовательных правозащитников Татьяна Великанова отбывает ссылку на п-ове Мангышлак в Казахстане. Сначала она находилась в пос. Шетпе, в условиях сравнительно благоприятных: туда подходит железнодорожная ветка (могли приезжать друзья и родные), есть магазины, больница (там математик Т.Великанова работала санитаркой), есть вода.

В феврале ее перевели в пос. Таучик — 80 км от Шетпе. Ехать туда можно лишь на попутном транспорте. Вода — соленая, пресную воду привозят в цистернах. Три раза в неделю доставляют почту, свежий хлеб — еще реже, всего два раза. Не только больницы, но и врача в поселке нет, есть только фельдшер. Т.Великанову поселили в полуразрушенной халупе с дырами в стенах — через них можно даже смотреть наружу. В ремонте Т.Великановой категорически отказано, а зима в казахстанской степи — суровая, с пронизывающими ветрами.

Перед приездом Т.Великановой местным жителям долго "разъясняли", что к ним едет "особо опасная государственная преступница". В доказательство показывали клеветническую статью о ней, напечатанную в журнале "Человек и закон". Местные жители сейчас стараются ее избегать и даже не разговаривают с ней. Впрочем, маловероятно, что такое положение продлится долго: слишком велико обаяние и нравственная сила этого удивительного человека.

●

11 января 1984 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ, которым вносится целый ряд изменений в Закон от 25 декабря 1958 г. "Об уголовной ответственности за государственные преступления". На основе этого Указа должны быть внесены соответствующие поправки в Уголовные кодексы РСФСР и других союзных республик. Однако не дожидаясь, пока Верховные Советы Союзных республик внесут эти поправки в УК, Указ уже введен в действие — за две недели до смерти Ю.Андропова.

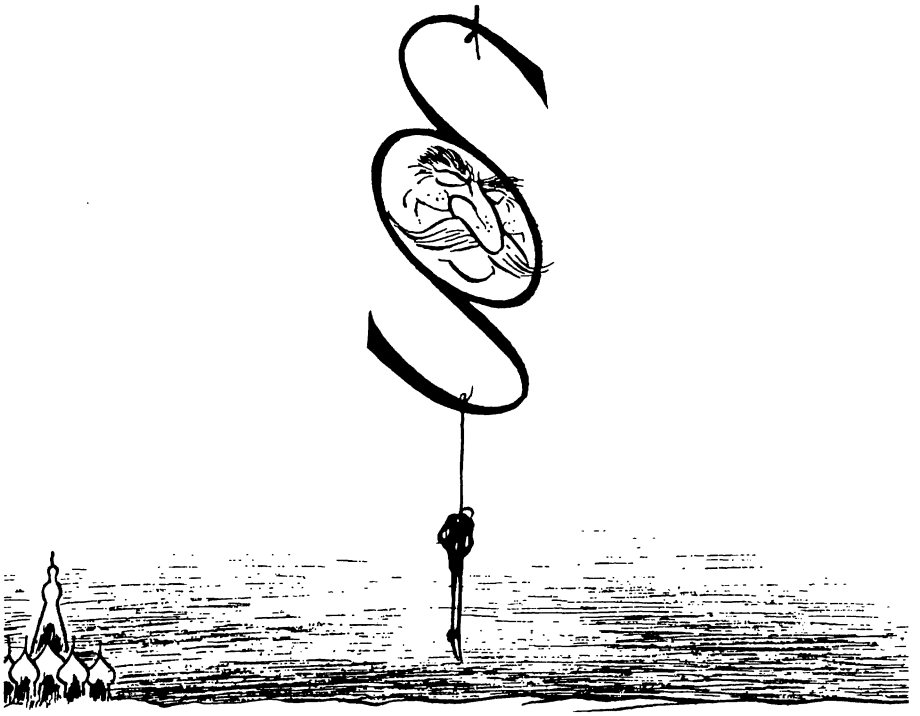
Наиболее существенное изменение внесено в ст. 7 Закона (она соответствует ст. 70 УК РСФСР и аналогичным ста-

тьям УК союзных республик: "антисоветская агитация и пропаганда"). Вторая часть статьи, устанавливающая наказание до 10 лет лагерей и 5 лет ссылки, ранее касалась лишь лиц, судимых за "антисоветскую агитацию" повторно или в военное время. Теперь такое же наказание установлено и за "агитацию и пропаганду", совершенные с использованием денежных средств или иных материальных ценностей, полученных от иностранных организаций или лиц, действующих в интересах этих организаций. Причем не уточняется, какие именно "материальные ценности" имеются в виду (очевидно, к ним легко могут быть отнесены и любые посылки); от "иностранных организаций " не требуется даже, чтобы они были "подрывными" или "антисоветскими" — достаточно быть "иностранными"; "лица", оказывающие помощь, не обязательно должны быть членами таких организаций — достаточно, что они "действуют в их интересах". Тем самым гуманная помощь от любых существующих за рубежом фондов или даже частных лиц может считаться отягчающим обстоятельством при обвинении в "антисоветской агитации".

До недавнего времени под удар попадали лишь люди, которые пытались организовать помощь политзаключенным или их семьям внутри Советского Союза. Последняя жертва — распорядитель Русского общественного (так называемого "Солженицынского") фонда Сергей Ходорович. 7 февраля кассационная инстанция утвердила вынесенный ему ранее приговор — 3 года лагерей.

Теперь делается серьезная попытка прекратить деятельность и тех, кто пытается оказывать помощь из-за рубежа. Конечно, сами эти люди вне сферы досягаемости советской власти: зато заложниками их деятельности сделаны те, кто эту помощь получают.

Указ от 11 января — последний удар умирающего Андропова. Хотелось бы надеяться, что новый лидер, если и не отменит андроповских законов, то по крайней мере не станет их применять (прецеденты известны: так, не отменен, но и не применяется хрущевский закон о расстреле за валютные операции). К.Черненко у власти всего несколько недель, однако первые сообщения, поступающие уже "при нем", не дают оснований для радужных надежд. ●



БУДУЩЕЕ МИРА ЗАВИСИТ ОТ ТОГО, ЧТО БУДУТ ДЕЛАТЬ НАШИ ДВЕ СТРАНЫ

Беседа с заместителем Государственного секретаря США Лоуренсом С.Иглбергером

Лоуренс С. Иглбергер – заместитель Государственного секретаря США по политическим вопросам. В его ведении находится, в частности, разработка политики США по отношению к Советскому Союзу и странам Восточной Европы. Недавно Л.Иглбергер принял специального корреспондента "Страны и мира" Кронида Любарского и дал ему интервью.

К.Л. **Советские граждане хотели бы знать, что думают американские руководители о нашей стране, так как от этого в большой степени зависит политика США в отношении Советского Союза. Думаете ли вы, что американская администрация хорошо информирована о внутреннем положении в Советском Союзе?**

Л.И. Я думаю, что честный ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. У нас в США есть эксперты по советским делам, ученые-советологи, есть также ряд лиц – эмигрантов из СССР, которые дают нам возможность взглянуть на СССР изнутри. Я сказал бы, что американские ученые, отдающие много времени изучению Советского Союза, вероятно, понимают состояние советской экономики, вероятно, знают достаточно хорошо структуру советского общества и имеют какое-то общее представление об этой стране. Но я думаю, что нужно ответить отрицательно на вопрос, глубоко ли понимают природу Советского Союза, характер функционирования советской бюрократии американские эксперты-советологи и, тем более, американское руководство и американский народ. Это вызвано не тем, что у нас отсутствует интерес, а тем, что Советский Союз – замкнутое общество, пожалуй, даже крайне замкнутое общество. В силу самой

природы советской системы, вследствие особой озабоченности советских кругов тем, чтобы информация о советской системе не распространялась, это общество стало одним из самых закрытых обществ в мире. Не только американцы, но и весь остальной мир хотел бы знать, что происходит в Советском Союзе. С узкой точки зрения охраны военных тайн и т.п. такой способ отношений с внешним миром дает определенные результаты, но в более широком смысле он вреден. При отсутствии понимания естественно возникает страх и озабоченность относительно намерений советского руководства. Итак, на ваш вопрос я ответил бы: нет, не думаю, чтобы мы глубоко понимали Советский Союз.

К.Л. Официальная пропаганда в СССР изображает США как неизбежного противника в будущей войне. Многие советские граждане находятся под влиянием такой пропаганды. Даже те, кто ругает правительство за провал экономики или за отсутствие гражданских свобод, рассматривают его как единственную защиту от внешнего врага, который вынашивает планы нападения. Есть какие-либо основания для таких опасений?

Л.И. Конечно, нет. Но меня всегда удивляют те люди, которые поражаются, когда им говорят, что советское руководство рассматривает США и капиталистический Запад как врагов и, в будущем, как военных противников. Если рассмотреть самые основы марксистской философии, то удивляться этому не следует. Маркс с самого начала утверждал, что с диалектической точки зрения военное столкновение с капитализмом неизбежно. Факты, однако, говорят об ином. Конечно, я могу сказать об этом, и ваши читатели это прочтут, но это не значит, что они мне поверят. Тем не менее, фактом является то, что США не хотят быть врагом Советского Союза и его народа. Мы верим в то, что можно жить друг с другом на одной планете, несмотря на то, что наши системы различны. Это не только возможно, но и абсолютно необходимо, ибо за войну между Советским Союзом и Соединенными Штатами будет расплачиваться все человечество. Следет сказать и о том, что есть много примеров, которые, я полагаю, помогают показать, что США не имеют по отношению к СССР агрессивных намерений. Когда мы монопольно обладали атомной бомбой, мы не использовали ее для угроз Советскому Союзу и, тем более, не использовали ее против Советского Союза. Чего мы хотим и чего мы как сверхдержава вправе ожидать, это чтобы Советский Союз в своих отношениях с остальным миром в какой-то степени уважал и наши интересы, и интересы остального мира. В случае с Афганистаном, например, мы ясно чувствуем, что эти интересы принесены в жертву интересам Советского Союза, и не может быть сомнений в том, что мы наши интересы будем защищать. Но одно дело – говорить, что мы будем защищать наши интересы, и другое дело – вынашивать агрессивные планы в отношении СССР. У нас нет таких планов. Завершая ответ на ваш вопрос, я скажу, что ни советское руководство, ни советский народ не имеют каких-либо оснований полагать, что вооруженное столкновение между СССР и США является неизбежным. Я молю Бога, чтобы этого никогда не произошло.

К.Л. Многие эмигранты из СССР полагают, что среди американских политических деятелей и военных существует особая враждебность по отношению к русским как к нации. Многие были задеты статьей генерала Максуэлла Тейлора в Washington Post, в которой он предложил использовать национальные противоречия в СССР, чтобы уменьшить масштабы ответного американского удара, если Советский Союз решится нанести первый удар, и не атаковать национальные окраины, если они во время военного столкновения поднимутся против "центра". Другие думают, что в США возникли

антирусские чувства в результате неправомерного смешения понятий "русский" и "советский". Считаете ли вы, что антирусские чувства действительно существуют в США? Полагаете ли вы, что возмущение некоторых эмигрантов оправдано?

Л.И. Очень легко ответить на все эти ваши вопросы. Скажу совершенно честно, что я никогда раньше не сталкивался с подобными утверждениями. Мне очень трудно говорить о них, так как мне никогда не приходилось участвовать в обсуждении таких тем в правительстве США, а в дискуссиях о Советском Союзе я никогда не слышал выражения антирусских чувств, чувств, направленных против русских как нации. Сейчас, когда вы этот вопрос подняли, я думаю над ним. Из истории мне известно, что существовали и существуют, например, проблемы русско-украинских отношений. Я отдаю себе отчет в том, что с исторической точки зрения существует и русский национальный вопрос. Но это нечто такое, о чем я только читал в исторических сочинениях, но за 50 лет никогда ни с кем не говорил, в том числе и в правительстве. Статья Максуэлла Тэйлора также не является антирусской. Я знаю М.Тэйлора лично, я читал его статью и знаю, о чем он говорит. М.Тэйлор указывает, что если посмотреть на Советский Союз, то становится очевидным, что там существуют национальные противоречия, и это есть нечто такое, что нужно принимать во внимание. Мы должны учитывать, что, имея дело с Советским Союзом, мы на самом деле имеем дело с целым рядом национальностей. Вот о чем говорит М.Тэйлор, и я не вижу в этом ничего антирусского. Нет, пожалуй, ни одной страны в мире, где приходилось бы иметь дело с большим числом национальностей, чем в США. Очевидно, что и национальных предрассудков в США больше, чем где-либо. Эти предрассудки хорошо известны — по отношению к черным, по отношению к белым. Все это есть. Но я не знаю о каких-либо антирусских предрассудках в нашей стране. Может быть, есть районы, где живут большие группы украинцев, например, в Детройте или где-нибудь еще, и там антирусские чувства существуют, но это нечто такое, с чем мне никогда в жизни не приходилось сталкиваться.

К.Л. Можете ли вы еще раз коротко сформулировать для читателя в СССР причины размещения ракет среднего радиуса действия в Европе? Была ли это военная или чисто политическая необходимость?

Л.И. Прежде всего это трагедия, что мы и Советский Союз не смогли на переговорах прийти к соглашению, которое сделало бы размещение ракет ненужным. В качестве официального лица в американском правительстве я полагаю, что мы сделали все, что могли, чтобы постараться достичь соглашения. Я убежден, что именно Советский Союз сделал соглашение невозможным. Отвечая на ваш вопрос, я должен сказать, что размещение ракет — это чисто военная необходимость. Я постараюсь объяснить, что я имею в виду. Дело в том, что именно Советский Союз начал размещать и продолжает размещать ракеты SS-20. Это новые ракеты с тремя боеголовками, которые могут нанести удар по любой цели в Западной Европе. Естественно, наши западноевропейские союзники рассматривают размещение этих ракет как прямую угрозу для себя. Не США, а наши союзники первыми предложили, чтобы США разместили в Западной Европе какое-то аналогичное оружие, чтобы удержать Советский Союз от использования ракет SS-20 против Западной Европы. Западноевропейцы не могли полагаться на свою собственную военную мощь, чтобы сдерживать Советский Союз, и они были вынуждены обратиться за этим к США. Так что это чисто военный вопрос: если бы SS-20 не были разме-

щены, мы и наши союзники вообще не должны были бы принимать какое-либо решение о размещении ракет типа "Першинг" и крылатых ракет в Западной Европе. Но в этом вопросе есть и политический аспект, я не могу этого отрицать. Я лишь постарался объяснить, что основная причина размещения ракет – чисто военного характера. Но есть и политическая сторона дела, ибо когда наши союзники говорят, что они находятся под угрозой, наша обязанность как члена НАТО – заверить их в нашей поддержке. Это – вопрос политический. Если бы мы не смогли сделать то, о чем они просят, то есть не смогли бы совместо с нашими союзниками осуществить размещение этого оружия в Западной Европе, мы бы не выполнили наших союзнических обязательств. Скажу еще раз, что мы не имеем намерений использовать это оружие. Оно установлено для того, чтобы удержать Советский Союз от применения ракет SS-20 против наших союзников в Западной Европе. Если завтра утром Советский Союз уберет свои ракеты SS-20, мы не установим в Западной Европе ни одной ракеты.

К.Л. Как вы объясняете сильное движение в Западной Европе против размещения ракет? Разделяете ли вы мнение, что это движение – лишь результат советской подрывной деятельности?

Л.И. Ответ на ваш второй вопрос будет: решительно нет. Это нечто гораздо большее, чем подрывная деятельность Советского Союза в Западной Европе. Для Западной Европы это огромная проблема, и было бы глупо это отрицать. Я не согласен не с тем, что люди озабочены увеличением ядерного арсенала в мире, а с тем решением проблемы, которое они предлагают. Многие люди в Западной Европе убеждены в том, что самый факт размещения большого количества ядерного оружия в Западной Европе делает жизнь в этой части мира более опасной. Я с этим не согласен. Как я уже сказал, отвечая на предыдущий вопрос, размещение ядерного оружия в Западной Европе является лишь попыткой с нашей стороны и со стороны западноевропейцев удержать Советский Союз от использования оружия, которое он первым установил против нас. Но и в Западной Европе, и в США существует совершенно законная озабоченность в связи с гонкой ядерного вооружения. Думаю, что этим же озабочены и в Восточной Европе, и в СССР. Разница между двумя обществами в том и состоит, что эта озабоченность в Западной Европе и в США может выразиться более открыто, чем в Восточной Европе и в СССР. Но не думаю, чтобы люди по обе стороны разделительной линии, проходящей через Европу, по-разному смотрели бы на проблему ядерного оружия. Решение этой проблемы состоит в заключении соглашения, которое привело бы к демонтажу этого оружия. Только таким может быть решение. Сопротивляться в первую очередь только размещению ракет – это значит прятать голову в песок. Хочу еще раз подчеркнуть, что я с огромным сочувствием отношусь к желанию участников антиядерного движения в Западной Европе и США создать безъядерный мир. Я лишь не согласен с методами, которыми они этого пытаются добиться.

К.Л. Американские официальные лица неоднократно заявляли, что они ожидают положительных результатов от переговоров в Стокгольме. Но зачем искать новых соглашений с СССР, если он нарушает старые? Лишь недавно правительство США опубликовало подробный отчет о таких нарушениях. Какого рода контроль, по мнению США, должен быть предусмотрен в новом соглашении?

Л.И. Это очень хороший вопрос и очень трудный для ответа. Несомненно, Советский Союз нарушил целый ряд соглашений. Совершенно очевидно, например, что он нарушил соглашение о запрете биологического оружия, заключенное между нашими двумя

странами. Мы знаем о катастрофе в Свердловске, которая, я полагаю, ясно показала, что Советский Союз производит биологическое оружие. Подозреваю, что большая часть населения Советского Союза об этой катастрофе ничего не знает, хотя в ней пострадало и погибло много людей. Я должен также указать на соглашение ОСВ-1. Целый ряд пунктов этого соглашения Советский Союз не выполнил. И, безусловно, далеки от выполнения Хельсинкские соглашения. Мы должны учитывать это. Думаю, что правильно ответить на ваш вопрос нужно было бы следующим образом. Все сказанное выше вовсе не означает, что неразумно стремиться к заключению соглашения с Советским Союзом, которое уменьшило бы вероятность военного столкновения. Что действительно крайне важно, так это то, что когда мы заключаем соглашение, оно должно быть ясным, четко определяющим то, что берет на себя каждая из сторон. Соглашение должно также быть таким, чтобы каждая из договаривающихся сторон могла проверить, держит ли фактически другая сторона свое слово. Проблемы современного полного опасностей мира нельзя решить, если отказаться от заключения новых соглашений, ссылаясь на то, что предыдущие соглашения не выполнены полностью. Было бы слишком опасно занять такую позицию. Правильно было бы ответить так: исходя из нашего опыта, мы должны не противиться заключению соглашений с Советским Союзом, но быть очень осторожными в том, какого рода соглашения заключать. Мы должны продолжить наши попытки достичь соглашения.

К.Л. Как вы относитесь к экономической помощи странам Восточного блока, в том числе СССР? С политической точки зрения это означает поддержку вашего потенциального противника. Как вы думаете, что важнее: сиюминутный экономический выигрыш США или политические потери в будущем? Некоторые обосновывают необходимость такой помощи исходя из соображений гуманности. Но ведь уже ясно, что экономические трудности СССР имеют не временный, а постоянный характер. Как долго, по вашему мнению, можно поддерживать разваливающуюся экономику великой страны с населением 270 млн.чел.? А что, если когда-нибудь в будущем эта помощь прекратится? Не думаете ли вы, что трудности СССР тогда будут гораздо большими, чем если бы СССР был вынужден уже сейчас решать свои экономические проблемы своими собственными силами? Не будут ли эти трудности иметь характер катастрофы?

Л.И. Очень трудный вопрос. Давайте сначала поговорим о Восточной Европе, а потом о Советском Союзе. Предположим, что какая-то страна в Восточной Европе смогла продемонстрировать определенную степень независимости от Советского Союза. С моей точки зрения, такая страна заслуживает поддержки. Не хочу сказать, что США не признают наличия интересов Советского Союза в Восточной Европе. Не хотим мы и вызвать вооруженное восстание против СССР в Восточной Европе. Я лишь говорю, что мы хотели бы, чтобы все восточноевропейские страны имели возможность свободно выразить свою волю. Они должны быть свободными, независимыми нациями, будь то поляки, чехи, венгры, югославы или кто-либо другой. Они должны сами определять свою судьбу. Мы хотим дать им, насколько возможно, почувствовать, что действуя независимо, по своей собственной воле, они могут рассчитывать на нашу помощь, что это в их же интересах. Некоторые страны в Восточной Европе ведут себя более независимо, чем другие. Очевидно, что как в том, что касается помощи, так и в том, что касается торговли, мы будем строить наши отношения с этими более независимыми странами более благоприятным для них образом, чем со странами, рабски подчиняющимися

диктату Москвы. Вот вам примеры: мы находимся в более близких отношениях с Венгрией и Румынией, чем, скажем, с Чехословакией и Болгарией. Другой пример – Югославия, которая не является членом Варшавского пакта и не входит в советский лагерь. Мы пытаемся, начиная с 1948 г., показать, что Югославия, поскольку она ведет себя независимо, неважно, коммунистическая она или нет, но независимо от СССР или кого-либо еще, всегда может рассчитывать на нашу помощь. Мы всегда будем делать все, что мы можем, чтобы поддержать Югославию как суверенное независимое государство. И мы многое уже сделали.

Теперь о Советском Союзе. У нас нет каких-либо программ помощи Советскому Союзу. Вы, конечно, имели в виду торговлю, в частности продажу зерна. Ответить на этот вопрос очень нелегко. Я понимаю вашу точку зрения: если мы продаем зерно Советскому Союзу, это значит, что Советский Союз не имеет нужды начинать реформы, необходимые для того, чтобы сделать советское сельское хозяйство продуктивным. Фактом является то, что за 60 с лишним лет, прошедших со времени большевистской революции, советское сельское хозяйство и экономика в целом представляли собой непрерывную серию провалов. Эта система попросту не работает. Я понимаю ваши доводы: в какой-то степени мы даем этой неэффективной системе возможность существовать и дальше, не производя зерна. Но с другой стороны, если мы не продадим зерно Советскому Союзу, то это сделают другие. Это уже происходило, когда мы наложили эмбарго на продажу зерна. Очевидно также, что с нашей стороны существует и коммерческий интерес. Есть и другие доводы, и сильнейший из них – это то, что продукты питания нельзя использовать как оружие. Мы не заинтересованы в том, чтобы где-то вызвать голод. Это не значит, что если мы не продадим пшеницу Советскому Союзу, то русские, украинцы и другие народы будут голодать. Хочу лишь сказать, что это очень большой вопрос – можно ли использовать продукты питания как оружие против кого бы то ни было. Я не думаю, что наши отношения с Советским Союзом когда-нибудь будут такими, что встанет вопрос об оказании ему помощи. Мы будем также очень осторожны в торговле с Советским Союзом. Но очень важно поддерживать отношения с Советским Союзом. И в поддержании этих отношений, каковы бы они ни были, торговля является важной составной частью.

К.Л. Есть ли у вас надежды на то, что СССР будет эволюционировать в сторону демократии? Если да, то что могло бы быть главной причиной такого развития? Давление Запада? Крах экономики и вызванная этим необходимость радикальных перемен? Национальные противоречия внутри империи? Что-либо другое?

Л.И. Конечно, мы надеемся, что Советский Союз станет более демократическим государством. Лично я, однако, имею весьма мало оснований верить, что это произойдет скоро. Думаю, что справедливо будет сказать, что сейчас Советский Союз стал хотя бы менее тоталитарным, чем во времена Сталина. У меня такое впечатление, что сейчас он по крайней мере не так плох, как при Сталине. Это не значит, что он стал демократическим, это просто означает, что режим сейчас менее варварский. Но я не решусь предсказывать, станет ли когда-нибудь Советский Союз демократическим и какие причины к этому приведут. Я думаю, и это возвращает нас к предыдущему вопросу, что по мере того, как система все более и более будет показывать свою неспособность обеспечивать население необходимыми товарами, будет неизбежно расти и давление, имеющее целью

вызвать изменения в системе. Хочется надеяться, что со временем в Советском Союзе будет больше демократии. Но это будет очень, очень долгий процесс.

К.Л. Полагаете ли вы, что в настоящее время имеют смысл споры о будущем общественном устройстве СССР и России как таковой? Безразлично ли для Соединенных Штатов, какая система установится в России, лишь бы она не была коммунистической?

Л.И. Это не наше дело, какую систему выберет для себя советский народ. Важно дать ему возможность принять такое решение. Конечно, мы глубоко убеждены, что демократия как политическая система есть единственно разумный способ, каким люди могут управлять своим обществом. Но в мире много стран, которые не являются демократическими. Мы надеемся, что с течением времени мир станет более демократическим. Какой путь выберет для себя советский народ — это его дело, а не наше. Мы лишь хотим верить в то, что он получит возможность сделать выбор.

К.Л. Есть точка зрения, что необходимым промежуточным этапом на пути к демократии в СССР является военная диктатура. Разделяете ли вы это мнение?

Л.И. Я не думаю, что военная диктатура является необходимым промежуточным этапом на пути к демократии. Я сказал бы даже, что переход от военной диктатуры к демократии — явление не частое.

К.Л. Как вы оцениваете роль правозащитного движения в СССР и его современное положение?

Л.И. Это чрезвычайно, чрезвычайно важное явление! Это движение создано людьми, которые принадлежат к самым отважным, каких когда-либо видел мир. Существование этого движения вдохновляет всех, кто верит в демократию и права человека. Я думаю, что это движение — пятно на совести советских руководителей. Игнорировать правозащитное движение они не могут. Оно напоминает всему миру, чем в действительности является советская система. Мы можем лишь восхищаться тем, что это движение сделало, и я верю, что оно еще сделает многое. Эти люди — совесть Советского Союза.

К.Л. Что могут сделать правительства западных стран, западная общественность, чтобы помочь тем людям в СССР, которых преследуют за их политические, религиозные или национальные убеждения? В частности, что можно сделать для спасения Сахарова?

Л.И. Я думаю, что на оба вопроса надо дать один и тот же ответ. Это такой вопрос, о котором необходимо продолжать говорить. Мы должны говорить об этом публично, и мы должны говорить об этом с советскими руководителями, что мы и делаем при любой возможности. Мы должны постоянно давать понять советскому руководству, что мировое общественное мнение просто не может мириться с тем, что Советский Союз делает с этими людьми, что такое положение необходимо изменить. Я думаю, что самым важным фактором, который может содействовать такому изменению, является постоянное давление общественного мнения. Так что мы должны продолжать говорить об этом, говорить и открыто, и с глазу на глаз с советскими руководителями.

К.Л. США поддерживают хорошие отношения с КНР. Эти отношения еще более улучшились после недавнего визита китайского премьер-министра в Вашингтон. Многие советские граждане рассматривают это как поддержку врага Советского Союза. Обоснованы ли их страхи? Будут ли США продолжать поддерживать Китай даже в случае военного столкновения между СССР и КНР?

Л.И. США хотели бы содействовать тому, чтобы Китайская Народная Республика и Советский Союз постарались разрешить свои разногласия по вопросу о границе и любые другие разногласия, которые у них существуют. Мы не противимся установлению хороших отношений между Китаем и Советским Союзом. Мы думаем, что это было бы хорошо для всеобщего мира. Но это зависит не от нас. Ответ на ваш вопрос находится в Пекине и Москве, а не в Вашингтоне. Я хотел бы, чтобы у нас были настолько тесные и плодотворные отношения с Пекином, насколько это возможно, опять-таки потому, что в нашем мире мы не можем себе позволить чреватых опасностями отношений между странами. В последние годы мы упорно работали над тем, чтобы улучшить наши отношения с Пекином. Это не значит, что у нас нет существенных расхождений с КНР. Такие расхождения есть: у нас различные системы правления, у нас различные экономические системы, и мы думаем, что наша система лучше. Но это наше внутреннее дело. Мы делали и будем продолжать делать все, чтобы помочь КНР разрешить свои разногласия с Советским Союзом. Я не думаю, что Китай или какое-либо иное государство нуждается в том, чтобы Советский Союз рассматривал его как угрозу своей безопасности. Было бы хорошо, если бы Советский Союз постарался сделать все от него зависящее, чтобы разрешить имеющиеся у него разногласия с Китаем. Еще раз подчеркну, что на китайско-американские отношения мы можем оказать влияние, и мы пытаемся их улучшить, но мы мало что можем сделать из Вашингтона, чтобы разрешить противоречия между Советским Союзом и Китаем. Это дело Пекина и Москвы, а не Вашингтона.

К.Л. Таким образом, улучшение американо-китайских отношений не направлено против Советского Союза?

Л.И. Абсолютно не направлено.

К.Л. В Латинской Америке США иногда поддерживают режимы, которые далеки от демократии. Когда они прекращают свою поддержку, в таких странах растет советское влияние, что ведет или может вести к еще большим нарушениям демократии. Как можно решить эту дилемму?

Л.И. Я хотел бы только возразить против слова "поддерживают". США имеют и будут иметь отношения с такими странами Латинской Америки, которые не являются образцом демократии. Я уже говорил, что к сожалению, мир не является полностью демократическим и мы должны жить на одной планете с недемократическими странами и сохранять с ними отношения. Конечно, мы считаем, что советские попытки дестабилизировать режимы в Латинской Америке представляют собой угрозу нашей собственной безопасности. Но не меньшая опасность состоит в том, что неизвестно ни одного марксистско-ленинского режима где-либо на земле, который эволюционировал бы в сторону демократии. Мы хотели бы, чтобы нынешние недемократические режимы двигались в сторону демократии. Мы не верим в то, что альтернатива недемократическим режимам в Латинской Америке – это марксистско-ленинские режимы, которые,

в сущности еще более диктаторские и авторитарные, чем уже существующие. Марксистско-ленинские режимы становятся союзниками Советского Союза и, следовательно, угрозой Соединенным Штатам.

К.Л. Кстати, считаете ли вы режим Ф.Кастро на Кубе стабильным?

Л.И. В каком-то смысле да, ибо г-н Кастро продемонстрировал, что он способен укрепить свое господство на Кубе. Но я думаю, что режим этот нестабилен в том смысле, что он поддерживает революции и подрывную деятельность во всем полушарии. Если бы г-н Кастро употреблял свое время на улучшение жизни на Кубе вместо того, чтобы тратить миллионы рублей и проливать кровь кубинских солдат в попытках дестабилизировать и свергнуть режимы в Центральной Америке и в Африке, то думаю, что жизнь на Кубе была бы лучше, чем сейчас.

К.Л. Какова ваша оценка современного положения в Афганистане? Есть ли какие-либо надежды на то, что в обозримом будущем удастся добиться вывода советских войск?

Л.И. Да, я думаю, что такие надежды есть. Не спрашивайте меня сейчас, насколько велики эти надежды, но они есть. Начнем с того, что афганские борцы за свободу, муджахеддины, показали советским интервентам то же, что и целому ряду других интервентов, которых было много в истории Афганистана: что они горячо преданы своей свободе и независимости, что это суровые, мужественные люди. Сейчас Советский Союз платит за это знание большую цену. Афганцы хотят сами управлять своей страной. Генеральный секретарь ООН в течение нескольких месяцев пытается достигнуть компромиссного решения, которое привело бы к выводу советских войск. До сих пор, к сожалению, Советский Союз не выказывал желания достигнуть такого компромисса, который позволил бы Афганистану вновь стать свободной и независимой страной, неприсоединившейся страной, а не угрозой Советскому Союзу. Те, кто были вынуждены бежать из Афганистана, могли бы тогда вернуться к себе на Родину. Я думаю, что все же есть надежда, что Советский Союз поймет, как дорого обходится ему пребывание в Афганистане и что для него же лучше уйти оттуда и оставить Афганистан свободным.

К.Л. Каков ваш прогноз относительно событий в Польше? Как, по вашему мнению, стабилизовалось ли положение или там еще предстоят перемены?

Л.И. Полагаю, что всякий, кто знает историю, не может не прийти к заключению, что польский народ нельзя держать в узах и рабстве, что это мужественный народ. Нынешний режим неизбежно будет вынужден дать польскому народу большую свободу, как экономическую, так и политическую, и должен будет вернуться на тот обнадеживающий путь, по которому развивались события в Польше до объявления военного положения и установления нынешнего режима. Все мы надеемся на то, что возврат к этому более свободному положению произойдет мирным путем. Все мы также уверены, что это неизбежно. Так или иначе, но польский народ станет вновь свободным и независимым.

К.Л. Были ли вы в Советском Союзе? Каково ваше личное отношение к нашей стране, к народам Советского Союза, не только к русскому народу, но и ко всем народам нашей страны? Что бы вы хотели им сказать?

Л.И. Я был в СССР несколько раз с Генри Киссинджером, когда он был Государственным секретарем, а до этого несколько раз частным образом. Я не хочу казаться наивным американцем, но на меня большое впечатление произвело сходство между американцами и теми советскими гражданами, с которыми мне приходилось встречаться. Понятно, что, поскольку я проводил большую часть времени в Москве, большинство тех, кого я встречал, были русскими. Я должен сказать, что при всех существующих различиях между нами много общего. Сходство настолько велико, что я не могу не верить: если бы американскому и советскому народам была дана такая возможность, мы стали бы друзьями. Мы можем быть друзьями несмотря на все то, что нас разделяет. Мое правительство в течение многих лет делало все от него зависящее, чтобы дать американскому и советскому народу такую возможность. Появится ли эта возможность – по моему убеждению зависит сейчас от советского правительства. И последнее, что я хотел бы сказать: более, чем какие-либо другие два народа, советский и американский народы несут ответственность за мир во всем мире. Если наши страны не урегулируют отношений друг с другом, мы в конце концов будем ответственны за гибель миллионов и миллионов американских и советских граждан. Будущее мира зависит от того, что делают наши две страны. Это ответственность, к которой мы относимся серьезно, и мы надеемся, что и Советский Союз разделяет наше отношение. Именно потому, что на нас лежит такая ответственность, совершенно необходимо, чтобы наши страны нашли способ, как можно жить на одной планете, даже если по многим вопросам мы несогласны. ●

АРХИВ

О войне

СВОДКА 7 № 2 НА I/IV – 32 ГОДА

22/III – 32 года гр-н дер. Радобля Крюковского сельсовета Краснинского района МОНАШКОВ Егор Хомич, 40 лет, бедняк-колхозник, судимый за бандитизм на 4 года в разговоре, в присутствии колхозников ЛЕВШОВА Димитрия, МЕРЕНКОВА Фомы и других, о войне сказал: "Англия с Америкой заключает договор, чтобы пойти войной на СССР, чтобы задушить коммунизм и сорвать строительство колхозов. Если бог даст весной откроется война, тогда освободят народ от этого ига и заживем по-старому". Присутствующие молчали.

Из оперативного доклада уполномоченного ОГПУ Краснинского района Западной (ныне Смоленской) области Захарьина. "Смоленский архив". Вашингтон. Публикуется впервые.

Милован ДЖИЛАС (Югославия)

РАЗЛОЖЕНИЕ ТОТАЛИТАРНЫХ РЕЖИМОВ ЛЕНИНСКОГО ТИПА

Что такое тоталитаризм? Древняя тирания в новых условиях или принципиально новое явление?

Тоталитаризм, о котором мы говорим, то есть тоталитарный режим ленинского типа, установленный в Советской России и навязанный другим восточноевропейским странам, без сомнения, представляет собой наиболее совершенную и достигшую наибольших успехов тиранию индустриальной эпохи. Именно эта эпоха, с ее "научной философией" и научными достижениями, придала ленинскому тоталитаризму качества, отличающие его от прежних форм тирании.

Хотя я полагаю, что критический анализ действительности больше приближает нас к истине, чем какие бы то ни было схемы, я считаю все же полезным перечислить наиболее существенные качества тоталитаризма ленинского типа.

1. Образование и укоренение партийной бюрократии ("передового отряда пролетариата", "нового класса", "бюрократической касты", "партократии","политического класса") в качестве привилегированной прослойки.

2. Абсолютная власть партийной бюрократии, которая руководит жизнью нации, выступая в качестве инструмента перестройки общества.

3. Монополия партийной бюрократии в управлении ключевыми секторами экономики или, на языке бюрократов, "социалистической собственностью".

Эти черты – квинтэссенция государств ленинского типа, включая Югославию. И они же отличают эти государства от всех видов и форм тирании прошлого. Даже личная тирания, например, сталинская, отличается от "классической формы": тиран в государствах ленинского типа – не только тиран, но и лидер массового движения, а также первая фигура правящей социальной прослойки. Однако нужно признать, что со временем эти особенности теряют абсолютное значение, они уже не единственные определяющие черты государств ленинского типа. Новые духовные веяния и общественные устремления пронизывают общество в этих странах – правда, в неодинаковой степени. Таким образом, ни одно из государств Восточной Европы более не является тоталитарным режимом ленинского типа в *чистом виде,* хотя важные элементы тоталитаризма не утратили силу ни в одном из них.

Сказанное относится и к Советскому Союзу, несмотря на то, что среди коммунистических стран он ближе всех к "чистой форме" тоталитаризма. Как и прежде, СССР пытается навязать тоталитарный порядок другим нациям, во всяком случае тем, которые ему удалось загнать в свою военно-имперскую сферу. Но даже в Советском Союзе число концентрационных лагерей сталинского образца сократилось, а КГБ уже не приводит немедленно в исполнение приговоры "врагам народа", выносимые по собственному усмотрению. Хотя суды контролируются Комитетом госбезопасности и

партийными органами, они все же соблюдают определенные формальности (каковы бы они ни были) и в ограниченной степени открыты для публики. Конечно, численность политических преступников измеряется десятками тысяч, а условия содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях даже отдаленно не напоминают условия в западных тюрьмах. Тем не менее разница со сталинскими временами, когда в лагерях сидели миллионы, когда пуля охранника могла в любое время настигнуть заключенного и люди массами умирали от истощения, – очевидна.

Отошла в прошлое верховная власть идеологии, исключая разве что сферу "чистой" политики. Весьма многочисленны отклонения от идеологических стереотипов и партийных "решений" в искусстве, даже в такой сугубо актуальной и популярной области как кино. Значение этих отклонений не стоит преуменьшать, если мы не хотим впасть в крайность и прийти к шаблонным антикоммунистическим выводам. И, наконец, последнее, но отнюдь не маловажное: наряду с "социалистической" государственной экономикой в Советском Союзе развилась другая экономика – свободная торговля некоторыми видами сельскохозяйственной продукции, частные операции, совершаемые работниками государственной торговли, массовая спекуляция и коррупция, наконец, всякого рода мелкое личное предпринимательство. По оценке академика Сахарова альтернативная экономика охватывает в денежном выражении до 15% всего советского производства. Примечательно и то, что "социалистический" сектор экономики фактически вынужден все больше прибегать к услугам частных производителей и посредников. Но наиболее показательны и даже характерны для советской экономики тенденции, неотвратимо возникающие время от времени, несмотря на тупоголовый консерватизм бюрократии, – тяга к реформам "социалистического " сектора, а значит и экономики в целом, для извлечения прибыли – попросту говоря, с целью восстановить свободный рынок.

Было бы опасной ошибкой заключить отсюда, что изменения советской системы неизбежны и что это вот-вот произойдет. Ничего подобного! Описанные явления показывают лишь, что система "не совершенна", то есть уже не является тоталитарной тиранией в полном смысле слова. Другими словами, эти явления означают, что и советская система подвержена внутреннему кризису. Не менее ошибочно и опасно думать, будто господствующяя в СССР партийная бюрократия станет более терпимой или мирной по мере того, как тенденция реформировать систему будет усиливаться. Разложение тоталитарного строя – по существу лишь некая переходная фаза в процессе превращения Советского Союза в военную империю; итог этого процесса – советская экспансия во всем мире.

Решительные шаги на этом пути были сделаны еще при Сталине; они тесно связаны с индустриализацией, окостенением идеологии и тотальным террором. Но превращение революционной России в военную империю – не результат сталинского правления, а выражение самой сути режима, неизменной и непреложной. Триумф партийной бюрократии наступает одновременно с превращением государства в идеологическую и военную державу. Сталин понял, что "новый класс" – партийная бюрократия – погибнет, как погибнет и сама революция, если он не будет стремиться к единовластию и внешней экспансии. Так он и действовал; наиболее способная к продвижению наверх прослойка карабкалась следом за ним, прочие подлежали подавлению либо уничтожению.

В отличие от сталинского террора, который со временем стал невыносим для бюрократии, военный империализм продолжает оставаться существенным условием выживания режима. Когда сталинская тирания превратилась в диктатуру партийной олигархии, военный империализм усилился и в относительном, и в абсолютном смысле.

Причины разложения "классического" тоталитаризма в Советском Союзе следует прежде всего искать в том, что партийная бюрократия нуждается в более обеспеченном, безопасном и не столь принудительном существовании; но это разложение влечет за собой усиление военно-имперских тенденций и усиление "теории". Грубые сталинские методы мешали империалистическим устремлениям бюрократии. Тем более, что ей предстояло упрочить свою империю как раз в то время, когда западные колониальные державы разваливались, и Россия оказалась политически и идеологически лицом к лицу с другой динамичной великой державой – Соединенными Штатами Америки. Следовательно, разложение тоталитаризма нужно рассматривать не только и не столько как признак слабости системы, но и как результат сознательной, активной адаптации партийной олигархии.

Разложение тоталитаризма в СССР – процесс двоякий: спонтанное возникновение новых форм из осколков системы и необходимость приспосабливаться к условиям экспансионистской политики правящей верхушки. Именно потому, что это двусторонний процесс, олигархические "сознательные социалистические силы" не только не желают, но и не могут терпеть стихийную оппозицию, не говоря уже об оппозиции сознательной и творческой. Сама структура Советского Союза такова, что он обречен либо рухнуть, либо измениться – в той мере, в какой это позволяет жизнь или хотя бы настолько, насколько эти изменения не противоречат планам олигархии. Не следует, однако, ожидать в близком будущем серьезных изменений советской системы, крушения советского военного империализма, а тем более крушения империи.

Идеология тоже отражает изменения в системе. Суть этих изменений лучше всего иллюстрирует тот факт, что после кратковременной идеологической путаницы во времена Хрущева – а умение вносить путаницу было одним из достоинств Хрущева – коммунистическую идеологию одолели склероз и полнейшая бесплодность. По мере разложения тоталитаризма и роста военно-империалистических вожделений идеология в СССР все больше превращается в ритуальный код. Никто больше не верит в эту идеологию, она всем осточертела. Но ни у кого – за исключением горстки инакомыслящих интеллектуалов – нет или пока еще нет сил бороться с ней.

Сама жизнь во всех ее проявлениях сделала идеологию бессмысленной. Как можно говорить о бесклассовом обществе, когда самый беззастенчивый эксплуататор-капиталист может только позавидовать привилегиям партийной бюрократии? Что это за братство народов, чего стоит интернационализм, достигнутый военной оккупацией и удушением коммунистических партий других народов?

Советская идеология, которая формально опирается на Маркса и Ленина, давным-давно отказалась не только от гуманистических идеалов Маркса, но и от революционного интернационализма Ленина. В Советском Союзе нет больше ни марксистов, ни ленинцев. Все, что осталось, это или идеологические чинуши, проповедующие марксизм в качестве заменителя религии, или правители, для которых марксизм – просто рефлекс власти. Бок о бок с фальшивой идеологией в Советском Союзе процветает нацио-

нализм великой державы в форме "советского патриотизма" и прославления советского государства. Власти чрезвычайно терпимо относятся к проявлениям великорусского национализма; это объясняется тем, что правящий класс всегда может – если почувствует, что ему угрожает опасность, – взять на вооружение эти наиболее обскурантистские и шовинистические "ценности".

Разложение тоталитаризма как идеологии сказывается в том, что глава государства больше не верховный идеолог, не священный провидец, кем желали быть Сталин и Хрущев. Брежнев был всего лишь "верным" и "выдающимся" ленинцем; диктатура олигархии не может терпеть диктатора, а диктатор не может стать выше пленума.

Все эти структурные и идеологические перемены в Советском Союзе превратились мало помалу из того, что осознается, в то, о чем говорится вслух. Выражения вроде "изменившееся соотношение сил", "интересы советского государства", "у советских границ", "ведущая роль русского народа", "равенство сил" и т.п. стали повседневным языком советских средств массовой информации, – а когда-то они были языком сугубо внутреннего употребления в узком кругу сталинских приближенных.

2

Иначе выглядит разложение тоталитарных режимов в подчиненных Советскому Союзу государствах Восточной Европы. Все они еще сохраняют некоторые черты тоталитаризма, близкие к советским или даже неотличимые от них, тем не менее каждое обладает определенной индивидуальностью. Даже темпы разложения тоталитаризма неодинаковы в разных странах. Все отчетливее проявляют себя не только национальные особенности этих стран, но и национальные устремления партийной верхушки в каждой стране. И советское руководство волей-неволей приспособилось к национальному своеобразию и местным притязаниям партийной бюрократии, по крайней мере до тех пор, пока они не противоречат советским имперским интересам.

Интересы эти сводятся прежде всего к сохранению в полной неприкосновенности "социалистического порядка", то есть безраздельной власти партийной бюрократии в этих странах. Ибо, в отличие от торговых и денежных империй, советская империя, будучи военно-идеологической, может утвердить свое господство в других странах лишь при помощи связанных с ней социальных групп, а именно "братских партий". Эта взаимосвязь напоминает связь между монархом и мелкими феодалами в Средние века.

В подчиненных восточноевропейских странах разложение тоталитаризма началось, можно сказать, уже в тот момент, когда там установилось советское господство, то есть в конце войны. Исключение составляют лишь Югославия и Албания, две страны, в которых относительно независимая партийная бюрократия установила свою диктатуру посредством революции. С самого начала тоталитаризм советского типа вступил в противоречие с наиболее жизнеспособными движениями восточноевропейских стран. Даже коммунистические партии этих стран не приветствовали единодушно советскую модель тоталитаризма; ее приняли только те элементы внутри партий, которые были либо ослеплены догмой, либо развращены абсолютной властью. Сопротивление советской диктатуре и экономическому ограблению дало себя знать уже в первые месяцы после войны: сначала сдержанно, в надежде, что советские лидеры "осознают" реальное положение вещей и допущенные ими несправедливости, затем открыто – после советских нападок на Югославию в 1948 году.

Конфликт с Советским Союзом вынудил югославскую партийную олигархию произвести ревизию тоталитаризма ленинского типа. Это было необходимо и ради самосохранения, и во имя сохранения национальной независимости. Ревизия не была последовательной – да и не могла быть: согласованности различных ее направлений мешали идеологические расхождения и соперничество в борьбе за власть внутри югославского руководства. Более того, демократические реформы и либерализация приостановились после смерти Сталина и примирения Тито с Советским Союзом. В конечном счете, после тридцати лет колебаний политической линии лидеров, партийных чисток и хозяйственной эволюции, совершавшейся в основном под нажимом идеологии, Югославию – по крайней мере, сегодняшнюю, послетитовскую – лишь с большими натяжками можно назвать тоталитарным государством.

Руководители Югославии больше не господствуют над ней безраздельно и не служат для нее вдохновляющим примером, по той простой причине, что там больше нет единого и эффективного руководства и нет господствующей идеологии. Идеология не играет объединяющей роли, не ощущается как нечто существенно необходимое. В национальных партиях союзных республик все больше задает тон местный бюрократический национализм, пробивают себе дорогу религиозные, демократические, националистические и прочие чуждые ленинизму воззрения. Что касается экономической структуры, то здесь страна оказалась в кризисе, и ее правители, связанные догмой, отвлекаемые внутренними разногласиями и, разумеется, прежде всего озабоченные тем, как бы не упустить из рук власть, понятия не имеют, как из него выбраться. Примат партии и стремление лидеров любой ценой остаться у власти, собственно, и представляют собой остатки тоталитаризма ленинского типа в Югославии.

То, что происходит в Албании, во многом противоположно югославскому пути. Стремление партийной бюрократии к независимости и культ властителя – Энвера Ходжи, в большой мере связанный с отсталостью и длительным порабощением страны, укрепили революционный догматизм и партийно-полицейский тоталитаризм. Сегодня Албания – самая тоталитарная из стран Восточной Европы. Албанский тоталитаризм в некоторых отношениях даже более "тотален", чем советский при Сталине. Вряд ли тоталитаризм такого пошиба, особенно если он перестанет отвечать национальным чаяниям, переживет надолго самого Энвера Ходжу. И хотя Албания – первая страна, где запрещены все религиозные общины, очень может быть, что подпольное религиозное движение, как и везде в Восточной Европе, примет мистический накал и вырвется, как пламя, наружу с изменением политической обстановки. Можно сколько-то времени держать людей в оковах, но нельзя уничтожить их тягу к тому, что они считают добрым и вечным. "Усовершенствование" тоталитаризма, как наглядно показывает пример Албании, обнажает его органическую слабость, а не силу. Разложение тоталитаризма в Албании еще не началось. Но и там он не сможет противостоять напору жизни.

Тоталитаризм устоял и в Румынии – но при этом он оказался гораздо более "непоследовательным", чем в Албании. У румын не хватило сил выйти из управляемого Советским Союзом "социалистического содружества". Вместе с тем Чаушеску смог добиться – путем усиления личной власти – большей автономии, чем какое-либо другое правительство в лагере социализма. Румынская автономия и есть, собственно, не что иное как автономия тотальной власти Чаушеску и его клана; но это и пример того, как нация, "приняв" рабское подчинение другому государству, может все-таки выка-

рабкаться из него. Во внутренней жизни, однако, Румыния во многом более тоталитарна, чем Советский Союз. Такова цена, которую она вынуждена платить за крохи своей национальной независимости; а для советского руководства это залог того, что Румыния не отколется от социалистического лагеря.

Хотя Болгария "верно" шествует по советскому пути, процесс разложения тоталитаризма в этой стране отстает от Советского Союза. Единственное, в чем Болгария проявляет свою независимость, – это ее экспансионистские притязания по отношению к соседям, в первую очередь к югославской республике Македонии. Болгария выполняет – для видимости – роль мелкого империалиста на Балканах, наподобие Вьетнама в Юго-Восточной Азии. Но, конечно, болгарское руководство далеко не так независимо, как вьетнамское, – Болгария всего лишь вассал. Иллюзии болгарских руководителей насчет того, что московский "Большой Брат" поможет им приобрести новые территории, несомненно, повлияли и на некоторую часть болгарского народа. Это помогает задержать разложение тоталитаризма. Тем не менее симптомы этого разложения очевидны: тут и глупый истерический официальный патриотизм, и отчуждение творческой интеллигенции, и низкокачественная, неэффективная экономика.

Беспорядки 1956 года, особенно восстание в Венгрии, имеют, по моему мнению, исключительное и решающее значение для кризиса тоталитаризма. Они говорят не только о разложении, но предвещают полный распад тоталитарной системы; становится ясным, что она сохраняет свои позиции, главным образом, благодаря военному присутствию Советского Союза. Восстание 1956 г. привело к тому, что Кадару удалось путем практических мероприятий постепенно реформировать венгерскую экономику. Это происходило на фоне определенной терпимости и политической культуры. Ныне Венгрия – самая процветающая страна Восточной Европы; даже в Советском Союзе рассматривают ее как возможную модель экономических преобразований. Лично я в эту модель не верю. Вероятнее всего, Венгрию в обозримом будущем постигнет такой же кризис структуры, какой имеет место в Югославии. Реформы могут продлить существование системы; вылечить систему они не в состоянии. Как и Югославия, Венгрия более не тоталитарное государство. Партия удерживает власть, но другие формы общественной жизни обладают известной автономией – конечно, ограниченной советским контролем и партийной монополией власти.

Разложение тоталитаризма в Чехословакии достигло к 1968 году поистине разрушительных масштабов, особенно в том, что касается культуры и политической философии. Изменения затронули даже структуру власти, и если они не вылились в более определенную форму, то только из-за нерешительности лидеров и страха перед советской интервенцией. Интервенция положила конец всему этому процессу, но не сумела уничтожить память о жестоком опыте борьбы с тоталитаризмом. Тоталитаризм в Чехословакии давно мертв; местная полиция и иностранная армия – только на этом он и держится. Во всей стране нет активной силы и едва ли найдется хоть одна творческая индивидуальность, которые поддерживали бы тоталитарный режим. Идеология в Чехословакии – дело полиции и наемных писак. Народ терпит, творческая интеллигенция протестует и заполняет тюрьмы. И те, и другие ждут своего часа.

Было бы ошибкой думать, что Польша никогда не была тоталитарным государством, хотя некоторые сферы духовной жизни – прежде всего католическая церковь – сохраняли относительную автономию. Кроме того, сохранялась в значительной степени

частная собственность на земельные участки. Как бы то ни было, благодаря варшавскому восстанию 1944 года, вооруженному и гражданскому сопротивлению сразу после войны, подавляющее большинство поляков приняло и новый режим, и советский контроль без всяких иллюзий относительно советских "освободителей". Польша была по существу полицейским государством.

Восстание в Познани в 1956 году сыграло решающую роль для восстановления внутренней автономии Польши. Если Польша и не пошла дальше в этом направлении, то историческую ответственность за это в значительной мере несет Гомулка с его догматической "социалистической" узостью. Он задержал движение против тоталитаризма в Польше – но не остановил его: именно в этой стране тоталитарная идея встретила наиболее решительный отпор.

Военная хунта от имени партии распустила профсоюзное объединение "Солидарность", насчитывавшее 10 миллионов членов, и погрузила страну в мрак под сенью закона о военном положении. Формально партия все еще существует, некоторые говорят даже о ее обновлении. Но эта партия с ее идеологией пребывает в полном смятении, а хунта оправдывает себя тем, что не будь ее, в страну вторглись бы советские войска.

В книге "Новый класс", опубликованной в 1957 году, я утверждал, что военная диктатура была бы шагом вперед по сравнению с партийной монополией власти. Однако в Польше приход к власти хунты знаменовал нечто совсем другое. Даже оставив в стороне изменения, происшедшие с 1957 года по нынешний день, можно сказать, что власть хунты в Польше не похожа на тот тип военной диктатуры, который я имел в виду в своей книге. Ибо хунта не отстранила партийную бюрократию – она лишь заменила гражданскую партийную бюрократию военно-партийной, чтобы спасти партию. Но святость "руководящей роли партии" скомпрометирована, и военно-партийные лидеры будут цепляться за свою решающую роль, даже если произойдет временная"консолидация" и обновление "гражданской" партии. Нелегальное плюралистическое общество возникло в Польше под властью правительства – тоталитарного по своим амбициям, но не всегда в своем действительном поведении.

Разложение тоталитаризма ленинского типа нашло свое наиболее глубокое и очевидное выражение внутри западноевропейских коммунистических партий, которые в последние годы стали отдаляться от Москвы. Это движение получило известность под именем еврокоммунизма. Сходную эволюцию проделывают и компартии других континентов, прежде всего – Азии. Однако я ограничусь западноевропейскими партиями, где разложение ленинизма зашло дальше всего; кроме того, европейские партии наиболее типичны в том смысле, что в них особенно ярко проявились национальные тенденции в противовес просоветским.

Из трех крупнейших компартий Западной Европы – итальянской, испанской и французской – этот процесс захватил по существу только первые две; в третьей проявляли и проявляют себя скорее "реформистские" – неленинские или антиленинские – течения. Но и в первых двух партиях руководители отвергают на словах, а иногда даже на практике основные положения ленинизма. Они заявили о своей приверженности к парламентской и другим демократическим формам управления. Они отрекаются от ленинизма уже тем, что отказываются от революции как средства преобразования общества, от "диктатуры пролетариата", от единовластия партии в государстве, если им будут управлять коммунисты.

Разложение ленинизма в еврокоммунистических партиях продолжается; этому, однако, препятствуют, помимо сопротивления сталинистов, непонимание и подозрительность не только реакционных, но и демократических наблюдателей, которые не видят, что некий глубинный процесс начинает принимать отчетливые формы.

Другими словами, разложение ленинизма в западноевропейских партиях обусловлено не только превращением советской партии в монополистическую касту и ее вмешательством в жизнь других стран. Куда более серьезная причина – внутренние демократические преобразования западного общества и то, что становится все более очевидным: ленинская идеология совершенно не подходит к развитым странам и демократическим обществам. Позиция этих партий – не "маневр" и не демагогический трюк: об этом неопровержимо свидетельствует тот факт, что "отпадение от Москвы" развивается постепенно и выливается в собственные позитивные и творческие формы, превращается в своего рода движение – теоретическое и практическое – по пути к демократическому социализму.

3

Каковы перспективы тоталитаризма ленинского типа? Наверняка сказать что-либо трудно, но возможно следующее:

1. *Дальнейшее ослабление идеологии как вдохновляющей силы и как инструмента познания – хотя, конечно, правящая партийная прослойка будет эту свою идеологию навязывать все упорней.* Всякая диктатура, а партийная и подавно, навязывает себя при помощи идеологического обмана и самообмана. Советская бюрократия будет пытаться дополнить "классический" ленинизм и даже заменить его более "демократической", в первую очередь, "патриотической", националистической идеологией, то есть попытается выдать свои бюрократические интересы за национальные.

2. *Появление новых, свободных экономических форм не только наряду с бюрократической формой собственности, но и в ее рамках ("самоуправление", "групповая собственность").* Бесконечные и безуспешные попытки проведения непоследовательных реформ с целью залатать систему путем улучшения качества "социалистического" производства. Даже если нынешний кризис "капиталистической" экономики пройдет, кризис "социалистической" экономики будет продолжаться, потому что наиболее важные и многочисленные причины этого кризиса лежат в самой структуре этой системы.

3. *Усиление "военной части" в партийно-бюрократической системе по мере окаменения идеологии и утраты ею какого-либо разумного основания, поскольку именно краеугольный камень идеологии – "социалистическая собственность" – будет все очевиднее подпирать собой и монополию бюрократии, и общую неэффективность системы.* Все это окажет свое воздействие на внешний мир, да и на внутренние силы оппозиции. Наиболее важным фактором останется советский военный империализм, который и далее будет стимулировать сопротивление не только со стороны национально и социально инакомыслящих, но и среди военнопартийных группировок в зависимых странах.

Кризис тоталитаризма ленинского типа будет связан с кризисом в других системах и с угрозой войны. Разложение тоталитаризма ленинского типа скорее принесет новые бури и кровопролития, нежели мир и спокойствие; не только из-за смертельного

страха партийной бюрократии, но и потому, что разложение может быть ошибочно понято "другой стороной" как благоприятный случай для достижения собственного господства и процветания. Ибо тоталитаризм ленинского типа – это не мир в себе, но составная часть Европы и мира. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

В массивной двери – откидное окошечко для подачи пищи. Над ним – маленький глазок, сквозь который царские тюремщики наблюдали за заключенными. Внутри – полная обстановка одиночной камеры: узенькая железная кровать, столик, параша...

Открывшийся в Москве в Лопухинском переулке Центральный музей каторги и ссылки дает яркую картину того, как царизм боролся с революцией.

При входе в музей внимание посетителя привлекает большая художественная диаграмма. Она изображает рост репрессий против революционеров. Три линии показывают количество присужденных к тюрьме, каторге и ссылке, начиная с 1820 года и кончая годом падения царизма. После революции 1905 года линии репрессий ползут вверх почти вертикально. Раз и навсегда их обрывает пролетарская революция.

Несколько комнат музея посвящено ссылке. Здесь на стенах размещены портреты вождей революции, отважных борцов за социализм: Ленин и Сталин, Свердлов и Дзержинский, Молотов, Фрунзе, Ворошилов, Орджоникидзе.

Последняя комната – апофеоз победоносного пролетарского Октября и строительства бесклассового социалистического общества.

"Открылся Центральный музей каторги и ссылки"
("Правда", 12 февраля 1934).

●

Завтра ты, делегат партийного съезда, поедешь в Горловку, на Байкал, в Батум и в Хабаровск делать свое дело. Сегодня ты стоишь здесь, на Красной площади у Кремлевской стены, войска идут перед тобой. Ты знаешь эти войска. О них была речь на съезде.

Военный нарком сказал с трибуны:

– Армия совершенно переродилась, став в отношении качества и количества вооружения, организационной структуры, боевой подготовки своих кадров как бы принципиально иной армией.

Мерно отбивают шаг красноармейские легионы, звонко гремит в зимнем воздухе медь оркестров, и, перекрывая ее, грохочут по граниту мостовой тяжелые гусеницы танков, тракторы с прицепными пушками, ревут моторы, трещат танкетки.

Наша армия не только ходит по земле и плавает по морям. Она еще летает по воздуху.

Машины летят не сами по себе. В них сидят и ими управляют живые люди. Это бойцы воздушной армии, это большевики на крыльях.

Стая могучих моторных буревестников реет в облаках. Они защищают стальными грудями советскую землю. И в грудях этих, закованных броней, бьются живые горячие большевистские сердца.

Мих.Кольцов. "Армия на небесах"
("Правда", 10 февраля 1934)

●

САМИЗДАТ (Москва)

ФАШИЗМ В СССР

Спонтанный протест или инспирированное движение?

В последнее время на улицах, в скверах и парках многих советских городов, особенно вечером, все чаще можно встретить компании молодых людей, одежда, речь и поведение которых до странности напоминают печально известные образцы Германии 20-х годов. Этих молодых людей сразу узнаешь по особой униформе: черные куртки, остроносые ботинки, черные очки, бритые виски, а нередко и изготовленные полуфабричным способом брелоки со свастикой. В прошлом году москвичи уже стали свидетелями попытки фашистской демонстрации у памятника Пушкину 20 апреля – в день рождения Адольфа Гитлера. В нынешнем году за несколько дней до этой даты директоров и секретарей партийных организаций средних школ собирали специально для инструктажа на случай возможных выступлений "фашиствующих элементов из числа несознательных групп молодежи". Многие учителя прямо говорили своим воспитанникам: "20-го вечером не выходите на улицу, милиция будет забирать всех подростков." И действительно, 20-го апреля в ряде городов были зафиксированы выступления фашиствующей молодежи. Формы этих выступлений были различными: в одних городах, микрорайонах, во дворах или на улицах фашисты проходили строем, выкрикивая "Хайль Гитлер!" и "Зиг хайль!"; в других – одетые в свою униформу, с повязками на рукавах, врывались в молодежные кафе и дискотеки, скандируя те же лозунги; в третьих – это были ночные демонстрации. Во многих случаях фашисты затевали драки, иногда избивали и ветеранов войны, носящих орденские планки. Пускались в ход не только кулаки, но и кастеты. Участники этих акций – главным образом студенческая и рабочая молодежь, старшеклассники, учащиеся профессионально-технических училищ.

Таковы факты. Далее начинается область многочисленных слухов и мифов. Например, в некоторых сообщениях число участников этих выступлений вырастает до сотен и даже тысяч. Говорят о многочисленных арестах. О том, что при обысках было найдено холодное и огнестрельное оружие, картотеки членов организаций, уставы, строго регламентирующие деятельность членов (ежемесячные взносы в размере 5 рублей, различные формы наказания "отступников" – в том числе и смертная казнь...). О том, что "нити" от этих организаций "тянутся на Запад", и т. д. и т. п.

Каковы бы ни были реальные масштабы фашистских выступлений, совершенно очевидно, что налицо не "отдельные факты", и даже не просто новая форма молодежной субкультуры, а вполне устойчивая тенденция развития советского общества в 80-е годы. Несомненно, что эта тенденция имеет объективный характер, сложилась под влиянием реальных факторов современной общественной жизни в стране.

Чем живет нынешняя молодежь в СССР? Точнее говоря, чем ей жить? Коммунистические идеалы революционной эпохи потускнели, оказались дискредитированными практикой "реального социализма". Энтузиазм 20-х годов почти иссяк – да и чем ему питаться? На одном социальном полюсе – "рыбное дело", закончившееся расстрелом заместителя министра; "бриллиантовое

Публикуется с небольшой стилистической правкой.

дело", в котором оказалось замешанным ближайшее окружение и семья Генерального секретаря ЦК КПСС; целая серия уголовных и полууголовных дел, начавшаяся после смерти генсека: тут и органы МВД, и спорткомитет, и сфера культуры – коррупция в государственном, хозяйственном и партийном аппаратах достигла ужасающих масштабов; дети и внуки, зятья и невестки партийных руководителей заполняют аудитории элитных вузов, веселятся на закрытых дачах, пользуются спецмагазинами, разъезжают на собственных машинах невиданных марок, стремительно делают профессиональную карьеру, медленно, но уверенно заполняя структуру власти, освобождаемую их отцами. На другом социальном полюсе – "глухие стены" многих вузов и факультетов, десятки тысяч столбов с пожелтевшими объявлениями "молодая семья снимет комнату", каждодневная давка в общественном транспорте, скандалы в очередях, в продовольственных магазинах, инфляция, отсутствие серьезных перспектив на работе – словом, бесконечная, изнуряющая битва за жизнь. Где авторитеты, на которые ориентироваться современной молодежи? Не там, в туманном далеке, а в сегодняшнем дне, рядом? Полгода не прошло после смерти генсека – и где же он? Он, в сиянии (или в тени) которого они родились и воспитывались? Из лозунгов, передач, газетных статей, из выступлений лекторов и пропагандистов – он исчез, растаял как дым. Да что говорить о мертвых! Вот, например, секретарь и член Политбюро ЦК КПСС К.У. Черненко – сегодня он еще делает установочный доклад на Пленуме, а в кулуарах некоторых учреждений уже "мягко советуют" его не цитировать.[1] Чем же жить молодежи, во что верить? В чем и как себя найти, реализовать? Как выразить свой протест против тотального лицемерия?

И вот повсеместно, как грибы, возникают полуорганизации, полубанды "фэнов", объединяющие болельщиков футбольных команд. Ныне это уже не просто клубы любителей, а сильное и сплоченное движение. Содержание их деятельности вроде бы вполне невинное: "боление" за свою команду. Они занимаются изготовлением транспарантов, футболок, значков со спортивными лозунгами, часто пишут эти лозунги несмываемой краской там, где их трудно стереть: на верхних этажах жилых и официальных зданий, на памятниках и т.д. Организации "фэнов" существуют во многих крупных городах страны: в Москве, Ленинграде, Риге, Таллине, Вильнюсе, Минске, Киеве, Тбилиси и др. Они не только полны энтузиазма и решимости отстаивать честь и славу любимой команды (по авторитетному мнению сотрудников МВД успокоить их во время матча труднее и опаснее, чем задержать вооруженного рецидивиста), но и хорошо организованы: каждый член организации ежемесячно платит взносы в размере 5 рублей, имеется руководство, которое подразделяется на несколько отделов (организационный, финансовый, хозяйственный и пр.), наиболее активных, отличившихся "фэнов" посылают в "командировки" в другие города для "боления" там, для установления связей, при этом их снабжают средствами и адресами "коллег". Принцип набора в организацию обычно прост: ты должен свято верить и активно болеть за свою команду, беспрекословно выполнять распоряжения руководителя, вербовать в организацию своих друзей. Как правило, политических лозунгов, требований, программ "фэны" не выдвигают.

Существуют и некоторые другие, не столь многочисленные молодежные группы (например, "панки"), возникновение и деятельность которых стали своеобразной реакцией советской молодежи на социально-экономическую, идейно-политическую и морально-психологическую ситуацию, сложившуюся в стране.

Однако возникновение и деятельность фашистских групп и организаций вряд ли можно объяснить действием перечисленных объективных факторов.

Спонтанный протест молодежи в СССР за последние четверть века принимал разные формы, но реакция властей, как правило, была вполне однозначной. Протестовал молодой рабочий Анатолий Марченко тем, что пытался бежать из страны (бежал не с секретными документами и не для того, чтобы "бороться с Советской властью", бежал – чтобы жить в другой стране) – он получил как "изменник Родины" 6 лет лагерей строго режима. Протестовал студент Владимир Буковский чтением стихов у памятника Маяковскому – попал в психбольницу. Протестовал Эдуард Кузнецов тем, что пытался бежать с друзьями в Израиль, захватив самолет, – получил по приговору расстрел, заме-

---

1 Нынешний Генеральный секретарь ЦК КПСС К.Черненко считался соперником покойного Юрия Андропова в борьбе за власть после смерти Брежнева. (Прим. редакции).

ненный затем 15-ю годами лагеря особого режима. Протестовал молодой инженер Анатолий Щаранский тем, что пытался содействовать выполнению Советским Союзом Хельсинкских соглашений, – получил 13 лет. Протестовал молодой рабочий Михаил Кукобака тем, что приносил в цех и давал читать Декларацию прав человека (!), – и попал в психбольницу. Здесь можно было бы перечислить сотни имен молодых людей различных профессий, разной национальности и социального положения, боровшихся за свободу слова, совести, эмиграции, собраний, забастовок, протестовавших против произвола, лицемерия и коррупции. С ними не только расправились, подчас бессудно, – о большинстве из них никто и не знает.

Но вот появляются на улице молодые люди в черных куртках, скандируют "Хайль Гитлер!", затевают драки, избивают ветеранов войны – что же? В большинстве случаев все наказание сводится к воспитательной беседе, к демонстрации "в воспитательных целях" кинохроники, обличающей фашизм и неофашизм. И лишь изредка дело кончается небольшим сроком заключения по уголовной статье (как правило, "хулиганство"). Почти все кадры этих юных фашистов хорошо известны милиции и КГБ. В чем же дело? Или не было тяжелейшей четырехлетней войны, унесшей 20 миллионов жизней?

Дело – в политической, идейной направленности этих выступлений, этого нового, нарождающегося молодежного движения. Их кредо – сильная власть, железная дисциплина, могучая держава, очищенная от евреев, "гнилых интеллигентов" и вообще всех нытиков, пацифистов и предателей. Они приветствуют создание антисионистских комитетов, введение военного положения в Польше, вторжение в Афганистан.

Дело – в действии субъективного фактора.

В свое время В.И.Ленин, говоря о международном значении Октябрьской революции, отмечал, что "русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего" (ПСС, т. 44 стр. 5). Сегодня, по-видимому, это же можно сказать и об опыте китайской "культурной революции". Напомним, что когда в 60-х годах в Китае толпы разъяренных хунвэйбинов громили не только национальную культуру, интеллигенцию, но и партийные комитеты ("Огонь по штабам!"), – многие комментаторы и аналитики заговорили об "антикоммунистическом перевороте", о том, что хунвэйбины подменили партию и захватили власть в стране. Однако прошло немного времени, и движение хунвэйбинов было безжалостно раздавлено армией. Они выполнили свою главную задачу: уничтожили все и всех, кто мог бы в настоящем или будущем противостоять курсу партии нового типа во главе с Мао Цзэдуном. Использование специально идеологически обработанных толп молодежи для создания в стране кризиса, уничтожения реальных и потенциальных политических противников, запугивания и деморализации всего населения – было выдающимся вкладом Мао в "сокровищницу марксистско-ленинской мысли и практику социалистического строительства". Тонкость такого решения проблемы заключается в том, что используемые штурмовые отряды молодежи вовсе не обязательно должны разделять и представлять позиции их тайного вдохновителя: при этом возможны значительные отклонения как вправо, так и влево. Такие отклонения даже желательны: впоследствии тайный вдохновитель, выйдя из тени и уничтожив сделавших свое дело молодых штурмовиков, предстанет хранителем веры и спасителем нации.

На наш взгляд, есть основания предполагать, что нынешнее политическое руководство СССР не прочь использовать "кое-что, и весьма существенное", из криминально-политического наследия Великого Кормчего.

Хотя истинные вдохновители начинающегося фашистского движения в СССР предпочитают оставаться в тени, нет-нет, да и проскользнет лучик, освещающий скрытые механизмы режима партократии. Так, например, в свое время в комсомольском аппарате полулегально распространялся документ под названием "Устав нравов", составленный работником отдела агитации московского горкома комсомола В.Скурлатовым и размноженный на ротаторе горкома. "Устав" призывал комсомольских воспитателей "настраивать молодежь на перманентную смертельную борьбу не только на сегодня и завтра, но и на послезавтра... На первое место необходимо поставить революционное преобразование и суровое поддержание своего народа, а затем расширение и преобразование жизненного пространства... Для страховки нравственной чистоты народа следует продумать поощрение различным видам кастования, стратификации... С ранних лет не няньчить моло-

дежь! Ввести телесное наказание. Розга – лучший учитель. Удар по телу – закал духа... Поголовное истребление чужеродного начала – залог достижения благородного конца... Нет более подлого занятия, чем быть "мыслигелем", "интеллигентом", "премудрым пискарем", и нет более благородного дела, чем быть солдатом. Интеллигент – раб мертвого разума, а солдат – господин жизни... Судьба человека равна его силе и его породе; кто рожден рабом – тот всю жизнь останется рабом и побежденным, а кто рожден господином, тот и в смерти будет победителем. И чтобы народу не выродиться, чтобы не стать рабами и роботами, надо возродить и утвердить навеки здоровый и ведущий к истинному бессмертию культ – культ солдата"[1] Сочинение Скурлатова появилось в 1965 г. Но и сегодня в среде партийных, государственных и комсомольских деятелей часто распространяются отпечатанные на множительных аппаратах всевозможные "размышления", "обращения" , "мемуары" – неофициальные по форме, но откровенно апологетические и одновременно угрожающие по содержанию. Чрезвычайно модным становится восхищаться твердостью лидеров Третьего рейха – Гитлера, а еще больше Гиммлера и Бормана, структурой и методами работы аппарата НСДАП, РСХА, Министерства пропаганды. Книги о Третьем рейхе становятся самыми популярными, особенно среди молодых функционеров. Разумеется, эти разговоры ведутся лишь в узком кругу, среди "своих". Причем делается вид, что подобные разговоры, восторги и самый интерес к "теме" опасны, могут привести к неприятностям.

Фашизация мировоззрения функционеров аппарата власти, несомненно, находит выход в деятельности карательных органов, и прежде всего КГБ. Впрочем, тут трудно отделить одно от другого, сказать вполне определенно, кто на кого влияет. КГБ ли на партгосаппарат, подкидывая полулегально всякого рода "материалы", или вполне легально через "литературу", вроде недавно вышедшей третьим изданием книги Н.Яковлева "ЦРУ против СССР"; или партгосаппарат на КГБ – постоянным увеличением окладов и привилегий работникам госбезопасности, расширением прерогатив и штатов КГБ и МВД (недавнее решение Политбюро о введении политотделов в системе МВД преследует, по сути дела, две цели: расширение штатов и выведение деятельности органов МВД из-под контроля местного партаппарата). Наивысшим и наиболее полным выражением этого процесса явилось "избрание" нового генсека-президента. Сегодня мы еще не знаем, насколько глубоко проникли эти настроения и взгляды в первый эшелон власти в стране, однако напомним, что, к примеру, секретарь ЦК КПСС К.В.Русаков в докладе на идеологической конференции в Таллине, говоря о различных "отклонениях" в идейно-политическом развитии советской молодежи, прежде всего обратил внимание на движения панков и пацифистов (а не фашистов); член Политбюро К.У.Черненко на Пленуме ЦК КПСС в июне 1983 г., говоря о серьезных недостатках идейно-воспитательной работы среди молодежи, выразил "серьезную озабоченность" не выступлениями фашистов, не полулегальным распространением охранительной и откровенно черносотенной литературы, вроде упомянутого "Устава нравов", а тем, что "на экране или под пером некоторых авторов на первый план выступают порой лишь неудавшиеся судьбы, жизненные неурядицы, этакие развинченные, ноющие персонажи. А человек, особенно молодой, нуждается в идеале, воплощающем... идейную убежденность, трудолюбие и мужество".

Достаточно определенно можно сказать одно: зарождающееся и набирающее силу фашистское, праворадикальное движение среди различных слоев советской молодежи, при том, что оно содержит элементы спонтанного протеста, оказывается наруку определенным группам политического руководства в СССР, и если прямо не инспирируется ими, то скрыто поддерживается в расчете на возможное использование этого движения для достижения определенных стратегических целей.

Подобный расчет, по-видимому, вызван существенными изменениями общей идейно-политической ситуации в мире, происшедшими в течение последнего десятилетия. Суть этих изменений заключается в том, что коммунистические идеалы, дискредитированные практикой "реального социализма" – прежде всего в СССР, – перестают быть движущей силой социального и политического прогресса. От социалистической альтернативы – в том виде, в каком ее реализует и пропагандирует СССР, – начинают отказываться и развивающиеся страны. Президент Египта А.Садат осенью 1975 года разрывает Договор о дружбе и сотрудничестве с СССР и меняет курс развития страны. Четвертый год с оружием в руках сопротивляются "новой жизни" афганские крестьяне.

---

1 "Устав нравов" опубликован в журнале "СССР: Внутренние противоречия" № 6 (1982). (Прим.редакции)

Португальский народ, опьяненный воздухом свободы апрельской революции, все же не поддержал попытку леворадикального переворота, предпринятую офицерами КОПКОН на базе парашютистов в Танкуше (так ли уж далеко была от него компартия, как это утверждалось в заявлении Политкомиссии ЦК компартии Португалии по поводу "Предварительного доклада комиссии по расследованию событий 25 ноября"?). Французское социалистическое правительство – с участием коммунистов! – проводит внешнюю и внутреннюю политику, вызывающую нескрываемое раздражение советского руководства (первые три дня после победы Ф.Миттерана советские средства массовой информации выжидали: не ясно было, как реагировать. А вдруг новая социалистическая альтернатива? Уж лучше бы хунта – с ней все ясно и даже удобно.) В самом международном коммунистическом движении возникла новая центробежная сила – еврокоммунизм. Поиски нового пути не прекращаются и в социалистических странах: самый яркий пример – движение Солидарности в Польше. Наконец, ведущие политические силы на Западе стали понимать "кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего" (на это понадобилось 66 лет!) и предпринимают меры предосторожности – об этом говорят такие факты, как победа Рейгана в США, Тэтчер в Англии, Коля в ФРГ, Вильямсбергская Декларация, "Проект Демократия", создание Демократического альянса и др.

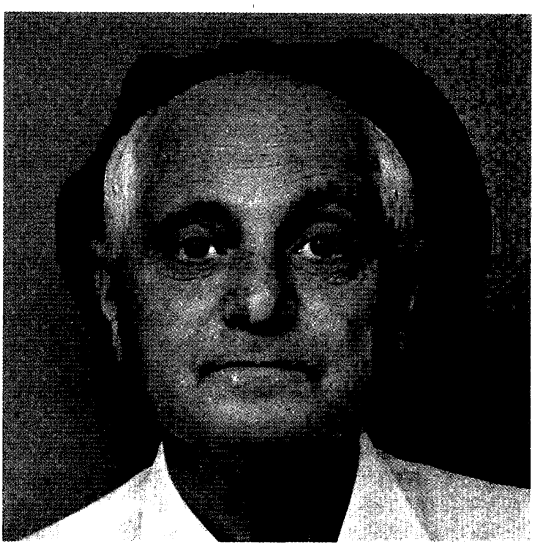
Все это затрудняет или даже делает невозможным для советского руководства реализацию своих стратегических целей – прежде всего укрепление и распространение режима партократии – путем использования внешних факторов. Поэтому ставка все более делается на факторы внутренние: "укрепление дисциплины", ожесточение режима экономии, расширение прерогатив и штатов карательных органов. Особая роль, по-видимому, отводится опыту китайской "культурной революции", ее главным исполнителям – штурмовым отрядам "патриотической" молодежи.

Пока фашистов у нас немного. Пока "дяди"- милиционеры равнодушно наблюдают за эпизодическими выступлениями фашиствующих юнцов, аккуратно доставляя "буянов" в отделения и проводя с ними воспитательные беседы. Пока функционеры аппарата власти понижают голос, обсуждая "мужественное выступление" Геринга на Нюрнбергском процессе. Пока рядовой советский человек отмахивается от тревожных мыслей: "Да полно, возможны ли настоящие фашисты в СССР? Перебесятся юнцы, вся эта дурь из головы и выйдет". Пока официальная пропаганда многоголосо трубит: "сокращение", "замораживание", "переговоры"... А тем временем "серая" пропаганда настойчиво стращает обывателя "расправой проникших на все уровни власти сионистов", "возвратом к еврейско-плутократической демократии", одновременно призывая "настраивать молодежь на перманентную смертельную борьбу не только на сегодня и завтра, но и на послезавтра".

Нет сомений в том, что ни советский народ, ни народы других социалистических стран, развивающихся стран и стран Запада не хотят новой войны – ни ядерной, ни обычной, ни мировой, ни локальной. Но хватит ли для этого наших полумер, полушагов, полунадежд?

За полгода до прихода к власти Гитлер отверг предложение политических лидеров Германии занять пост вице-канцлера, заявив: "Все – или ничего!" И вскоре он получил все... ●

Август 1983 г.



Тирания властвует благодаря страху. По крайней мере в начале страх обеспечивает успех. Чтобы его закрепить, нужно этот страх не ослаблять, а усиливать. Начав со страха, власть не может в дальнейшем пренебрегать им, не то она рухнет. Страх не терпит никаких компромиссов. Тираны, которые это не учли, сошли со сцены раньше, чем если бы у них хватило выдержки не итти ни на какие уступки.

Дурной воспитатель знает, что можно привязать к себе детей, внушив им страх. Страх, таким образом, не отталкивает, а привлекает. Но тут происходит то же, что с наркотическим ядом: надо все время повышать дозу, чтобы добиться желаемого действия.

Тиран превосходно подготовлен к тому, чтобы господствовать с помощью страха. Ему нравится страх. Он чуть ли не сам готов дрожать вместе со своими рабами, в ту самую минуту, когда он мечет молнии. Раздавлю всех! Великий, сладостный миг его жизни. Ни один враг не должен уцелеть. Однако враги все еще существуют. Сколько их ни уничтожай, всегда оказывается, что уничтожено мало. Отцы, сыновья, братья разгромленных врагов, разные друзья и приятели — разве они не опасны? А если и их уничтожить, останутся их собственные сыновья, братья, друзья. За каждой шеренгой расстрелянных встает новая шеренга, поднимается новый строй врагов, которых нельзя оставить в живых, если хочешь жить и властвовать над другими.

Тирания жмет, требует, запрещает. Что же она, собственно, запрещает? Дела, поступки. Но достаточно ли просто запретить поступки? Ждать, пока что-то произойдет, пока поступки будут совершены, мнения — высказаны вслух, и потом уже наказывать? Нет, это значило бы утратить бдительность. Нужно объявить вне закона слова, которыми друзья обмениваются между собой, нет, и этого мало — нужно запретить мысль, пусть даже неизреченную.

М.Шпербер, Анализ тирании

Манес ШПЕРБЕР

ВЕЛИКАЯ И БЕСПОМОЩНАЯ ЕВРОПА

"Как-то раз – это было уже в Берлине – я проснулся на исходе ночи в слезах. Такое случалось со мной только в детстве... Но теперь я был взрослым, уверенным в себе мужчиной. Я пытался вспомнить, что же такое мне приснилось. Во сне я снова был в Советском Союзе, в каком-то городе, не очень большом. Люди бежали по улицам, готовилось что-то страшное – а может быть, уже произошло. Меня торопила незнакомая женщина: надо спасаться, а то будет поздно. В чем дело? – спросил я. Она ответила, что в городе погром. Я возразил ей, что нас не дадут в обиду, – и указал на комсомольский отряд, шагавший по улице. Тогда она сорвала с головы платок и крикнула: „Сумасшедший! Ведь это и есть погромщики!" И я пробудился".

Это отрывок из воспоминаний М.Шпербера, озаглавленных „Тщетное предостережение". Умерший в феврале 1984 года в Париже романист, эссеист и публицист Манес Шпербер был одним из самых известных писателей нашего времени. Он родился в 1905 г. в городке Заболотове, в Австро-Венгрии (ныне – Ивано-Франковская обл. УССР), в юности активно участвовал в рабочем движении, был членом австрийской, а затем германской компартии; был также учеником и сотрудником основоположника "индивидуальной психологии" Альфреда Адлера и пытался соединить научную психологию с марксизмом. В начале тридцатых годов он посетил СССР, где встречался с Н. И. Бухариным. После нацистского переворота был арестован как участник одной из последних коммунистических манифестаций, по случаю дня рождения Гитлера выпущен; эмигрировал в Югославию, а оттуда в Париж. Дальнейшая жизнь Шпербера была, по его словам, "поиском холмов за холмами" и постепенным пробуждением от сна, в котором он все еще принимал погромщиков за гонцов счастливого будущего. Шпербер писал по-немецки и по-французски. Выпустил, кроме двух томов воспоминаний ("Водоносы господа Бога", 1974, и "Тщетное предостережение", 1975), сборники эссе "Анализ тирании" (1938), "Ахиллесова пята" (1957), "Чурбан, или Непостижимая очевидность" (1979), роман-трилогию "Как слеза в океане" (1949–1953). На русский язык произведения Шпербера не переводились.

Речь, которую мы публикуем, была написана по случаю присуждения М.Шперберу Премии мира Немецкого объединения книготорговли осенью 1983 г. Это лебединая песня писателя. Речь вызвала шумные дебаты, во время которых левоориентированное руководство Союза писателей Федеративной республики потребовало отмены решения жюри.

Я второй лауреат Франкфуртской премии, который остался – в силу "избирательного сродства", и просто потому, что таково мое происхождение, – евреем из Восточной Европы и вместе с тем с болезненной нерасторжимостью приковал себя и свое творчество к немецкой культуре. Мой предшественник, скончавшийся восемь лет назад знаток хасидизма, немецкий писатель и университетский профессор в Израиле Мартин Бубер, говорил 27 сентября 1953 года в речи, которая называлась „Разговор начистоту о возможности мира", – я цитирую главное: "Немало немецких граждан, повинуясь приказу имперского правительства, планомерно и целенаправленно истребили несколько миллионов евреев. Они, эти убийцы, отлучили себя от всего человеческого настолько, что я даже не испытываю к ним ненависти. И кто я такой, чтобы посметь говорить здесь о прощении!"

Сам я, между прочим, отвечая в 1963 году на анкету Германа Кестена, писал следующее: „Весной сорок третьего года мне пришлось услышать от очевидца, что произошло в Польше. Молодой человек рассказал мне все, что он видел в нескольких еврейских городах Польши и пережил в Треблинке. И мне стало ясно, что больше никогда Германия не сможет быть для меня тем, чем она была прежде, в первые 37 лет моей жизни". Но и тогда, в ту страшную минуту, я не жаждал расплаты. Я не питал ненависти к народу, чьи правители – между прочим, пришедшие к власти в результате свободных выборов – подвергли унижению, а затем попросту приказали уничтожить ни в чем не повинных детей, женщин и мужчин моего народа.

Ни ненависти, ни жажды отмщения. Что же тогда разлучает меня с Германией?

"Скорбь – такая бездонная, что жизни целого поколения не хватит, чтобы вычерпать ее до конца. И глубоко засевшее в душу сознание того, что должны будут смениться несколько поколений, прежде чем евреи моего склада смогут снова – если смогут – считать себя немцами."

Если бы я сейчас не напомнил вам обо всем этом, я оказался бы субъективно и объективно в ложном положении. В память об униженных и уничтоженных, как их оставшийся в живых безутешный представитель, я до конца моей жизни буду чувствовать, что я обязан напоминать себе и другим об этом незаживающем прошлом, об этой непостижимой очевидности.

Когда в первые месяцы 1915 года, во время наступления русских, мы бежали во второй раз и вернулись в наш городок на реке Прут, с нами был учитель, выписанный из Вены: надо было как можно скорей наверстать упущенное время. По утрам он готовил меня к поступлению в венскую, то бишь немецкоязычную гимназию, а вторая половина дня была посвящена религии предков. В ранние послеполуденные часы я должен был зубрить отрывки из Торы, остальное время – переводить пророков на идиш и на немецкий. Сначала Исайя, чья беспощадно требовательная и вместе с тем полная надежды исповедь и сегодня будоражит меня, неверующего; потом Иеремия, страдалец о собственном народе, Иеремия, от которого я узнал, что любовь – неиссякаемый источник горя. "Шалом, шалом, ве-эйн шалом... Мир! Мир! – а мира нет..." С той первой военной зимы эта жалоба, словно тоскливый припев, провожает меня всю жизнь,– вечная песня, которая звучит вот уже два с половиной тысячелетия и на которую никто не обращает внимания.

Тот, кто пережил эту войну, находясь в стане Центральных держав, никогда не забудет тоску по миру, которая овладела всеми нами – и теми, кто был в тылу, и солдатами в окопах. Она тиранила всех, она превратилась в неутолимое вожделение. И когда к концу второго года войны мы, наконец, нашли укрытие в императорской столице, тоска по миру широко разлилась по всей стране. Только восстановление мира могло решить проблемы, которые усложнялись с каждым днем. В одиннадцать лет я был ярым пацифистом: бегал на запрещенные собрания, распевал мятежные песни и вместе с демонстрантами, надсаживая глотку, выкрикивал: "Nie wieder Krieg! Больше не будет войны!" Слова эти остались нашим девизом.

Я пустился в личные воспоминания, ибо предвижу, что кое-что из того, что я скажу дальше, вызовет сомнения в моем пацифизме. Вместо того, чтобы и дальше прославлять мир, я уже много лет задаю себе вопрос: почему, несмотря на весь наш тогдашний опыт, через каких-нибудь двадцать лет после Первой Мировой войны началась вторая – и опять на нашем континенте, война, которая в конце концов вовлекла в свою орбиту весь мир? Да, я еще ребенком научился ненавидеть войну, я никогда не переставал ее ненавидеть; но именно потому, что я помню те времена и могу сравнить их с нынешними, именно поэтому, когда я слышу до предела агрессивные заявления сегодняшних пацифистов, – я не могу к ним присоединиться.

Высокочтимые слушатели, я буду сейчас говорить не о мире, а о войне. Мы все согласны в одном: хорошей войны не бывает. Но мир может быть хорошим, а может быть плохим, и даже чаще бывает плохим; это тот самый мир, который принято сейчас называть холодной войной. Иммануил Кант, наш общий учитель, в статье "О вечном мире", в 1795 году выдвинул следующий постулат: "Нельзя договариваться о мире с тем, кто втайне готовится к будущей новой войне". И правда, дурной мир – это отец новой войны. Однако везде, где люди веруют в Бога Библии, существует понятие о вечном мире – мире, о котором вещал Исайя как о состоянии, которое наступит "в исходе дней". И ни прежде, ни потом – то есть вот уже 2500 лет – ни единого года не прошло на земле без войны. Существовали лишь перемирия; они-то, собственно, и назывались миром. Нет мира! – восклицает Иеремия, и он прав. Значит ли это, что война – нормальная, периодически возобновляемая форма отношений между народами? Кто ответит на этот вопрос?

Будем говорить начистоту: я решительно против всякой войны, какая бы вера ни вдохновляла зачинщика войны, на какую бы идеологию он ни ссылался. Сколь бы ни был чреват конфликтами мир, наступивший после Второй Мировой войны, нужно отмести любые попытки изменить сложившиеся отношения путем новой войны. Мы, однако, знаем, что это за отношения. Они возникли из-за того, что свободные государства были вынуждены вступить в союз с тоталитарной державой, которую бросила в их лагерь безумная агрессия Гитлера. С тех пор Европе пришлось изрядно потесниться. Польша, в культурном отношении западная страна, уже не является европейской. Чехословакия, которая некогда была одной из самых передовых демократий Центральной Европы, тоже перестала быть ею. Венгрия, Румыния, Болгария – все это больше не Европа, все они утратили свою национальную независимость.

В отличие от моего старого друга Реймона Арона, неутомимого искателя истины, философа, социолога, политического мыслителя, который несколько лет назад опубликовал монументальный труд о войне и мире и немного позже – двухтомное исследование о Клаузевице, я сейчас говорю о войне лишь как внимательный современник, как исследователь индивидуальной и социальной психологии, которому много лет не дает покоя вопрос, почему его сверстники так легко примирились со второй всемирной войной, – словно первая их ничему не научила. Вопрос этот тянет за собой более общую проблему отношения человека к войне. И вот я ищу решение у еврейских пророков, у драматических поэтов древности, у античных историков, у христианских авторов и у современных исследователей социологии войны. За несколько тысячелетий накопилась уйма ответов. Но нет ответа, который дал бы нам подлинное понимание сути дела, и то, что я могу добавить здесь как психолог, конечно, никоим образом этой сути не исчерпывает.

Одна мысль преследует меня вот уже многие годы: речь идет об отношении человека к порабощающей его повседневности, которую он воспринимает как посягательство на самое ядро своей личности и сознательно или бессознательно стремится спастить от нее. Да, тысячелетиями люди самых разных общественных слоев ищут способов так или иначе избавиться от рутины повседневного существования, бежать от нее – все равно куда. Разумеется, можно найти прибежище в интимных переживаниях, в любви, в дружбе; можно обрести желанное разнообразие в личных конфликтах. Но полностью отменить постылый быт, перевернуть жизнь до основания и опрокинуть все, что делает ее невыносимо скучной, способно лишь Великое Приключение: пожар, наводнение, землетрясение – и, конечно, творимая самим человеком под предлогом чего угодно, религии, идеологии, национальных или классовых интересов, превосходящая все стихийные бедствия катастрофа – Война. В первые дни войны в странах, где она разразилась, господствует настроение, которое невозможно описать, – смесь эйфории и животного стыда, чувство личного раскрепощения и всеобщего рабства. Нет, уважаемые слушатели, я вовсе не считаю, что эта примечательная психологическая реакция на приход войны, как и многочисленные побочные явления, которыми сопровождается продолжительная война, – могут породить восхищение войной. Но факт остается фактом: здравый смысл, отвращение к войне далеко не всегда одерживают верх; напротив, царит радостное упоение войной, которое невозможно объяснить лишь одними политическими, религиозными или социальными мотивами.

О необычайно интенсивном, почти совращающем чувстве фронтового братства проникновенно рассказывают известные писатели – участники Первой Мировой войны: Эрнст Юнгер, Эрих Мария Ремарк, Людвиг Ренн и многие другие. У вдумчивого читателя должно было возникнуть впечатление, что сам он, не побывавший на фронте, никогда не поймет, в чем тут дело. Все мы знаем, что существуют переживания, о которых вроде бы все известно, но которые по-настоящему может понять только тот, кто сам их изведал. Материнство, отцовство, одиночное заключение, изгнание – все это надо пережить самому. Картина войны остается плоскостной для человека, который на ней не был; о многом из того, что глубоко вонзилось в душу пережившего войну солдата, он даже не догадывается. В том числе и о том удивительном ощущении, которое можно сравнить с чувством восставшего из гроба Лазаря, – не зря вторая жизнь Лазаря вдохновила иных поэтов.

Многим из вас нетрудно вспомнить о том, как приходилось спасаться от воздушных бомбардировок, помните, как вы вылезали из бомбоубежища на Божий свет, какое странное возбуждение охватывало вас посреди развалин, подъем, который заставлял вас отворачиваться от ужасов, давал вам мужество жить и внушал поистине опьяняющее чувство триумфа, наподобие того, какое испытывает игрок, когда после бесконечных проигрышей он вдруг на рассвете выигрывает такую сумму, о которой и мечтать не смел.

Какая же мораль следует из всего этого? Уважаемые дамы и господа, я уже сознался вам, что никакой теории происхождения войны у меня нет и я не в состоянии объяснить, почему люди с незапамятных времен, говоря словами Шиллера "дают вести себя на бойню". И все же я не могу заставить себя перестать думать об этом, не могу отказаться от попыток разрешить загадку человеческой судьбы, скрытую за непонятным, необъяснимым и полным противоречий человеческим поведением.

В статье Канта, которую я цитировал, содержится и второе определяющее правило: "Право народов должно быть основано на содружестве свободных государств". Этот тезис прямо относится к нам: теперь, когда война за господство в Европе потеряла всякий смысл, когда любая европейская война вообще может стать для всех лишь истребительной гражданской войной и более ничем, – федерация свободных народов Европы даже скептику и пессимисту должна казаться столь же возможной, сколь и желательной. Да, война стала такой бессмыслицей, какой она никогда еще не была. Первая Мировая война выглядит сейчас как самая безумная авантюра человечества. Об этом свидетельствует не только ее фактический ход и то колоссальное кровопускание, каким она сделалась для европейских наций – и победителей, и побежденных, – но и хаос, оставшийся после нее. И все-таки, все-таки! Все ли воспринимают войну как полный абсурд? Участники движения за мир обычно мало говорят о переживании войны, но все время твердят об ее разрушительном безумии, об апокалипсисе, которому нет конца, об ужасах атомного оружия. Кто же сомневается в том, что ядерная бомба представляет собой самое чудовищное из всего, что когда-либо было придумано человеком для уничтожения людей и их жилищ? Неудивительно, что можно увлечь огромное множество людей, мужчин и женщин, подписывать протесты против атомного оружия, участвовать в демонстрациях, предупреждать сограждан об опасности атомной катастрофы и противиться производству и размещению ракет.

Дамы и господа, пацифизм в Европе отнюдь не новое явление. Еще в прошлом столетии происходили международные антивоенные конгрессы, в которых участвовали выдающиеся люди эпохи – назову хотя бы Виктора Гюго. Пацифистские идеи играли большую роль в рабочем движении всех стран, и марксистском, и анархистском. Не следует забывать, что Второй Интернационал – признанный руководитель международного социалистического движения – был политическим вождем профсоюзов и значительной части потребительских кооперации. И до последней минуты рабочие партии протестовали против военной политики своих и чужих стран. Огромные толпы демонстрировали в европейских столицах против войны. А через несколько дней, на тех

же самых улицах, мужчины и женщины маршировали, громко заявляя о своих патриотических чувствах, и с восторгом приветствовали солдат, уходящих на фронт.

Однако, как я уже говорил, речь идет не только об истребительной силе оружия — всякая война представляет собой узаконенное, более того, совершаемое по приказу убийство ни в чем не повинных людей, каким бы способом их ни убивали: кремневыми ружьями или самозарядными винтовками, из артиллерийских орудий или с самолетов, с помощью отравляющих газов или с применением атомного оружия. Речь идет о том, чтобы неотступно задавать себе и другим вопрос: почему, зачем возникает война? Почему она вдруг начинает казаться необходимой даже тем, кто многие годы перед войной не уставал бороться с войной, предостерегал от войны как от самого страшного несчастья? Ну так вот: тот, кто вместо того, чтобы задуматься об источнике и причинах военной опасности, всю силу и страстность своего протеста направляет только на оружие, хотя бы и самое смертоносное, — тот отказывается, сознательно или бессознательно, от поисков подлинного очага войны и становится жертвой широко распространенного заблуждения: смешивает средства с целью.

Повторяю, я против войны. Безо всяких оговорок. Но я знаю, я знал это еще в годы Третьей империи: тоталитарный режим убежден, что ему грозит опасность, до той самой поры, пока он не распространит свою неограниченную власть сначала над ближайшими соседями, потом над соседями соседей, а в один прекрасный день и над всей планетой. Всякий раз, когда мы предупреждали против уступок непрерывно растущему аппетиту Гитлера и напоминали, что наша капитуляция в конце концов сделает войну неизбежной, — Геббельс и его крысы поносили людей, подобных мне, как поджигателей войны. И вот теперь мы уже несколько десятилетий живем в страхе перед псевдоидеологическими угнетателями. А ведь следовало бы знать, что требования угнетателей растут и угрозы наглеют тем больше, чем чаще и больше им уступают. Дамы и господа, мы находимся с вами в самом сердце континента, чьи внутренние раздоры на протяжении 25 лет стали причиной двух мировых войн. Как и для многих из тех, кто начиная с 1951 года удостоился этой премии, для меня самое главное — вот эта наша часть земли, этот континент, который больше, чем в географическом смысле, является нашей родиной. Если сама она перестала кому-либо угрожать, то ей зато угрожают больше, чем когда-либо. Да, эта старая Европа заслужила лучшей участи, чем рухнуть в тартарары. Она больше не владычица морей и колоний, и ее не соблазняют территориальные завоевания; в прошлом самая воинственная часть земли, она стала примером, образцом мирного государственного устройства. Но остается факт, значение которого невозможно переоценить: Европа делит огромный континент с тоталитарной империей, чьи властители считают, что их власть находится под угрозой, пока они не распространили ее до берегов Антлантики, а если удастся — и над всей землей.

В самой сущности тоталитаризма заложено стремление подчинить себе весь мир. Делается это не просто, а в "идеологическом" платьице, в соблазнительных оборочках, которые хотя и утратили с годами свою привлекательность, но зато весьма эффективно подкрепляются недвусмысленными угрозами пустить в ход ядерное оружие. Что это действительно так, доказывают, сами того не желая, те, кто сегодня идут по улицам европейских столиц, требуя, чтобы Европа отказалась во-время установить у себя средства защиты против шантажа, против атомной угрозы.

Я хочу весьма настойчивым образом напомнить всем вам о том, что долгое время усилия объединить европейские народы в единый союз государств терпели крах из-за того, что по крайней мере два народа боролись друг с другом за господство в Европе, сея раздор по всему континенту. Ныне Франция и Германия твердо знают, что их будущее – не в национальной гегемонии над Европой. Сегодня по обе стороны Рейна убеждены в том, что лишь взаимопонимание всех спасет свободную Европу. Но тот, кто думает или хочет внушить другим, что Европа, открестившаяся от атомного оружия, Европа, готовая капитулировать, сумеет в будущем обеспечить мир, тот заблуждается и водит за нос других. Кто предлагает поднять руки перед грозной империей, превратившей после войны уже несколько европейских государств в своих сателлитов, тот заблуждается и вводит в заблуждение других.

Для европейца моего поколения, да и для тех, кто родился позже, не может быть сомнений в том, что Европа сумеет отстоять себя, а тем самым и свои непреходящие ценности, если она сплотится на федеральных началах. Но этого мало. Европа спасется, если вместо того, чтобы быть яблоком раздора между двумя сверхдержавами, она сама превратится в великую державу, которая не жаждет ни завоеваний, ни мести, но самым решительным образом, своими собственными средствами обороны будет готова отпугнуть тех, кого толкают к захвату Европы внутренняя слабость и гегемонистские вожделения. Подобно многим другим, я всегда был непрочь безжалостно критиковать нашу цивилизацию. Тем категоричнее я настаиваю сегодня на том, что, вопреки всему, Европа способна решать свою судьбу сама – если она не даст соблазнить себя сдаться на милость сильного именно тогда, когда мужество защищать человечность и правду можно сохранить, лишь обретя мужество самоутверждения. И как бы ни развивались в дальнейшем отношения между Америкой и Россией, Европа сумеет выстоять в их конфликте не благодаря своей мазохистской беззащитности, а лишь в том случае, если она сама превратится в сверхдержаву с такой же отпугивающей мощью, какой обладают сейчас оба эти гигантских государства. Это несказанно печально – но неизбежно. Мир, в котором мы живем, не может десятилетиями подвергаться опасности, с трудом удерживаясь от соблазна самоубийства. Мы старые европейцы, и мы боимся войны. Поэтому мы, к сожалению, должны сами стать опасными, чтобы обезопасить мир.

И под конец позвольте мне сделать еще два попутных замечания. Первое касается той враждебности, которую проявляют к Америке многие европейцы, – их агрессивной неблагодарности, которая представляет собой самую низменную форму индивидуального и национального самоутверждения.

Для всех, кто понимает, что европейская культура есть нечто большее, чем совокупность ставших уже почти невыносимыми претензий, кто всеми фибрами своей души привязан к духовным сокровищам Европы, разница между нашим старым континентом и нынешней Америкой, бывшей европейской колонией, остается весьма ощутимой. И дело тут не в оценке, а в самосознании. Ни Россия, ни Америка не были бы тем, чем они стали, если бы многие годы Европа не служила для них образцом, если бы она не стояла у них перед глазами как духовная родина либо как пугающий пример.

Тот, кто сегодня утверждает, будто Европе одинаково угрожают и Соединенные Штаты Америки, и Советский Союз, ослеплен агрессивной неблагодарностью. Однако верно и то, что Европа может доверить свою защиту только собственным силам, а не какой-либо сверхдержаве.

Гельдерлин вкладывает в уста Гипериона следующие слова в его последнем письме к Белармину: "Распри мира – что размолвка любящих. Примирение наступает посреди раздора, и все что разобщено, сходится вновь". Эти слова я произношу в заключение речи, где много говорилось об устрашении и войне. Позвольте мне закончить следующим, отнюдь не модными исповеданием веры.

Я старый революционер. И я остаюсь верен надеждам, которые сам был вынужден похоронить. Да, я верую, как и прежде, что мир может быть изменен и будет улучшен. В противоположность многим моим современникам, я убежден, что лишения, от которых страдает так много людей, и прежде всего в Азии, Африке и Америке, можно преодолеть, а энергия расщепления атомного ядра превратит даже Сахару в цветущий сад. Я верую в весть моих предков о пришествии вечного мира, верю, что мечи могут превратиться в орала. И это не просто надежда верующего или иллюзия идеолога-утописта, – но уверенность оптимиста, пережившего катастрофу, человека, который подобно стольким европейцам прошел сквозь чистилище и поэтому – или несмотря на это – полон решимости ничего не забыть из всего, что ему довелось пережить за долгие годы учения и странствий. Может быть, поэтому вы и присудили мне эту премию. Благодарю вас. Спасибо и вам, мой дорогой Зигфрид Ленц, старый друг. Спасибо за дружбу, которая в отличие от нас самих никогда не стареет. ●

ВЕСТИ ИЗ СССР
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

USSR NEWS BRIEF
HUMAN RIGHTS

Информационный бюллетень о правозащитном движении в Советском Союзе, национальной и религиозной оппозиции, о политических арестах, судах и психиатрических госпитализациях, о положении политзаключенных. Объем одного выпуска 8 страниц. Бюллетень выходит каждые две недели на русском и английском языках.

Ежегодно по материалам, публикуемым в бюллетене "Вести из СССР", издается (на обоих языках) "Список политзаключенных СССР", содержащий биографические данные обо всех поименно известных политических заключенных с их фотографиями и сведениями о местах заключения. Один раз в месяц выпускается "Приложение" к "Списку политзаключенных СССР" с поправками и дополнениями на основе вновь поступающей информации. "Приложение" издается только на русском языке.

Подписка на все три издания производится раздельно, по адресу редакции журнала "Страна и мир" (номера банковского и почтового счетов указаны на второй странице обложки).
Стоимость годовой подписки на "Вести из СССР" 40 нем.марок.
Стоимость "Списка политзаключенных СССР" 30 нем.марок.
Стоимость годовой подписки на "Приложение" 20 нем. марок.
При подписке просьба указывать язык издания.

ВОКРУГ ДОКЛАДА АКАДЕМИКА Т.И.ЗАСЛАВСКОЙ

В апреле 1983 г. в Новосибирске состоялся всесоюзный семинар, организованный Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР. В нем приняли участие 132 ведущих советских специалиста из 26 научных учреждений: социологи, экономисты, философы, юристы, психологи, историки, географы, математики. Семинар был посвящен обсуждению крупного исследовательского проекта, осуществляемого отделом социальных проблем ИЭиОПП, которым руководит академик Т.И.Заславская. Проект называется "Социальный механизм развития экономики".

Центральное место на семинаре занял доклад самой Т.И.Заславской "Проблемы совершенствования социалистических производственных отношений и задачи экономической социологии". Текст этого доклада, без заголовка, без имени автора (оно было позднее "вычислено") и без указания места, где доклад был прочитан, попал на Запад и получил очень широкую известность (на русском языке полный текст доклада опубликован в журнале "Форум", № 5, 1983 г.).

Внимание, которое привлек к себе доклад Т.Заславской, неудивительно. В нем не только подвергнута жесткой критике советская экономическая система. Докладчица указала на то, что недостатки экономики имеют не частный, а общий характер, что "действующая система производственных отношений существенно отстала от уровня производительных сил", что "социальный механизм развития экономики, действующий в настоящее время в СССР, не обеспечивает удовлетворительных результатов". Однако конкретной позитивной программы – как же все-таки поправить положение – Т.Заславская не предложила.

После большого резонанса, который имел доклад Т.Заславской на Западе, сообщение о нем появилось и в Советском Союзе, в журнале АН СССР "Общественные науки", № 6 за 1983 г. Правда, текст доклада не напечатан, дано лишь очень скупое его изложение. Тем не менее ясно, что несмотря на сокрушительность критики, содержащейся в докладе, его автор не только не пострадал, но и не подвергся публичным разносам. Более того, с 1984 г. под редакцией Т.Заславской будет выходить новая серия "Известий Сибирского отделения АН СССР" – "Экономика и прикладная социология". Надо думать, в этом издании будут освещаться и результаты работы над проектом, которым руководит Т.Заславская.

Наконец, 24 февраля с.г. "Правда" опубликовала постановление ЦК КПСС "О повышении роли Института экономики Академии наук СССР в разработке узловых вопросов экономической теории развитого социализма". В этом постановлении, среди множества расплывчатых и противоречивых фраз, обычных для документов такого рода, попадаются непривычные словосочетания; говорится о необходимости "изучения качественных изменений в производительных силах и путей совершенствования социалистических производственных отношений в тесной связи с происходящими в обществе социальными процессами", об "углублении анализа социалистической собственности, отношений производства, распределения, обмена и потребления общественного продукта".

Однако реальную готовность руководителей к переменам не следует преувеличивать. Одновременно с поиском путей к совершенствованию производственных отношений товарищ Черненко призывает "повышать уровень партийного и государственного руководства экономикой" ("Правда" от 25 февраля). Второе пожелание, очевидно, исполнить намного легче.

Доклад академика Т.И.Заславской комментируют в нашем журнале экономист Игорь Бирман и публицист Вадим Белоцерковский.

И.БИРМАН (Вашингтон)

ВЫХОД – КАПИТАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Доклад Татьяны Ивановны Заславской примечателен во многих отношениях и недаром вызвал необычный интерес на Западе – о нем специально писали "Вашингтон Пост" (ее московский корреспондент сообщил о докладе первым), "Нью-Йорк Таймс", ведущие западногерманские газеты. О докладе вещали на СССР западные радиостанции.

Но сначала об авторе. Окончила 30 с лишком лет назад экономический факультет МГУ, затем аспирантуру Института экономики, последние 20 лет работает в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР. Там стала доктором экономических наук, затем членом-корреспондентом, а в 1981 г. – действительным членом Академии наук СССР по отделению экономики. Женщин среди академиков можно по пальцам пересчитать, а среди академиков-экономистов их вообще не было. Впрочем, Заславская скорее социолог, заведует отделом социальных проблем, о них ее публикации.

При такой исключительной карьере известность Заславской довольно скромна, в общем не выходит за рамки круга коллег, хотя ее статьи появлялись, например, и в "Литературке". Но теперь она вмиг прославилась, если не в СССР, то по крайней мере на Западе. И кто знает, если еще и теперь хозяйственную реформу 1965 г. называют то "косыгинской", то "либермановской", то вполне может быть, что со временем что-нибудь окрестят и именем Заславской.

1.

В науке бывает – носится идея в воздухе, а кто-то один ее провозгласил, ему и честь. Здесь несколько иной случай. Главная идея доклада – советская система хозяйствования изжила себя и нужны радикальные ее изменения – не то чтобы носилась в воздухе, а стала уже банальностью[1] и в частных разговорах в стране, и в западной прессе. Заславская эту идею никоим образом не "выдумала".

---

[1] Впрочем, вполне обосновано мнение (судя по докладу, Заславская его не разделяет), что система не только изжила себя в новых условиях, но и с самого начала была неразумна. Главным аргументом ее защитников было, что система обеспечила быстрое экономическое развитие, но не доказано, что после Февраля и без Октября экономика не развивалась бы еще быстрее и, с куда меньшими жертвами (в частности, материальными) со стороны населения.

Уместно напомнить, что еще в конце 60-х годов А.Д.Сахаров писал об отсутствии у советской экономики преимуществ перед капиталистической. После блестящих успехов западных экономик в пятидесятые–шестидесятые годы неработоспособность советской экономики была очевидна любому беспристрастному наблюдателю.

Уместно также сказать, что были и есть выдающиеся советские экономисты, критиковавшие систему ярко и убедительно, показывавшие не только необходимость, но и пути преобразования системы – В.Д.Белкин, мой однофамилец А.М.Бирман, Л.А.Ваг, Е.Г.Либерман, Г.С.Лисичкин, И.С.Малышев, В.В.Новожилов, всех не перечислишь.[1]

Несомненно, что на Западе обратили особое внимание на доклад Заславской из-за того, что он был "секретным", предназначался для закрытого семинара; будь он опубликован в обычном порядке, его могли бы и не заметить.

Все это, однако, никак не должно умалить заслуг Заславской. Прежде всего она сформулировала необходимость изменений системы крайне резко, определенно, для чего потребовалось изрядное гражданское мужество. Многих из тех, кого я назвал, да и других, пресильно "били" за куда менее резкие заявления. Заславская сумела сказать все это как человек партийный, сказала на языке, органичном для правящей элиты, если хотите, сказала как марксист.[2] Весьма необычно, что она связала необходимость перестройки системы не только с экономическими, но и социальными проблемами.

Вместе с тем, доклад Заславской – лишнее подтверждение крайне тяжелой (по моему мнению – катастрофической) экономической обстановки в стране. Теперь уже не только общественное мнение подготовлено к этому, но и правящая элита вынуждена допустить обсуждение недавно еще недозволенных, крамольных мыслей. Драматизм положения настолько очевиден, что Заславская ограничивается лишь констатацией резко упавших темпов развития экономики. Понимая, что уже не надо ничего ни доказывать, ни иллюстрировать, она сразу же сосредоточивается на причинах такого состояния.

На первой же странице, перечислив различные дежурные объяснения "негативных тенденций в экономике",[3] она резонно говорит, что они "носят частный характер" и что "есть более общая причина. По нашему мнению, – продолжает Заславская, – она заключается в отставании системы производственных отношений и отражающего ее

---

1 Уже на спаде "критической волны" начала 60-х годов прославился своим докладом тогдашний начальник Заславской А.Г.Аганбегян. В нем он очень остро говорил о проблемах и провалах системы (см. "СССР: Внутренние противоречия", 1982, № 6.) Над Аганбегяном сгустились тучи, но он покаялся, и все обошлось, а через несколько лет он стал академиком и уже не критикует. Правда, когда мои комментарии были уже написаны, стало известно, что Аганбегяна сняли с поста директора института. Причины неизвестны.

2 Язык Заславской неярок, в докладе много повторов, зато она знает все приемы. В докладе есть одна ссылка на Маркса, одна на Андропова, дважды она подкрепляет свою мысль ссылкой на вождя "братской социалистической" страны.

3 Приходится сказать, что такими дежурными объяснениями ограничивается и большинство западных наблюдателей. Они непрерывно пишут о плохой погоде и об исчерпании естественных ресурсов, о демографических проблемах и даже о нехватке железнодорожных вагонов, именно этими причинами объясняют они все ухудшающееся состояние советской экономики.

механизма государственного управления экономикой от уровня развития производительных сил, конкретнее – в неспособности этой системы обеспечить полное и достаточно эффективное использование трудового и интеллектуального потенциала общества." Яснее, определеннее не скажешь. И, возвращаясь еще несколько раз к этой центральной мысли, автор буквально вколачивает ее в читателя: "Действующая система производственных отношений существенно отстала от уровня развития производительных сил. Вместо того, чтобы способствовать их ускоренному развитию, она все больше превращается в тормоз их поступательного движения." И еще: "Социальный механизм развития экономики, действующий в настоящее время в СССР, не обеспечивает удовлетворительных результатов."

Неверно было бы думать, что в СССР вообще запрещена всякая критика. В любой газете вы найдете красочное описание случаев невыполнения плана, отсутствия простейших товаров, ошибок в проектировании, тянущегося десятилетиями строительства, потерь, простоев. Бывали периоды очень острой критики, особенно в конце 50-х – начале 60-х годов. При Брежневе, в юбилейной страде, критики поубавилось, но совсем она и тогда не исчезла. Каждый год, выступая на пленумах ЦК КПСС, сам Брежнев мусолил различные огрехи. Речь Андропова на ноябрьском пленуме в 1982 г. тоже была весьма критичной. Но Заславская совершенно права: говорилось всегда о частных недостатках, о конкретных ошибках, весь запал направлялся на то, что большими ассигнованиями, изменением отчетно-планового показателя, реорганизацией, перемещением чиновников и т.п. положение можно поправить и обеспечить дальнейшее победное шествие. "Обобщать критику на систему в целом" никогда не дозволялось, можно было лишь заметить, что в "отдельных магазинах нет отдельной колбасы." Сошлюсь на собственный опыт. Однажды мне дозволили написать в книге[1] даже о том, что "система хозяйствования, система планирования экономики и управления ею, сформировавшаяся в основном к началу 30-х годов, постепенно перестала соответствовать новым масштабам", не говоря уже о сравнительно менее обобщающих пассажах. Но все это было упаковано в обязательный "снижающий" набор: начиналось с ритуального заклинания о грандиозности "достигнутых успехов", сопровождалось не менее ритуальными сентенциями, что "хозяйство нужно вести еще лучше, еще эффективнее, еще результативнее", и заканчивалось уверениями, что партия предпринимает (или вот-вот предпримет) все необходимое. А такими "аргументами" необходимость глубоких, структурных, принципиальных изменений системы не обосновать.

Доклад Заславской примечателен тем, что она обошлась без всех этих встроенных аксессуаров, обнажила глубину проблемы, сказала без экивоков, что мелкими реформочками не отделаешься, что речь идет не о "дальнейшем совершенствовании", а о кардинальной ломке. И сказала это не в самиздате, не в "зарубежном пасквиле", а в полуофициальном документе. Вот соответствующее место ее доклада: "Анализ накопленного... опыта приводит к выводу о невозможности усовершенствовать сложившийся много десятилетий назад механизм управления экономикой, постепенно заменяя наиболее устаревшие его элементы эффективными. По-видимому, следует признать дискретный характер смены конкретных систем производственных отношений в процессе развития коммунистической формации, означающий, что эта смена происходит

---

[1] "Методология оптимального планирования", М., "Мысль", 1971 г.

достаточно редко (раз в несколько десятилетий), но зато является комплексной и глубокой". Хотя текст весьма научен, хотя тут даже оговорка "по-видимому" вставлена, смысл пассажа совершенно ясен.

Повторяю, Заславскую никак не зачислишь по разряду "антисоветских клеветников". Насколько я ее знаю и помню, она не была близка к диссидентам. Оттенки политических позиций советских экономистов (и социологов) не всегда различимы, но Заславская никогда не была левее середины. Да и теперешний ее доклад никак не отнесешь к "непартийным". Она и мысли не допускает об изменении действительно основополагающего в советской системе – формы собственности (мы об этом ниже поговорим). Нет тут даже слабейшего намека на изменение политического режима в стране, наверное, Заславская не помыслит такое и наедине с подушкой. Иначе говоря, мысль о неспособности существующей в стране экономической системы функционировать удовлетворительно высказана представителем самой советской элиты, защитником, а никак не противником советской власти.[1]

Т.И.Заславская должна весьма четко представлять себе, что и когда можно сказать, это доказано ее карьерой. И уже сам факт представления доклада, да еще то, что за этот доклад она, как мы знаем, не была наказана, – свидетельство того, что в своих основных идеях Заславская не одинока: необходимость радикального изменения системы должна осознаваться достаточно влиятельными группами в правящей советской иерархии.

Были высказаны домыслы о том, что доклад Заславской – нечто вроде "пробного шара" пущенного Андроповым, так как он сам в речи на июньском Пленуме ЦК говорил о несоответствии производственных отношений производительным силам.[2] Дескать, Андропов был сам за радикальные реформы, но ему надо было сломить сопротивление ретроградов. Это, конечно, чепуха, и мы об этом специально поговорим ниже. Однако очевидно, что необходимость глубоких реформ экономики обсуждается по крайней мере на уровне тех, кто готовил Андропову речи.

2.

Не более оригинальна и другая мысль доклада Т.И.Заславской – о направлениях изменений системы. Таких направлений три. Первое – "путь", которым следовали при Брежневе: симуляция реформ, микроскопические поправки. Второе – напирать на "совершенствование планирования", усиливать централизацию, крепить дисциплину. Третье – демократизация экономики, децентрализация, усиление рыночных элементов – в пределе, я бы сказал, капитализация экономики.

Заславская не "выдумала" третье направление, необходимость именно этого пути отстаивали названные мною выше экономисты и некоторые другие авторы. Но ее позиция по этому весьма острому вопросу совершенно недвусмысленна. Уже в начале докла-

---

[1] Знаменательно, что она подводит под свою позицию солидную идеологическую базу, объясняет в марксистских понятиях и терминах, в чем идеологически неправы противники изменений и как идеологически доказывается необходимость изменений.

[2] Позволю себе нескромность: эта мысль содержится и в моей работе "Противоречивые противоречия", опубликованной в 1981 г. Работа перепечатана в моей последней книге "Экономика недостач", Нью-Йорк, 1983.

да, перечислив отрицательные черты действующей "системы государственного управления экономикой", она говорит: "Все эти черты отражают преобладание административных методов управления хозяйством над экономическими, а централизованных – над децентрализованными". Далее она замечает: "Сложность народнохозяйственной структуры давно уже перешагнула порог, когда ее можно было эффективно регулировать из единого центра." Подытоживая анализ "социально-экономического поведения трудящихся", Заславская не менее определенно говорит: "Постановка этих задач предполагает серьезную перестройку системы государственного управления экономикой, а именно, отказ от административных методов управления с высокой централизацией хозяйственных решений и последовательный комплексный переход к экономическим методам регулирования производства."

Курс на консервацию действующей системы Заславская отметает именно критикой достигнутых этой системой результатов и открыто призывает эту систему менять. Курс на "совершенствование централизованного планирования" она даже не рассматривает: он полностью противоречит самому духу ее доклада.

К сожалению, в докладе в общем нет позитивной программы. Заславская верно отмечает ее отсутствие и призывает создать такую программу с упором на социальные аспекты. Но та решительность, с которой она выражает свою приверженность демократизации экономики, безусловно, заслуживает похвалы: намерения начальства пока еще не ясны, и для того, чтобы говорить об этом, опять-таки необходимо гражданское мужество.

3.

Именно упор на социальные аспекты, социальный анализ – вот главное в докладе Т.И.Заславской, и он примечателен во многих отношениях.

Самое большее, на что отваживались до сих пор советские авторы, – это указание, что непосредственные интересы отдельных работников и предприятий могут не совпадать с интересами государства в целом. Объясняли это недостатками в планировании, несовершенством системы показателей и т.п., и отсюда следовали призывы сделать так, чтобы интересы эти не противоречили друг другу и "выгодное отдельному работнику или же предприятию было бы выгодно государству". Заславская делает большой шаг вперед. Насколько я знаю, она впервые в советской литературе говорит о различии интересов разных социальных групп. Читателю, которому это покажется самоочевидным, следует вспомнить постоянные заклинания о "единстве партии и народа", "монолитной сплоченности" и т.п.

Хотя Заславская прямо этого не утверждает, но из всего ее анализа необходимо следует важное обстоятельство: противоречия интересов разных социальных групп неизбежны, естественны, нужно не отрицать их и, тем более, не подавлять, а изучать и пытаться разумными мерами ослабить их отрицательное влияние.

Другой важный вывод Заславская прямо формулирует: "Направляемое личными и групповыми интересами, социально-экономическое поведение трудящихся оказывает существенное влияние едва ли не на все стороны экономики и представляет собой один из источников стихийности в ее развитии". Дело тут не только в том, что это еще один,

причем весьма существенный, аргумент в пользу демократизации экономики, как антитезиса еще большей ее централизации; стихийность тут явно противопоставляется плановости. По сути дела здесь содержится и призыв к демократизации общества в целом, ибо при тоталитарном режиме "личные и групповые интересы" учитываются весьма мало, точнее, учитываются интересы лишь одной группки.

Западные комментаторы обратили сугубое внимание еще на один момент: Заславская, опять-таки впервые в советских работах, указывает на существование в стране влиятельных групп, противящихся реформам. Дискуссии, которые выплескивались на страницы печати, могли выглядеть как личные споры или как "внутривидовая борьба". Но Заславская и тут подходит к делу как истый марксист: "...общественная необходимость совершенствования производственных отношений, а также отражающей их системы управления экономикой, не находит прямого и точного отражения в интересах многих общественных групп. В этом заключается социальная причина высокой устойчивости системы жестко централизованного, преимущественно административного управления хозяйством, неэффективность которой давно осознана партией, отражена в ее решениях." А чуть раньше это же сказано даже более четко:"...коренная перестройка управления хозяйством существенно задевает интересы многих общественных групп, части которых она сулит улучшение, а другой части – ухудшение их положения."

Об этом западные обозреватели писали едва ли не больше всего, потому что таково мнение многих, кто пытается уяснить себе, почему же в СССР не проводятся реформы.[1] И в самом деле трудно понять, почему "неэффективность ... давно осознана партией, отражена в ее решениях", а реформ нет. Я согласен и с Заславской, и с западными наблюдателями, что бюрократы против реформы, но все же не думаю, что это столь важно. Советский бюрократический механизм создан и отлажен так, что Генеральный секретарь (и уж во всяком случае Политбюро) бесконтрольны, никому не подотчетны. С момента создания Политбюро в 20-х годах еще не было случая, чтобы пленум ЦК проголосовал против тех, кто созвал пленум.

В 1937 г., да и позже, – например, во время кампании против космополитов, шептали, что Сталин не знает о безобразиях, ему не докладывают. Подобные сказочки о добрых намерениях советских вождей, бессильных против собственной бюрократии, все еще популярны на Западе. Они даже больше распространились после смещения Хрущева. В любом споре вам приведут аргумент: смотрите, что случилось, когда он поссорился с аппаратом. Между тем это был самый банальный дворцовый переворот, и

---

[1] Надо сказать, что на этом сходятся мнения многих в СССР и на Западе. Почему в СССР живуча надежда, что вот придет новый вождь, одолеет бюрократов, проведет реформы экономики устранит несправедливости и жизнь будет прекрасна – понять можно, людям трудно жить без надежды. Но почему так идеалистически смотрят на советскую систему многие западные люди, я понять решительно отказываюсь.

бюрократы уровня ниже Президиума ЦК ничего в нем не решали. Смешно думать, что Брежнев хотел реформ, да вот проклятые аппаратчики успешно сопротивлялись, и он не смог их одолеть. Не одолел, потому что не хотел.

В общем-то сомнений нет, пожелай Генеральный секретарь реформировать экономику, он легко найдет силы и средства обезвредить бюрократов. Не проводились же реформы и не проводятся, как я понимаю, по двум причинам. О первой сказал в ноябре 1982 г. Андропов: "...в народном хозяйстве много назревших задач. У меня, разумеется, нет готовых рецептов их решения."[1] То же самое, но более научно, говорит теперь Т.И.Заславская: "Наша общественная наука не располагает целостной, внутренне согласованной, продуманной во всех конкретных деталях "моделью" системы управления экономикой, которую оставалось бы только взять и перенести из научных разработок в практику... Сколько-нибудь законченной "модели" нового хозмеханизма наша наука пока не имеет и при современных способах организации исследований в принципе иметь не может."

Почему это так – об этом чуть ниже, а сейчас о второй причине. Она состоит в том, что не видно способа произвести серьезные преобразования в экономической системе, после которых сначала не стало бы еще хуже. В экономике, да и в социальной организации общества, накопилось столько проблем, столько качеств, необходимых для нормального хозяйствования, уже утрачено в людях, в их взаимоотношениях, навыках и т.д., нужна настолько глубокая перестройка, что для нее потребуются долгие годы, а пока положение станет даже хуже. Так как я об этом уже писал,[2] а наша тема сейчас – доклад Заславской, то ограничусь сказанным, но упускать из виду этот момент ни в коем случае не следует.

4.

Т.И.Заславская объясняет отсутствие "модели" недостаточным размахом исследований. Можно подумать, что если в СССР создадут десяток новых экономических институтов, выделят им штаты от пуза, дадут им несколько ЭВМ, то, глядишь, такая модель скоро и появится. Вряд ли сама Заславская в это верит. Отвлекаясь несколько от комментариев к самому докладу, скажу об этом несколько слов.

Нет никаких сомнений, что некоторые весомые изменения существующей экономической системы возможны с относительно скромной ее ломкой. К примеру, В.Д.Белкин давно (и безуспешно) доказывает, что можно и нужно усовершенствовать цены. Л.А.Вааг защищал "плату за фонды" и т.п. Можно также вписать в имеющиеся рамки переориентацию предприятий на прибыль вместо объема продукции. Ясно, однако, что эффект таких изменений будет не больше, чем эффект от реформы 1965 г. Более того, именно опыт этой реформы лишний раз продемонстрировал тщетность частных, или, как говорит Заславская, несистемных, изменений. Радикальные же перемены в принципе возможны только если изменить форму собственности, – это относится и к сельскому

---

[1] Ю.В.Андропов, Избранные речи и статьи, М., 1983, стр. 212.

[2] В частности, в упоминавшейся выше статье "Противоречивые противоречия".

хозяйству, и к промышленности, и к сфере услуг. Понимает это и Заславская: "Как известно, центральное звено системы производственных отношений составляет господствующая форма собственности на средства производства..." Но изменить форму собственности, а точнее говоря, разрешить частную собственность на орудия и средства производства, означает, если называть вещи своими именами, отказаться от социалистической системы как таковой. Не зря Заславская не говорит больше о собственности ни слова!

Некоторые читатели могут со мной не согласиться, сказав, что на Западе сейчас в ходу разные определения социализма. Но это будет спор не со мною, а с Марксом: ведь именно он различал общественные формации по "формам собственности".

Иначе говоря, не в том дело, сколько будет создано институтов и сколько ученых экономистов и не менее ученых социологов будут разрабатывать в них новую "модель", а в том, чтобы принять предельно важное, по сути дела историческое решение – сохранять ли дальше общественную собственность на орудия и средства производства или же начать постепенно заменять ее частной. Именно в этом объяснение загадочного, на первый взгляд, обстоятельства, о котором мы говорили выше, – почему уже столько было самых разных решений о неэффективности и о необходимости эту самую неэффективность преодолеть, почему столько раз говорилось о расширении самостоятельности предприятий, о демократизации и децентрализации, а дальше разговоров, речей и постановлений дело не идет. В этом обяснение, почему у Андропова не было рецепта. Потому что рецепт состоит в капитализации экономики, другого выхода нет. Не приходится рассчитывать на то, что советские правители, руководствуясь высшими национальными интересами, добровольно на это пойдут. Но без этого никакая "модель" не будет успешной.

Не будем винить Заславскую, что она обошла молчанием этот принципиальный, наиважнейший вопрос. Понимая это, она все же не могла такое сказать даже в закрытом докладе. Но мы, читатели, должны это ясно понимать.

5.

Внимательный читатель найдет в докладе Т.И.Заславской и другие интересные вещи, в частности, предлагаемую ею программу социальных преобразований. В баталиях 60-х годов противники социологии из числа наиболее ортодоксальных философов и политэкономов твердили, что социология есть нечто буржуазное, что она претендует заменить собою марксизм в качестве универсальной общественной науки.

В результате социологические исследования в Советском Союзе редко выходили за рамки конкретных, сравнительно маловажных тем. Недаром и созданный в шестидесятые годы основной научный социологический центр был назван Институтом конкретных социальных исследований. Через несколько лет слово "конкретных" выбросили, но тематика осталась той же. Не потому, что социологи узко смотрели на мир, а потому, что большего им не дозволяют.

Доклад Заславской – прекрасное подтверждение того, что опасения ортодоксов были не напрасны: идя именно от социальных проблем, она пришла к выводам, имеющим самое что ни на есть политическое значение. И если советским социологам и экономистам дадут и дальше этими проблемами заниматься, если они будут заниматься

этими проблемами добросовестно, то придут к достаточно революционным – в лучшем значении этого слова – выводам.

Повторяю, хотя Заславская, при всем ее мужестве, осмелилась (или смогла) сказать далеко не все, ее доклад заслуживает самого серьезного внимания. Читатель не пропустит, надеюсь, четкое изложение в начале доклада заскорузлых политико-экономических догм, обратит внимание на признание различий "национальных типов работников" с разными специфическими чертами (не слишком марксистская точка зрения, у которой и на Западе найдется немало противников).

В тяжелейшей ситуации, в какой находится страна, ей предстоит сделать трудный выбор. Если бы даже мы не имели других свидетельств, то и тогда из доклада было бы ясно, что люди думают о возможных альтернативах и обсуждают их. Какой выбор будет сделан, куда пойдет страна – не нам решать. ●

В.БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ (Мюнхен)

НЕОБХОДИМО РАБОЧЕЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

В докладе академика Т.Заславской содержится беспощадный анализ существующей в СССР экономической системы, выявляется коренная ее порочность. Но как обстоит дело с конструктивной программой, что именно предлагает Заславская?

В ряде мест ее доклада имеются лишь общие слова о направлении необходимых перемен. Это децентрализация управления экономикой, развитие рыночных отношений, увеличение экономических прав работников и ответственности за итоги хозйственной деятельности.

Заславская признает, что целостной и развитой программы реформ не существует, и ратует за ее создание. "Необходима, – пишет она, – разработка, обоснование и практическая проверка целостной "модели" социального механизма развития экономики, опирающегося на хозмеханизм с эффективными обратными связями и обеспечивающего, во-первых, интенсивное развитие производства, во-вторых, формирование подлинно социалистического типа работника". (Сказать проще – добросовестного и инициативного.)

Удручает концовка доклада, если вспомнить, что подобная модель в мире уже разработана и даже прошла "практическую проверку", о чем Заславская не может не знать. Несколько раз ссылается она в докладе на выступления такого великого "реформатора", как болгарский генсек Тодор Живков. Но в докладе нет даже намека на то, что в разных странах и в разное время уже неоднократно выдвигались серьезные идеи о том, как реформировать систему реального социализма.

Это идеи реформаторов из Чехословакии – Ота Шика, Радослава Селуцкого, Иржи Коста и других, – идеи, которые начали было осуществляться в Чехословакии в 1968 г.

Дирекция – это исполнительная власть, избираемая или назначаемая Рабочим Советом.

Предоставление большей независимости руководителям предприятий (на чем настаивает Заславская) само по себе, без контроля органов самоуправления, приведет лишь к произволу администрации и породит новую форму коррупции. Именно это произошло в Югославии, где органы рабочего самоуправления реальной власти не имеют, тогда как администрация предприятий располагает значительной свободой действий.

Ныне в демократических странах уже существует немало самоуправляющихся, принадлежащих трудовым коллективам больших и малых предприятий, а также самоуправляющихся технических институтов, школ, медицинских учреждений, крупных магазинов. В США, например, самоуправляющихся промышленных предприятий насчитывается уже более 5 тысяч. По всем основным экономически показателям они значительно превышают в соответствующих отраслях производства средний уровень капиталистических предприятий. Об этом тоже не может не знать академик Т.Заславская, специалист по экономической социологии. Знает она, вероятно, и о том, что других серьезных моделей для демократизации и общего оздоровления стран "реального социализма" нет. После польских событий, после перехода "Солидарности" к борьбе за установление строя самоуправления это трудно не видеть.

Можно считать строй самоуправления лишь переходным к "нормальному" капитализму, но не исключено, что он положит начало новой эре в истории человечества – без антагонистических классов и борьбы между ними. Если тоталитарный социализм – это антитезис капитализма, то строй самоуправления есть некий синтез, или, говоря словами А.Сахарова, "некий аспект здоровой конвергенции" (между капитализмом и реальным социализмом).

Так или иначе, но представить себе какой-либо иной путь от тоталитарного социализма к демократиии трудно.

Примерно через месяц после семинара, на котором был зачитан доклад Т.Заславской, в мае 1983 г., в Польше был распространен и опубликован в подпольной прессе "Солидарности" текст обращения к Сейму 36 ведущих польских ученых-экономистов, социологов, юристов. Они призывают Сейм провести в жизнь принятые им до объявления военного положения законы о введении самоуправления.

Интересно сопоставить этот документ с докладом Т.Заславской. Польские ученые пишут: "После многочисленных неудач при проведении экономических реформ в послевоенной Польше мы убедились, что успех на этом поприще могут обеспечить только система самоуправления, возглавляемая Советами трудящихся, экономическая независимость предприятий от государства и независимые плюралистические профсоюзы. Органы самоуправления трудящихся должны быть движущей силой экономических реформ. Они должны быть силой, способной сломить сопротивление бюрократического аппарата проведению реформ." Обращение заканчивается следующими словами: "Мы убеждены, что общественное самоуправление во всех его формах является самым важным инструментом объединения польского общества. Никто не имеет права лишать общество этого инструмента, необходимого для поддержания общественных связей и развития у трудящихся чувства ответственности за судьбы страны и собственную трудовую деятельность."

Это идеи, разработанные и оформленные в виде конкретных программ и в виде проекта соответствующего законодательства советниками польской "Солидарности", утвержденные специальными "совещательным центром", состоявшим из представителей почти всех крупных предприятий Польши.

Наконец, это идеи, о которых, правда, еще в очень общей форме, писали активисты демократического движения в СССР: авторы самиздатской статьи "Время не ждет" С.Зорин и Н.Алексеев (1969 г.), руководитель украинской Хельсинкской группы писатель М.Руденко и руководитель Московской Хельсинкской группы член-корр. Академии Наук АрмССР Ю.Орлов.[1]

Речь идет о децентрализации и демократизации реального социализма на основе самоуправления трудовых коллективов и групповой собственности на средства и продукты производства. Сторонники этих идей считают, что только коллективная собственность рабочих и служащих на свое производство или учреждение дает им настоящую свободу для инициативы, возлагает на них экономическую ответственность за их действия.

Система самоуправления, согласно этим представлениям, способна преодолеть последствия тлетворного влияния тоталитарного социализма на людей, о чем так смело и точно говорит Заславская в своем докладе.

Будут люди недобросовестно работать, выдвигать к руководству некомпетентных и плохих администраторов, – значит, поведут свое предприяте к разорению. Ведь никаких государственных дотаций не будет!

Будут слишком большую долю прибыли расходовать на зарплату, слишком мало оставлять на развитие техники и технологии – значит, будут проигрывать в конкуренции с теми самоуправляющимися предприятиями, которые разумне распоряжаются своими доходами.

Будут продолжать "выносить" или портить заводское имущество – это обернется против своих товарищей, а не против неоглядного чудища – государства. Воровать у товарищей – на это охотников резко поубавится, а тех, кто будет это делать выгонят. О том, как будет действовать такая "модель" в России, отчасти дает представление пример "шабашников".

В отличие от всех прошлых социально-экономических систем, система самоуправления и групповой собственности опирается одновременно и на идеалистические, и на меркантильные компоненты человеческой психологии. Она удовлетворяет как стремление людей к объединению, так и потребность в личном самоутверждении, – извечное мучительное противоречие между этими тенденциями исчезает.

Система самоуправления представляет собою новый этап в развитии демократии: можно сказать, что демократия приходит к работникам через проходные предприятий и учреждений.

Рабочие Советы – это парламент предприятия, его законодательная власть и контрольный орган.

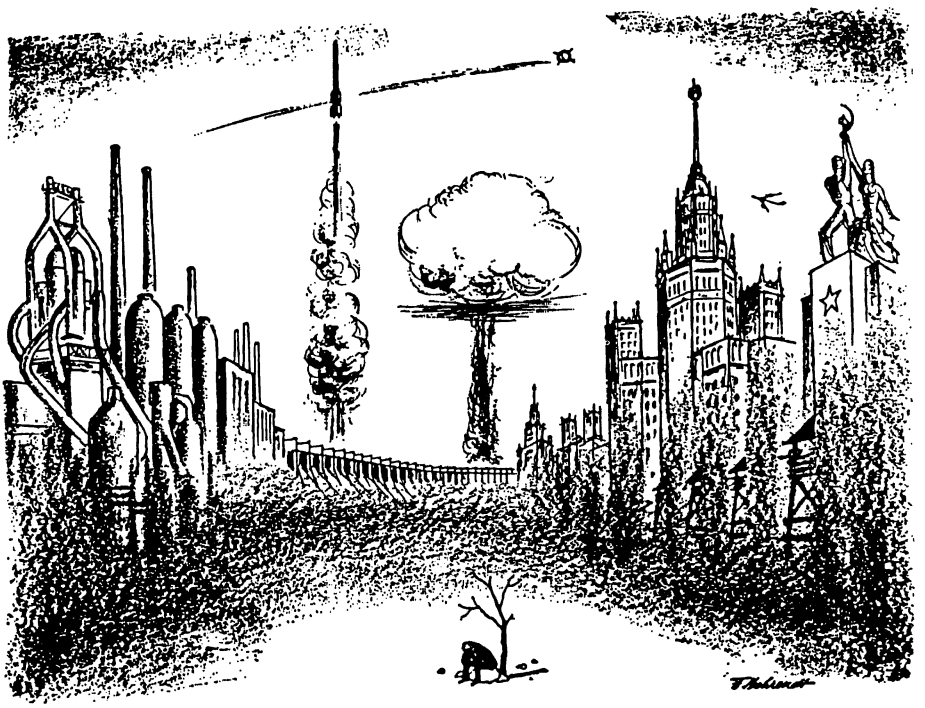
---

[1] М.Руденко,"Экономические монологи", "Сучасність", 1979; Ю.Орлов, "Возможен ли социализм нетоталитарного типа?", сб. "Самосознание", Хроника-Пресс, 1976. Проблемам самоуправления, о которых сейчас пойдет речь, посвящен и ряд работ автора этого комментария.

На отсутствие чувства ответственности у многих советских людей сетует в своем докладе Т.Заславская. Сетует, но не предлагает практически ничего, что помогло бы развить это чувство.

Напомню, что обращение 36 польских ученых – не дисседентов! – появилось до отмены военного положения в Польше. Тем не менее авторы обращения, кажется, не пострадали. Советский академик Заславская, хотя она и решилась сказать в своем докладе очень многое, остерегается даже употребить слово "самоуправление". Заславская, может быть, не согласна с этой идеей; но обойти ее молчанием сегодня уже невозможно. И в то же время ничего так не страшатся власти в СССР, как самоуправления.

Но и демократическое движение в СССР не готово к серьезному обсуждению экономических реформ. В 1956 г., в начале хрущевской оттепели, никакой серьезной конструктивной программы у тогдашних либералов не было. Понятно: мы едва только выбрались на свет Божий из-под тоталитарных глыб. С тех пор прошло почти 30 лет – срок огромный. Но как в 56 году начали с общих слов о децентрализации, так на них и застряли. Сколько событий было за это время! И, наверное, в этом виноваты не только КГБ и КПСС. Если вода не течет, то загнивает... ●



Все для человека, все во имя человека

С.МАКСУДОВ (Бостон)

ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ

События, происходившие в советской деревне в начале 30-х годов, получили множество названий, отражающих значительность перемен: "Аграрная революция", "Великий перелом", "Культурная революция в деревне", "Второй шаг Октября" и т.п.

Обыденное имя этих революционных преобразований — коллективизация.

1. "ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ТОВАРИЩИ..."

Впервые лозунг коллективизации в более или менее отчетливой форме был выдвинут в декабре 1927 года на XУ съезде партии. В резолюции съезда говорилось:

> "Одной из основных предпосылок развития СССР к социализму является подъем производительных сил деревни и рост благосостояния широких крестьянских масс. Социалистический город может вести за собой деревню только на этом пути, всемерно при этом способствуя постепенному переходу от индивидуального собственнического хозяйства, которое еще значительное время будет базой всего сельского хозяйства, к его коллективным формам... Этот переход может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян."

Составленный в соответствии с решениями съезда пятилетний план (тогда еще он назывался не первым, а просто пятилетним) предусматривал рост производства сельскохозяйственной продукции на 20—30%, в значительной степени благодаря созданию крупных хозяйств, которые к концу 1932 г. должны были охватить 15% сельских жителей и дать 43% товарного зерна. Нельзя сказать, чтобы намеченный рост выглядел нереальным. В предыдущее пятилетие (1923—1927) продуктивность различных отраслей сельского хозяйства возросла на 30—50%. Достаточно высокими были и дореволюционные темпы (33% с 1900 по 1913 гг.)

Перелистывая сборник партийно-государственных документов "Коллективизация сельского хозяйства 1925—1935 гг." (1957), мы можем узнать, что "народ с энтузиазмом встретил решения партии" и "массовое вступление крестьян в колхозы позволило перевыполнить во много раз самые смелые наметки пятилетнего плана". Победы следовали одна за другой, трудности решительно преодолевались, темпы неуклонно росли.

Особенно успешным был 1933 год. ЦИК СССР на своей сессии, завершившейся в последний день декабря, отметил:

> "Огромная победа в этом году одержана трудящимися СССР в сельском хозяйстве, где достигнуто значительное организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов..., значительно повысились урожайность и валовой сбор зерновых и технических культур, а также обеспечено улучшение и подъем животноводства. Все это в соединении с успешной борьбой против кулацких элементов обеспечило значительный рост жизненного уровня широких масс колхозников."

Триумф коллективизации выглядел еще эффектней на фоне „кризиса и упадка сельского хозяйства в капиталистических странах." Как говорилось в резолюции пленума ЦК ВКП(б) от 10 января 1933 г.:

„Человечество с восхищением наблюдает, как страна мелкого крестьянского хозяйства, разоренного до нищенства помещиками и кулаками, становится страной самого крупного, самого передового сельского хозяйства в мире."

Решение зерновой проблемы позволило перейти к другим вопросам:

„ В области животноводства во второй пятилетке добиться такого увеличения стада и роста товарной продукции, которое соответствовало бы разрешению в основном животноводческой проблемы для СССР, как этого партия добилась в первую пятилетку по отношению к зерновой проблеме."

Затем подошла очередь переделки природы:

„ Центральной задачей второй пятилетки должно стать решительное повышение урожайности колхозных и совхозных полей и большевистское решение вопроса о борьбе с засухой."

Наконец, ХУП съезд партии — „Съезд победителей", заседавший в конце января — начале февраля 1934 г., констатировал, что социализм в СССР построен, „созданы необычайно благоприятные условия для быстрого подъема уровня колхозно-крестьянской массы и для достижения культурной и зажиточной жизни колхозников."

Говоря словами товарища Сталина, „жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей".

2. „ФАКТЫ – УПРЯМАЯ ВЕЩЬ"

Итак, краткий экскурс в историю партийных постановлений показывает: была поставлена определенная цель — поднять благосостояние населения с помощью роста сельскохозяйственного производства, был выработан метод — колхозное производство, этот метод был молниеносно и успешно реализован, а результат превзошел все ожидания: „невиданные прежде благоприятные условия жизни".

Если, однако, мы обратимся к справочникам ЦСУ (см. сборники „Сельское хозяйство СССР", М. 1960, и „Народное хозяйство СССР 1922 — 1972 гг.", М. 1972), чтобы узнать, насколько выросло благосостояние счастливого народа, то окажется, что „решение зерновой проблемы" означало заметно меньшее производство и потребление по сравнению с временами, когда эта проблема не была „решена".

В 1928 году на каждого жителя страны производилось 400 кг зерна, 300 кг картофеля, 32 кг мяса, 70 яиц и 200 литров молока.

В 1933—37 годах зерна было в среднем в год 336 кг, картофеля — 314 кг, мяса — 16 кг, яиц — 35 шт., молока — 136 литров. Доколхозный уровень производства продуктов питания на одного человека не был достигнут ни в 1938—40 гг., ни в 1946—48, ни в 1949—53.

Правда, довоенные официальные сведения рисовали совсем иную картину: утверждали, что уже в 1933 году доколхозный и дореволюцион-

ный уровень сельскохозяйственного производства был превзойден. Но из появившихся после 1958 года справочников ЦСУ следовало, что торжественные рапорты и резолюции съездов были липой. Неожидано подтвердилось другое изречение товарища Сталина: „Факты — упрямая вещь."

Пересчет ЦСУ стал своеобразным триумфом западной советологии, которая никогда не доверяла советским публикациям сталинского периода с характерными для них несообразностями и методическими ошибками. Наиболее обоснованные поправки были предложены в капитальном научном труде Наума Ясного „Обобществленное сельское хозяйство СССР. Планы и перспективы", изданном в США в 1949 г. Новые публикации ЦСУ подтвердили выкладки Ясного и даже показали, что в своих оценках он был достаточно осторожен. Например, среднегодовой урожай зерновых за период 1933—37 гг., согласно довоенным советским данным, составлял 945 млн. центнеров. По оценке Ясного урожай был 757 млн. ц, а по данным ЦСУ даже еще меньше — 729 млн. ц. Для периода 1936—39 гг. соответствующие цифры: 1012 млн., 799 млн. и 728 млн. ц. Перерасчет исправил главный порок методики — оценку урожая в поле. Не исключено, впрочем, что приписки были связаны не только с тем, что использовалась та или иная некорректная методика, и новый расчет не мог устранить все преувеличения.

Пересчет посеял панику в рядах официальных исследователей достижений колхозного строя. Их тревоги хорошо выразил член-корр. АН С.Трапезников. Позволим себе привести обширную выписку из его работы „Исторический опыт КПСС в осуществлении кооопературного плана" (1965):

„Нам думается, что данные о валовых сборах зерновых культур в предвоенные годы требуют уточнения. Это в неотложном порядке должны сделать экономисты. Конечно, ранее бытовавшая цифра 7,2 млрд. пудов является явно завышенной, но и введенная ныне в оборот — 4756 млн. пудов — не соответствует действительности.

Можно ли всерьез думать, что наше крупное социалистическое хозяйство, оснащенное передовой техникой, давало хлеба меньше, чем земледелие трехполья и деревянной сохи царской России? Если это так, значит надо признать, что гигантская работа партии по социалистическому преобразованию деревни — пустая затея, значит новая техника, поступавшая в деревню, — пущенные на ветер деньги, значит героический труд колхозников, специалистов — просто блеф. Конечно же, в этом нет ни грана логики.

Далее, если признать эту цифру действительной, то, естественно, возникает вопрос: как могло случиться, что в 1928 г. при таком же количестве валовой продукции зерна страна была вынуждена перейти к хлебной карточке? Точно также можно ли было отменить в 1934 г. карточную систему при значительном уменьшении валовой продукции зерновых, имея в виду, что, по указанию некоторых источников, среднегодовой сбор зерновых за годы второй пятилетки составлял лишь 4,4 млрд. пудов?

Позволительно здесь поставить и такой вопрос: можно ли было при наличии столь низкого валового сбора зерна создать такие хлебные резервы, которые позволили бы обеспечить более или менее нормальное снабжение многомиллионной армии и населения в годы тяжелой и длительной войны, а затем, на втором году после ее окончания отменить карточную систему, снять ограничения в хлебе? При этом надо иметь в виду, что в годы предвоенных пятилеток Советский Союз экспортировал значительное количество зерна за границу, ввозя техническое оборудование."

Академик делает вид, будто не знает, что результаты ЦСУ выведены не из общих соображений, а на основании первичной документации учета амбарного урожая, — и подсказывает статистикам, какой должна быть минимальная цифра. Автор складывает государственные заготовки с расходами на семена и предполагаемым (желательным) потреблением деревни и получает цифру 960 млн. ц. Соображения Трапезникова вполне резонны, но больше напоминают советы бывшим руководителям: не следовало, дескать, оставлять деревне меньше 300 млн. центнеров на питание и фураж, а то получается, что при колхозах живется хуже, чем до революции и коллективизации. Мысль верная, но немного запоздалая.

Все поставленные академиком вопросы верны и ответы на них очевидны. Действительно, есть все основания предположить, что крупное социалистическое хозяйство, оснащенное передовой техникой, давало хлеба меньше чем " земледелие трехполья и сохи", и, более того, трудно думать иначе. Действительно, приходится признать, что „гигантская работа партии" была „пустая затея" (если не хуже), что „новая техника, поступившая в деревню, — пущенные на ветер деньги", что подневольный труд колхозников и механизаторов малопроизводителен или, как выразился академик, представляет собой „просто блеф" . Во всем этом, увы, есть железная логика.

Карточки были введены в 1928 г. при цене хлеба 10 коп. за килограмм и защитили рабочих от рыночных цен (15—20 коп.). Килограмм мяса в то время стоил 66 коп. Государственные заготовки зерна составляли в год 11 млн. тонн. При отмене карточек в 1935 году цены на ржаной хлеб были установлены 2 руб. 60 коп. — 3 руб. 20 коп. (в зависимости от климатического пояса), на говядину — от 9 до 14 руб. за килограмм; государственные заготовки зерна выросли до 25 — 30 млн. тонн. За эти же годы (1928 — 1935) средняя заработная плата рабочего увеличилась вдвое — с 70 до 142 рублей в месяц, а доходы крестьянина изменились следующим образом: в 1928 году 335 руб. и 2200 кг зерна, в 1935 году 413 руб. и 804 кг зерна. Эти данные относятся к житнице страны — Украине. В целом по Союзу в 1935 году колхозник получал 247 рублей деньгами и 900 кг зерна. Все эти цифры взяты из советских источников (С. Кульчицкий, Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР, 1979; Сб. законов СССР, 1935; Статистический ежегодник „Социалистическое строительство Союза ССР", 1935).

Такие масштабы изъятия зерна, соотношение цен и доходов городского населения давали возможность прокормить город. Зато деревню в буквальном смысле обобрали, и предвоенный экспорт хлеба в обмен на промышленное оборудование, о котором упоминает академик Трапезников, был не чем иным, как куском, вырванным изо рта у голодного.

3. ФРОНТОВЫЕ БУДНИ

И все же победные реляции, заполнявшие с 1933 года газеты и радиопередачи, не были ложью. Победа действительно была достигнута. Крутой по-

ворот заключался не в поднятии производства, а в изменении распределения, которое называлось теперь иначе: "выход товарной продукции". Увеличение государственной доли в продукции сельского хозяйства и было основной целью проводимых мероприятий.

Эту задачу четко сформулировал И.В.Сталин. Ему принадлежат и выбор методов решения проблемы, и честь победы.

В 1928 г. в брошюре с характерным названием "На хлебном фронте" Сталин привел таблицу выхода товарной продукции. (Как стало известно впоследствии, таблицу подготовил для Сталина академик В.С.Немчинов. Однако он не опубликовал в своих трудах методов расчета или обоснования данных. Попытки отыскать в архивах рукопись с расчетами Немчинова, предпринятые историком И.А.Чемерисским в начале 70-х годов, не увенчались успехом.)

Вот как выглядела эта таблица:

	Валовое произ. зерна		Товарное произ. зерна		Товарность: доля, продукции, продаваемая деревней городу в %
	Млн. пудов	% общ. к-ва	Млн. пудов	% общ. к-ва	
1913 год					
Помещичьи хозяйства	600	12,0	281,6	21,6	46,9
Кулаки	1900	38,0	650,0	50,0	34,2
Середняки и бедняки	2500	50,0	369,0	28,4	14,8
ИТОГО	5000	100,0	1300,6	100,0	26,0
1926/27 гг.					
Совхозы и колхозы	80	1,7	37,8	6,0	47,2
Кулаки	617	13,0	126,0	20,0	20,4
Середняки и бедняки	4052	85,3	466,2	74,0	11,5
ИТОГО	4749	100,0	630,0	100,0	13,0

Таблица демонстрировала важный факт: количество и доля зерна, продаваемого селом, уменьшились после революции вдвое. В 1926/27 годах деревня оставляла себе почти семь восьмых всего урожая. Можно было бы порадоваться за крестьянина, припомнив слова Ленина о том, что "крестьянин никогда еще в течении долгих веков нашей истории не имел возможности работать на себя: он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам в город и за границу" (Соч., т. 39, стр. 276). Однако к этой фразе трудно отнестись серьезно: ведь несколько десятилетий подряд после установления советской власти дореволюционный "голодный" уро-

вень потребления оставался для сельских жителей недостижимой мечтой. И все же в ней есть некоторый резон. Сравнительно высокая товарность сельскохозяйственного производства до революции достигалась частично за счет снижения потребления, особенно продуктов животноводства.

Но Сталин не для того открывал свой „фронт", чтобы дать возможность крестьянам лучше питаться. Для него очевидно другое: товарная продукция упала, так как исчезли крупные помещичьи и кулацкие хозяйства. С другой стороны, в социалистических крупных хозяйствах — колхозах и совхозах товарность не ниже, чем у помещиков. Вывод: для увеличения товарности надо создать побольше колхозов и совхозов, то есть провести коллективизацию. Нужно сказать, что и по сей день эта нехитрая табличка, отчасти вдохновившая Сталина и его соратников на преобразования, которые по существу означали вторую революцию в стране, воспроизводится в серьезных научных изданиях; более убедительных аргументов в пользу колхозного строя советские историки и экономисты нам не предлагают.

Довод Сталина прост и на первый взгляд не лишен привлекательности. Известно, что помещичьи усадьбы работали в большой мере для рынка. Известно также, что советское правительство испытывало определенные трудности с хлебозаготовками, с проблемой снабжения города, между тем как до революции хлеба в городах было вдоволь. Развивалась промышленность, городское население росло; нужно было думать, как его прокормить. Приводя в 1952 г. сталинскую табличку, автор вышедшей в США „Истории народного хозяйства СССР" профессор С.И.Прокопович писал:

„Цифры эти не могут претендовать на точность, но в общем и целом они правильно рисуют хлебные балансы России в 1913 г. и 1926/27 гг. Аграрная революция совершенно уничтожила помещичьи хозяйства, в три раза сократила продукцию зажиточных крестьян, имевших значительные запашки, значительно увеличила продукцию хозяйств средних и беднейших крестьян и создала небольшое количество коллективных и советских хозяйств. В итоге продукция зерновых хлебов упала на 5% . Но на товарную часть хлебной продукции аграрная революция оказала катастрофическое действие: она упала наполовину. Сокращение посевов у зажиточных крестьян, естественно, должно было понизить товарность их продукции; но она упала и в хозяйствах средних и бедных крестьян, которые, увеличив свою валовую продукцию на 62%, увеличили количество хлеба, выпущенного на рынок, только на 26,3%. Очевидно, большинство крестьян воспользовались результатом аграрной революции прежде всего для повышения своего личного потребления; они перестали вести полуголодное существование и стали есть досыта."

Вернемся к таблице: можно ли согласиться с Прокоповичем, что она дает верное представление о хлебных балансах? Какова, в частности, была товарность зернового хозяйства до революции? По современным оценкам ЦСУ в 1909—1913 гг. товарный хлеб составил 1018 млн. пудов, или 20,4% всего урожая (5 млрд.). Что касается цифры, приведенной в таблице — 1301 млн. пудов,— то она относится только к 1913 году, когда урожай был выше среднего. По оценке известного советского ученного А.М.Анфимова, автора книги „Зерновое хозяйство России в годы Первой Мировой войны" (1959), товарность зерна в этом благоприятном году была около 24%. Таким образом, расхождения в оценке дореволюционной товарности невелики. Можно считать, что в предвоенное пятилетие она составляла от 20 до 26%.

Важно, однако, договориться,что мы понимаем под товарностью. Советские справочники подчеркивают, что это рыночная продукция. В сборнике

статистических материалов „Страна Советов за 50 лет" (1967) дано следующее разъяснение: „В товарную продукцию сельского хозяйства включаются сельскохозяйственные продукты, проданные государству и кооперации, а также проданные несельскохозяйственному населению на колхозных рынках. Не включен в сельскохозяйственную продукцию внутриотраслевой (внутридеревенский) оборот, т.е. непосредственная продажа и обмен продуктами сельского хозяйства между отдельными сельскохозяйственными предприятиями и сельскохозяйственным населением". Если придерживаться этого определения, цифры сталинской таблицы за 1926/27 гг. никак не соответствуют товарной продукции. Они даже ниже государственных заготовок, составлявших в это время 711 млн. пудов. Вопросом рыночных продаж и товарности зерна в середине 20-х годов занимались многие советские ученые, включая и Немчинова, и все они оценивают товарность 1926/27 гг. в 20—22% или чуть больше (по данным В. С. Немчинова — 22,1%). Основным источником, по которому можно судить о товарности, до революции служили транспортные — железнодорожные и морские — перевозки. По этим данным, товарность в 1926/ 27 гг. составила 21,5% — цифра, близкая к другим оценкам.

Следовательно, товарность зернового производства упала в середине 20-х годов не в два раза, как объявил товарищ Сталин, а всего лишь с 20—26% до 21—22%.

Причины некоторого сокращения товарности (если оно действительно имело место) очевидны: снижение валового сбора примерно на 15% и рост сельского населения (на 7%). Вопреки утверждениям многих советских исследователей, потребление зерна на одного сельского жителя в 1926/27 гг. не только не увеличилось по сравнению с дореволюционным временем, но, напротив, сократилось.

Недостатком сталинского подхода было использование сведений только о зерне. На зерновые, однако, приходилось не более трети всей товарной продукции села. Товарность животноводства в 1926/27 гг., возможно, была выше дореволюционной: по данным В.Н.Яковецкого („Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма", 1964), в 1913 г. товарность по мясу составила 38,1%, в 1926/27 гг. — 40,9%, в 1927/28 гг. — 42%. Общая товарность сельскохозяйственной продукции по одним сведениям выше, чем в 1913 г., по другим — одинакова.

Не слишком настаивая на точности тех или иных цифр, можно все же утверждать, что к исходу 20-х годов сельское хозяйство, хотя и не достигло довоенного уровня по валовому производству, приблизилось к нему по уровню товарности (примерно 30%). Некоторое снижение выхода товарного зерна было компенсировано животноводством, огородными и техническими культурами. Если учесть, что производительность была в среднем ниже, чем до революции, а население села увеличилось, то сохранение того же уровня товарности означает, что крестьяне снизили собственное потребление, с тем чтобы больше продавать на рынке. Причин для этого было достаточно: рост налогов, „ножницы" цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, приобретение средств производства, не обновлявшихся за годы Мировой и Гражданской войн, сокращение поголовья лошадей (потребителей кормового зерна) и пр.

4. ПОБЕДА НАД ДЕРЕВНЕЙ

Рассмотрим теперь данные Сталина о товарности различных типов хозяйств. Говоря о высокой товарности помещичьего хозяйства, не следует забывать, что это было специализированное производство. Как таковое оно нуждалось в сотрудничестве с мелким хозяином. У помещика практически не было скота, и для полевых работ он обычно нанимал крестьян с их лошадьми. Все потребление зерна рабочими и скотом шло за счет хозяйства мелкого производителя. Следовательно, если бы в стране зерно производили только помещики, то продажа зерна в город и за границу была бы гораздо ниже, так как помещичьим хозяйствам пришлось бы взять на себя и все расходы села.

Это и произошло с советскими аналогами помещичьих хозяйств — колхозами и совхозами. Сотни монографий советских авторов по сей день расписывают высокую товарность колхозного производства в первые годы коллективизации. Но при этом как-то обходится стороной вопрос, почему же, когда колхозов стало много, их товарность и производительность оказалась ниже, чем в хозяйствах единоличников до коллективизации. Очевидно, что либо авторы манипулируют ложными сведениями, либо колхозы стали другими. На самом деле произошло и то , и другое.

Курьезный пример подтасовки сведений дает нам сталинско-немчиновская табличка. Приведенные в ней краткие данные о производстве зерна за 1926/1927 гг. совпадают с публикацией ЦСУ тех лет („Итоги десятилетия советской власти в цифрах", 1927). Не сходится только одна мелочь : по сведениям ЦСУ, валовый сбор в колхозах и совхозах составил не 80, а 96 млн. пудов; приведена даже подробная разбивка колхозного производства по районам страны. Зачем же понадобилось преуменьшать успехи столь любимых вождем коллективов? Дело в том, что при указанном в отчете ЦСУ валовом сборе товарность социалистических хозяйств получалась 40%—меньше, чем до революции у помещиков. Но этого не должно было быть! Пришлось исправить цифры, чтобы хоть немного, хоть чуточку, но превзойти помещиков.

Подобные манипуляции производились в те годы не только на самом высоком уровне. Тесно связанные с советскими местными властями колхозы имели возможность получать ссуды. Например, 37 колхозов Харьковского округа к 15 февраля 1929 года сдали 27589 пудов зерна и сразу потребовали помощь в размере 15 тыс. пудов (см. И. И. Слынько,"Социалистическая перестройка и техническая реконструкция сельского хозяйства Украины,"1961). Зачем же, спрашивается, сдавали? Однако тут вступает в действие механизм бюрократической отчетности и местные административные интересы.

Вместе с тем было бы несправедливо считать высокую товарность первых колхозов и совхозов абсолютно мнимой. Для нее существовали реальные предпосылки. Во-первых, социалистические хозяйства были созданы на бывших помещичьих землях, как правило, более плодородных. Во-вторых, зерновые совхозы, подобно прежним помещичьим хозяйствам, были или по крайней мере стремились быть хозяйствами специализированными; со

своими рабочими они расплачивались деньгами. Естественно,что за вычетом расходов на семена вся совхозная продукция рассматривалась как товарная. Другое дело, что сами рабочие совхозов, покупая эту продукцию, превращались в потребителей. Другими потребителями оказывались животноводческие совхозы, не производившие зерна. Таким образом, товарность совхозов в системе взаимоотношений между деревней и городом была намного ниже, чем та,о которой рапортовали официальные отчеты.

Сказанное относится и к колхозам. Первые колхозы не были обычно универсальными хозяйствами и, в частности, не уделяли достаточного внимания животноводству. Вдобавок они комплектовались почти исключительно из бедняков и батраков — людей с сравнительно малочисленными семьями.

Наконец, говоря о высокой товарности колхозов в конце 20-х годов, не учитывают еще одного обстоятельства. Обобществление земли в ТОЗах (товариществах по обработке земли) даже в артелях поначалу было неполным. В 1928 году, например, было обобществлено внутри самих коллективных хозяйств лишь около 55% обрабатываемой земли („Народное хозяйство СССР 1932"). Колхозник обеспечивал семью за счет собственного поля, которое, конечно, следовало бы тоже принять в расчет при определении товарности колхозного производства. Можно не сомневаться, что товарность колхозника на его личном участке была ниже, чем у единоличника. В результате, как показывает приблизительный расчет, товарность колхозников должна уменьшиться едва ли не вдвое.

В дальнейшем, по мере роста посевных площадей в колхозах, их товарность неуклонно снижалась. Доля товарной продукции колхозов, по тогдашним официальным данным, превышала размеры посевов в 1929 году в 2,83 раза, в 1930/31 г. — в 1,11 раза, в 1932г. — в 1,02 раза („Итоги выполнения Первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР", 1934). Но эти данные приукрашивают картину. В тридцатом году на Украине коллективизация охватывала 35% хозяйств; колхозам принадлежало 37,4% посевов. Однако они сдали 30,5% от общего объема хлебозаготовок (146 млн. пудов из 480).

Причем рыночные продажи осуществляли единоличники, а не колхозы. Почти весь гарнцевый сбор (плата за помол), составлявший в 1929/30 г. 16,6% заготовок, также пришелся на долю индивидуальных хозяйств. (Цифры взяты из „Очерков коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках" под ред. В. Данилова, 1963, и сборника „Народное хозяйство СССР 1932 г.").

Единоличники кормили большую часть скота, имевшегося в деревне, и численность их семей была несколько выше, чем у колхозников. Размер посевной площади на одного члена семьи в колхозах после 1930 года заметно больше, чем в единоличных хозяйствах. Фактическая же товарность намного меньше.

Причина состояла в поразительной неэффективности колхозного производства. Но в 20-х годах, пока колхозов было мало, низкая производительность маскировалась тем, что колхозы располагали несколько более плодородной землей; были лучше оснащены технически; ну и, конечно, манипуляции с отчетностью играли свою роль. Поэтому вплоть до 1930 года урожайность колхозных полей была выше, чем у единоличников, о чем с гордостью и сегодня пишут советские авторы. Затем дела пошли хуже. В 1931 году зерновых было собрано в колхозах в среднем 6,29 ц с гектара, в совхозах — 5,85 ц, у единоличников — 7,48. Если бы весь урожай собирали единоличники с их скромными техническими средствами, он оказался бы выше на целых 70 млн. центнеров — на 12%. В 1933 г. колхозы получили 8,78 ц, совхозы — 8,44 ц , а единоличники 9,41 ц (сб. „Социалистическое строительство Союза ССР", 1935), и так далее. Вплоть до полного вытеснения индивидуальных хозяйств они служили образцом высокой производительности и живым уроком колхозно-государственной системе.

Итак, оба утверждения товарища Сталина, высказанные им в брошюре „На хлебном фронте", были ложью. Товарность сельского хозяйства до революции ненамного превышала уровень 1926/27 гг., она не упала в два раза из-за исчезновения помещиков или измельчания хозяйств, а быть может, даже вообще не изменилась. Совхозы и колхозы не были образцами высокотоварного эффективного производства. Однако из ложных посылок был получен желаемый результат. На пленуме ЦК партии 7 января 1933 г. вождь докладывал о победе на хлебном фронте:

„Партия добилась того, что вместо 500 — 600 млн. пудов товарного хлеба, заготовлявшегося в период преобладания индивидуального крестьянского хозяйства, она имеет теперь возможность заготовлять 1200 — 1400 млн. пудов зерна ежегодно."

В 1913 году, когда сельских жителей было 114 млн.,в деревне оставалось 4300 млн. пудов собранного хлеба. Зато в 1933—1940 годах, когда численность сельского населения колебалась в пределах 110 — 120 млн., на его прокорм было оставлено 2800 — 2900 млн. пудов хлеба („Сельское хозяйство СССР", 1960). Вычтя семена (около одного миллиарда пудов в год), мы увидим к чему свелись достижения партии: в селе оказалось в два раза меньше зерна. Новые экономические отношения привели к тому, что сельский житель порой должен был бродить с протянутой рукой по городским улицам.

Партия и лично товарищ Сталин добились того, что крестьянин стал меньше есть. ●

Отоваривание карточек. Столица Украины Харьков, 1933 г.

СМОЛЕНСКИЙ АРХИВ

Изучение истории советского общества идет в послесталинские десятилетия не совсем обычным путем. Оно было начато художественной литературой, затем хлынул поток мемуаров, в последнее время обострился интерес к научным исследованиям и документальным публикациям. Читатель, осведомленный об эпохе в целом, относится к архивному документу уже не просто как к первоисточнику, но видит в нем как бы иллюстрацию времени. Документ приобретает обобщающее значение; устами обыкновенного человека, составителя официальной бумаги или заявления, написанного по сугубо конкретному поводу, говорят история и народ. Тут особенно ценна молчаливая объективность документальных свидетельств, не укладывающаяся в рамки привычных полярных оценок: белое — красное, славное — позорное, демократическое — тоталитарное и пр.

В этом номере публикуются материалы одного из самых больших собраний советских документов на Западе — так называемого "Смоленского архива". Документы, находившиеся в подвале Смоленского обкома ВКП(б), были реквизированы во время войны немецкими властями и позднее попали в руки американцев. В настоящее время они хранятся в Национальном архиве США. Собрание состоит примерно из 600 папок-скоросшивателей (несколько сот тысяч листов). Среди них — бумаги партийных и советских учреждений, заявления, просьбы, доносы, анкеты, протоколы. Большая часть документации относится к концу 20-х — началу 30-х годов.

Первым разобрал материалы архива американский историк Мерль Фейнсод. Он составил краткую картотеку и опубликовал чрезвычайно интересную книгу "Смоленск при советской власти" (1958). Труд М.Фейнсода стал справочным пособием для всех интересующихся историей советского государства и общества. К материалам Смоленского архива постоянно обращаются западные исследователи. Микрофильмы или ксерокопии его документов имеются в библиотеках многих университетов. В 1980 году Национальный архив США опубликовал "Путеводитель по Смоленскому архиву". Однако для русскоязычного читателя документы архива остаются практически недоступными.

"ЕШЬ, КОЛИ ТЕБЯ КОРМЯТ..."

II/III — 30 г.
Копия

ТОВ. СТАЛИН!

Я хочу тебе рассказать о твоих недостатках, которые Вы пишите в своих, как женщины и мужчины выражаются — манифестах. Мы крестьяне, 13 домохозяев пошли как один в колхоз, чтобы построить социализм, и когда мы сходились в колхоз, приняли устав прежний, т.е. какой был, но пожили мы немного в колхозе, как приходит новый устав. Наши крестьяне заволновались и стали принимать новый устав. В новом уставе сказано, что молочный скот не обобществлять, мелкий тоже, если в хозяйстве имеется две молочные коровы, то из них одна обобществляется, а другая нет; вот Вы писали этот устав, подумали ли Вы хоть немножко об этом уставе, что там сказано, ведь в колхозе есть семьи разные, есть семья — два человека, есть семья — 8 человек, сами видите, какое хозяйство будет жить и во всем одето, а какое хозяйство будет в кулак свистать. Дальше, в уставе сказано, коров не обобществлять, а землю обобществлять, тут тоже запятая, коров обобществить и землю тоже, дальше возникает вопрос, какже их кормить, как сено делить, если сено обобществить, а коров кормит каждый своего, то сколько хочешь сена коси, все равно сена нехватит, это тоже вопрос не продуманный.

Дальше в уставе сказано: дать усадебной земли на каждого едока по пятнадцать соток под огород, пример: в хозяйстве восемь едоков, ему приходится усадебной земли полтары десятины, он всю эту землю несможет пустить под огороды, он больше половины будет сажать картофель, то нужен ему навоз он весь свой навоз будет вывозить на усадьбу, а на обобществленную землю нет навоза, с этим вопросом как быть, тоже этот вопрос положи в карман, да обдумай хорошенько.

Ведь тебе в Кремле нечего делать, вы и выпускаете свои манифесты не обдумавши. Чем вам писать эти манифесты выпускать Вы возьмите лучше вступите в колхоз, поживите и испытайте и тогда манифесты свои выпускайте, а то Вы выпустили новый манифест — по нашему Вяземскому округу разошлось десять колхозов. Так вот. т.Сталин, если тебе нечего делать, то сиди на стуле и ешь, коли тебя кормят, а манифесты не выпускай каждую неделю.

Тов., дайте это письмо прочитать самому Сталину.

Писал партиец *А.М. Строганов*

Верно: Управделами ОК ВКП/б/ *Косенков*

ОТВ. СЕКРЕТАРЮ ОБКОМА ВКП/б/ ТОВ. РУМЯНЦЕВУ

19 февраля 1930
№ 31

Редакция газеты "Наша Деревня" посылает Вам для сведения копии поступивших в редакцию 2-х писем, затрагивающих острый политический вопрос — ликвидацию кулачества как класса. Подленники этих писем нами посланы в ОГПУ для расследования и принятия соответствующих мер.

Редактор "Н.Д." *Лобанов*
Р е з о л ю ц и я : Шурманову для ознакомления.

ПИСЬМА УЧИТЕЛЯ КАПРАЛОВА

П р о и с ш е с т в и е. Днем 26 января с.г. в село Фощево Понизовского района явилась группа колхозников для разграбления имущества гр-н с. Фощево 4-х домохозяев: Алексея Илларионова, Федора Игнатьева и двух попов этого же села. В этих 4-х домах колхозники Казицкого и Понизовского колхозов разграбили все имущество, забрали все, что было: хлеб, коров, лошадей и только бросили по одной булке хлеба на стол. Но все эти лица, у которых забрали имущество, никому ничего не должны, а потому я думаю, что грабеж был незаконным.

Чем же они будут питаться? Если Алексей Илларионов сам сидит в тюрьме, то жена его с малыми детьми значит будет голодать? Этого в Советской стране не должно быть. Куда же смотрит с/совет? Прошу редакцию привлечь грабителей к ответственности.

Учитель Фощевской школы *Капралов*

Е щ е о Р а т ч е н к о в е. Ратченков — нарсудья 9 уч-ка Понизовского района, приехавши на собрание в Кадомовский с/с., слишком выражался всякими словами и говорил за то, что в колхоз не подпишетесь, из сотни 20 чел. перестреляем, а остальные пойдут сами в колхоз.

Когда Ратченков приехал на собрание в дер. Ивники, Понизовского района, то один гр-н узнал, что он сын помещика, потому что когда гр-н дер. Ивники служил в Красной гвардии во время гражданской войны, то Ратченков был офицером. Теперь Ратченков сбежал неизвестно куда.

Писано 28 января. *Капралов*

Но вот еще получилось одно разграбление, в дер. Гришунах разграбили один дом Андрея Григорьева, в дер. Бабожках Дмитрия Прохорова, в дер. Климятах Михаила Евстигнеева и Павла Константинова.

Эти грабители были из Левыцкого колхоза и взяли у них все, что было, и племенных жеребцов и кобыл. Прошу редакцию немедленно колхозников-грабителей привлечь к ответственности.

Учитель *Капралов*

"РАБОЧИЕ БУДУТ ЖРАТЬ КРЕСТЬЯН..."

В РЕДАКЦИЮ НАША ГАЗЕТА

Дорогие товарищи, вы пишите, что верный путь в социализму есть колхозы. Это ни что иное, как мщение крестьянину за ваших отцов, которые имели свои имения среди земель крестьянских, которые в свое время были уничтожены. Но теперь вы сумели опять примазаться управлять темными крестьянами, залезли кто куда сумел. Мы хотя и темны, но не совсем как вам думается. Мы видим, что вы хотите с нами сыграть последний раз в карты — кто кого обыграет. Обыграть Вам не удастся. Мы видим, что было за время Советской власти: грабеж, уничтожение полных невинных семейств, которые считали самостоятельными хозяевами и которые помогали совету и хлебом, и сеном, и скотом и бельем и одеждой. Но теперь их стерли с лица земли. Остались только бедняки, которые имеют в хозяйстве целого ничего коня или коровы. Теперь мы сами видим, что с нами очень легко справиться, мы видим, что город жрет уже наших старых коней, и тех скоро не будет. После чего, верно, город и рабочие будут жрать крестьян вместо жиров. Вот, дорогие товарищи, мой совет чем мужика учить, надо у мужика поучиться — тогда и учить его. Пословица говорит: "на чужой каравай рта не разевай, а свой промышляй". Пословица говорит, если вздумал подняться на гору — надо сходить в кузницу подковаться, чтобы нагору взобраться.

Вот, дорогие товарищи, эта гора очень крута. Переехать очень трудно. Скорей вы вместе с партийным руслом голову свернете, чем крестьянина заставите быть рабом колхоза.

Если вы хотите итти с нами рука об руку по-братски — мужик согласен всегда. Если вы ученые, то вы должны вперед нас не считать свой труд, что ваш труд дороже и не дожидаться всемирного социализма. На чорта нам всемирный социализм, мы должны свой построить сразу, а не так, как вы туман в глаза пускаете, дабы пожить получше. Мы хоть дураки — дураки, но разбираемся с лаптем.

(Без подписи)

Письма в редакции газет и в различные советские инстанции были в 30-х годах распространенной формой протеста. Несмотря на риск репрессий, авторы нередко ставили под ними свою подпись.

Письмо "партийца Строганова" — реакция сельского активиста на статью Сталина "Головокружение от успехов" и опубликованный одновременно второй устав сельскохозяйственной артели. Автор письма — сторонник полного обобществления крестьянского имущества и критикует вождя за оппортунизм.

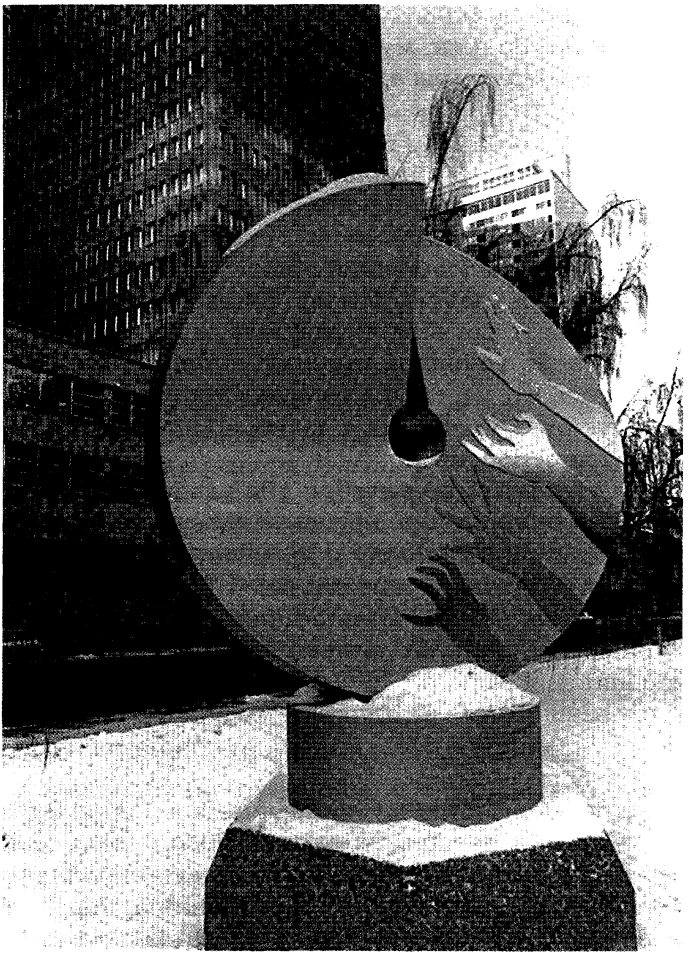
Письма учителя Капралова — типичные селькоровские заметки. В те годы газеты постоянно призывали своих читателей сигнализировать о неполадках в деревне.

Третий корреспондент считает, что коллективизацию придумали бывшие помещики. Происходящее в деревне напоминает ему (не без оснований) возвращение к крепостному праву.

Письма хранятся в "Смоленском архиве" (Национальный архив США, Вашингтон). Публикуются впервые, с сохранением орфографии подлинника.

ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ГОЛОДА

Их имена Ты, Господи, веси...



Черная материя рывками опускается, открывая памятник. Серый круг, разорванный сверху, так что черный проем служит стрелкой, показывающей ровно 12. Час пробил. Круг разбит. Круг жизни. Круг времени.

А с надломленной стороны памятника тянутся руки: жалкие, беспомощные, молящие.

— Не забывайте. Прощайте. Простите.

На постаменте на украинском, английском и французском языках высечены слова "Божественной комедии" Данте:

Очнувшись раньше, чем зарделось небо,
Я услыхал, как, мучимые сном,
Мои четыре сына просят хлеба.
(Ад, XXXIII, 37 — 39)

Памятник миллионам, погибших от голода в Советском Союзе пятьдесят лет назад. Памятник хлеборобам Украины, у которых отняли хлеб. Памятник плакавшим от голода детям, старикам и старухам, худым, истощенным, потерявшим человеческий облик. Потерявшим жизнь.

"Я Вас любила и люблю, Иосиф Виссарионович. И я не верю, что Вы допустите, чтобы я погибла в расцвете моей молодости так трагично и бессмысленно от голодной смерти" — писала комсомолка, ученица 8 класса, дочь красного партизана из села Стовбина Долина Ново-Саджарского района Харьковской области в декабре 1932 года.

Товарищ Сталин допустил.

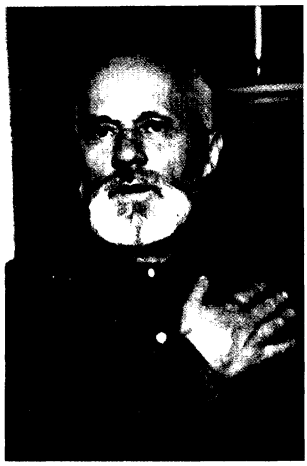
Памятник, открытый 23 октября 1983 года в городе Эдмонтоне, столице огромной канадской провинции Альберта, создан монреальским скульптором Людмилой Темертей, мать которой пережила голод 1932-33 годов на Украине. Освящение памятника и панихида по жертвам голода проводились одновременно по православному и католическому обрядам. В молитве принимали участие римско-католический архиепископ, епископы других церквей и раввин.

Перед собравшимися выступили очевидцы голода, представители многочисленных украинских организаций, руководители города, провинции, правительства Канады.

Монумент перед зданием муниципалитета в центре Эдмонтона — пока единственный памятник погибшим от страшного голода 1933 года в СССР. Но придет время и такие памятники покроют нашу страну. Они будут стоять в Киеве на Крещатике, куда был закрыт милицией доступ умирающим от голода и куда они прорывались, чтобы выпросить кусок хлеба и в судорогах вытянуться вдоль тротуара. В Харькове на вокзале, где каждый день находили десятки окоченевших трупов. В Полтаве, где была обнаружена подпольная фабрика, перерабатывавшая людей на котлеты. Памятники будут стоять в кубанских станицах, памятниками покроются Казахстан и Сибирь, тундра и тайга. Памятник будет установлен в центре Москвы.

Скульпторы будут соревноваться друг с другом, пытаясь передать невозможное — боль, скорбь и отчаяние. Нечеловеческую жизнь и смерть. Они создадут памятники, восстанавливая нашу память о невинно замученных.

Их имена, Господи, мы вспомним.



Только тогда, когда человек свободно избирает и на деле совершает *путь* к Богу, — Бог "встречает" его на этом пути. Когда христианин стремится на деле осуществить личную *"жизнь во Христе"*, вступает в практическое *служение* любви и правды, воспитывает в себе, по слову апостола, *нового человека*, проявляет в этой духовной работе "ежедневную доблесть", — тогда, среди скорбей и испытаний истинно-христианской жизни, приходит к человеку на помощь таинственная духовная сила — Божественная благодать... Я думаю, что и неверующий человек, когда он осуществляет практическое христианство в героическом акте, в милосердии, в страдании за правду, — я думаю, что он испытывает тогда невидимую помощь Божественной благодати: глубокий мир совести, силу терпеть боль, преодоление страха... Когда встречаешь такое практическое анонимное христианство неверующего человека — охватывает чувство, что здесь-то, на этом последнем пределе свободы, и совершается самое высокое торжество христианства...

Христианство сверхразумно, как сверхразумна вся тайна бытия. Христианство совершенно бездоказательно и "неубедительно" — в том смысле, что не принудительно. Есть только прагматические аргументы, которые отталкивают нас от других, как мы надеемся, ложных решений мировой тайны. Совершенно ясная для всех отрицательная правда заключается в том, что без религии в человеческом существовании нет никакого доброго смысла и нет никакой надежды. Наша положительная вера свободна. "В е р у е м", — в этом слове не насилие над свободною мыслью, а свободная интуиция, свободное преклонение, свободное дерзновение, свободное доверие, свободная надежда. И если бы мне предложили "совершенно своими словами" дать самый краткий отчет в нашем уповании, то "с лицом, проникнутым смирением", я ответил бы приблизительно так: мы веруем — мы надеемся, что та духовная Красота, которая открывается нам в Личности Христа и везде там, где в нашей жизни изображается Христос, — мы надеемся, что эта Красота имеет абсолютное, Божественное значение, единосущна Божественной жизни, — что это и есть сама Божественная жизнь, которая является нам сегодня в человеческом уничижении, а завтра откроется во славе для всех.

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЖЕЛУДКОВ

"Современные теологи поняли и растолковали, что драма веры разыгрывается не столько в уме, признающем, что он "верит", сколько в глубине совести, избирающей милосердную любовь, а не своекорыстие. Это и есть ответ Богу – пережитое, а не сказанное Да. Человек может считать себя неверующим, когда в *этом* смысле, на *этой* глубине он – истинно верующий.

Я вижу глазами веры неверующего, который любит ближнего и живет по правде, и я узнаю в нем предузнанного Богом и осененного благодатью. Сам Господь почитает свободу и внутренний мир неверующего."

В одном из своих писем С.А.Желудков привел эти слова из книги "Я верю в надежду" Хосе Мария Диес-Алегрия: ему казалось, что они хорошо передают его собственное умонастроение.

Умерший в ночь на 30 января 1984 года в Москве Сергей Алексеевич Желудков – русский православный священник отец Сергий Желудков – был одной из самых привлекательных фигур религиозного и демократического движения в СССР. По общему мнению всех знавших его, он обладал чертами святости. Выдающиеся свойства его личности сделали его духовным руководителем многих людей. Отец Сергий, оплакиваемый сейчас по обе стороны железного занавеса, был выдающимся теологом, самобытным религиозным мыслителем и видным правозащитником.

В молодости о.Сергий Желудков – сын церковного старосты в московском Зарядье – был богоискателем; уже взрослым человеком он поступил в Ленинградскую Духовную академию и окончил ее в 1952 г. Рукоположенный в священники, он занимался пастырской деятельностью в смоленской, кировской и псковской епархиях. В 1958 г. он выступил против развернутой в те годы антирелигиозной кампании. Общественная активность и религиозное миросозерцание о. Сергия привели его к конфликту с церковными властями. Под нажимом КГБ он был лишен права церковного служения. Это обстоятельство, однако, лишь способствовало широкой популярности о. Сергия среди оппозиционной интеллигенции. Свои философские, религиозно-этические и общественные взгляды Сергей Алексеевич Желудков изложил в книге "Почему и я христианин", в многочисленных письмах и статьях, ходивших в самиздате, частично опубликованных в самиздатском журнале "В Пути" (издателем которого четыре года был о. Сергий) и на Западе. Отдельно нужно упомянуть сборник "Литургические заметки", в котором автор рассматривает трудный и болезненный вопрос о жизнеспособности византийского православия в условиях современной жизни и советской действительности. Именно эта книга послужила конкретным поводом к тому, что о. Сергий Желудков был обвинен в отходе от православия.

Литературное творчество С.А.Желудкова выгодно отличается от многочисленных произведений на религиозные темы, создаваемых в СССР и в среде русской эмиграции: его тексты написаны простым, ясным и вместе с тем пронизанным сдержанной сердечностью языком. Благородный стиль отца Сергия отражает черты его личности – скромность, искренность, серьезность, отсутствие какого-

либо самолюбования, отвращение к претенциозной роли пророка и истерической экзальтации.

Особой формой общественной деятельности о.Сергия, обладавшего редким даром объединять людей, были инициированные им диспуты по вопросам веры, на которых следует остановиться подробнее. Нет нужды говорить о том, что в Советском Союзе невозможны какие бы то ни было открытые дискуссии на недозволенные темы. Обсуждения, организованные С.А.Желудковым, носили характер многосторонней переписки, в которой участвовали люди, часто не знавшие друг друга; каждому корреспонденту была присвоена условная литера и оставалась его единственным обозначением; буквой "А" подписывал свои письма Сергей Алексеевич Желудков. Среди этих переписок нужно особо выделить обсуждение переведенной по инициативе отца Сергия книги известного современного теолога Ганса Кюнга "Быть христианином" (за которой последовал перевод второй книги того же автора – "Существует ли Бог?") и два тома переписки на тему о взаимоотношениях христианского вероучения и современного атеизма, изданных институтом "Вера во Втором мире" (Цюрих) и издательством "Жизнь с Богом" (Брюссель) под одинаковыми заголовками "Христианство и атеизм". В этих эпистолярных дискуссиях, выявивших значительное многообразие точек зрения, приняло участие несколько десятков человек – писателей, философов, историков, богословов, математиков, верующих, сомневающихся и вольнодумцев.

Такая форма духовного общения оказалась чрезвычайно плодотворной – не только потому, что она представляет собой единственную возможность коллективной религиозной дискуссии в условиях тотальной несвободы. Преимущества анонимной переписки вытекают из самого предмета, обсуждаемого участниками этой новой разновидности "невидимого колледжа". У нас нет сверхъязыка, который позволил бы нам соединить несоединимое – рефлексию о Боге с непосредственным переживанием Его присутствия (или чувством, что Его нет). Тем не менее человеку присуще стремление открыть себя другим. Одной из внутренних предпосылок наблюдаемого сейчас в России религиозного брожения в среде интеллигенции, пробуждения интереса к религиозной проблематике можно считать потребность, испытываемую многими, ответить каким-то образом на вопросы, которых нельзя избежать, и сделать это по возможности ясно и четко, как подобает разумному человеку. Противоречие между субъективной и объективной стороной религиозности преодолевается благодаря пониманию того, что если мысль – насилие над чувством, то она же и способ испытать глубину и подлинность чувства. Так рождается потребность в интеллектуальной исповеди, обращенной к себе и к другому и вместе с тем не стесняемой ничьим присутствием.

Оставаясь предельно интимной, негласной и не претендующей на какой-либо профессионализм, переписка была одновременно обращена к неопределенно широкому кругу адресатов. О них было известно только то, что они представляют ту или иную точку зрения. Перепечатанные на машинке письма ходили по рукам, возбуждая желание так или иначе откликнуться, обрастая новыми корреспондентами. При этом инициатор переписки – отец Сергий Желудков – постоянно находился в центре духовного кружка; он был единственным, кто знал всех участников, отвечал каждому, он же распространял письма среди всех корреспондентов. Оценить по достоинству эту работу может лишь тот, кто жил в Советском Союзе.

Здесь нет возможности рассмотреть подробно деятельность Сергея Алексеевича Желудкова как участника демократического правозащитного движения и члена организации "Международная Амнистия". Одной из форм этой деятельности были открытые письма и статьи, из которых отметим небольшую статью, написанную к шестидесятилетию академика А.Д.Сахарова (опубликована в юбилейном сборнике на русском и осно-

вных европейских языках). В статье о Сахарове о.Сергий возвращается к концепции Анонимного христианства – ключевой для его мировоззрения. Термин "анонимное христианство" принадлежит, как известно, Карлу Ранеру, крупнейшему католическому теологу нашего века; но не столько чтение Ранера, сколько впечатления жизни, опыт священнослужителя и борца за права и достоинства личности в Советском Союзе были источником размышлений отца Сергия Желудкова.

В последние десятилетия много говорится и пишется о возрождении церковного христианства в современной России. В лице С.А.Желудкова это представление нашло серьезного критика. Его аргументация опирается на отчетливое понимание того, что русская церковь в большой мере утратила контакт с современной жизнью. Этот разрыв, это чувство омертвения живого Слова под золоченым панцырем "слов" переживается мыслящей интеллигенцией и в особенности молодежью как глубокая трещина, уходящая в далекое прошлое и грозящая расколоть будущее. Можем ли мы, – спрашивает о. Сергий Желудков, – положа руку на сердце, утверждать, что летаргия православия вызвана только внешними условиями, что только так, съежившись и спрятав голову, вера сумела выжить в СССР, а церковь – сохранить минимальное влияние и авторитет? К сожалению, есть основания предполагать, что если бы вдруг каким-нибудь чудом церковь освободилась от государственного гнета, церковное сознание едва ли бы переменилось. Причина этого, по мнению отца Сергия, двоякая: она связана и с особым консерватизмом восточной догматики, и с традиционной для России общественной пассивностью церкви, сосредоточенностью православия на личном спасении.

В ряде работ о. Сергий развивал свое понимание новозаветных текстов, близкое к известной на Западе концепции "демифологизации". Согласно толкованию С.А.Желудкова, Евангелия – это "иконы христианства". Они повествуют о жизни и деятельности основателя христианства на языке, который обусловлен эпохой и специфическими обстоятельствами возникновения Нового Завета и не может быть понят буквально. Воскресение Христа, как и бессмертие человеческой души, – сверхразумная тайна, не поддающаяся расшифровке доступными нам средствами. Область тайны разграничивает сферы компетенции религии и позитивной науки, но ни в коей мере не означает их несовместимости; существует язык, на котором с равным достоинством, не унижая друг друга, могут изъясняться вера и разум. Условием и главным качеством веры, противопоставляемой обрядоверию, отец Сергий Желудков считает, вслед за Н.А.Бердяевым, духовную свободу.

Центральным для размышлений С.А.Желудкова нужно считать убеждение, что христианство не есть идеология и не сводимо ни к системе верований, ни к перечню догматов. Ядром христианства является этический кодекс, заповеданный Христом и поддерживаемый особого рода "онтологическим" оптимизмом. Этого оптимизма не может быть, по мнению С.А.Желудкова, у атеистов, не верящих в вечную жизнь и существование абсолютно благого божества (что превращает для них в абсурд всякое бытие вообще), но это отнюдь не значит, что атеисты отлучают себя от христианства и Христа. В мире больше христиан, чем нам кажется. Примеры истинного следования заветам Христа, образцы высокой человечности отец Сергий находит у людей, которые формально не верят в Бога, но, быть может, ближе к Нему, чем иные громко возглашающие о своей вере христиане. Таков, например, Сахаров.

"В представлениях христианства Бог не "за границей", – писал о. Сергий – Он везде с нами там, где мы позволим ему быть в нашей человеческой жизни... В том-то и дело, что христианство – это не только вероисповедание, христианство – это духовная и культурная сила, действие Духа святого, который дышит, где хочет, и в этом своем качестве христианство давно уже "вышло из берегов" церковных исповеданий."

АРХИВ

ИНФОРМОТДЕЛ ОГПУ г.МОСКВА. **С.СЕКРЕТНО**
Обком ВКП (б) – т. РАКИТОВУ. **СРОЧНО**
ОблКК – т. ЕГОРОВУ.
Облисполком – т. КЛЯВИНУ.
Отв.Секретарю Смолокружкома ВКП (б) т. АРХИПОВУ.
Отв.секретарю Смолгоркома ВКП (б) т. БЫХОВСКОМУ.

1-го мая с.г. на митинге в дер. Ольшаница, Дятьковского района Брянского округа, по инициативе Пред. сельсовета был поднят вопрос о закрытии местной церкви и передачи ее под культурные нужды школы семилетки.

Со стороны присутствующих гр-н на митинге возражений против закрытия церкви не было, а также не было возражений со стороны верующих и при юридическом оформлении ее закрытия, в результате ГИКом было вынесено постановление – "церковь закрыть", с указанием двухнедельного срока обжалования во ВЦИК.

Вследствие того, что в течение двухнедельного срока со дня вынесения ГИКа никаких обжалований не поступало, 7/VIII - с.г., по поручению Дятьковского Рика и Райкома ВКП (б) на место для закрытия церкви выехали Нач. Райадмотдела с агентом УРО и Нач. ведмилиции по охране Дятьковского хрустального завода. По приезде ими было предложено церковному старосте сдать ключи от церкви, – староста ключи сдать отказался, вызванный же ими священник церкви явился в нетрезвом виде и в сопровождении женщин-кликуш, в результате вокруг передачи церкви завязался горячий спор, при чем двое из толпы, пришедшей со священиком, – женщина Колганова и старик лет 70-ти Дроздов забрались на колокольню и ударили в набат. На зов в набат сбежалось с полей, с серпами и кольями, до 300–350 чел. женщин, которые разогнали представителей, прибывших для закрытия церкви.

Интересуясь массовым сопротивлением женщин – выяснено: что со стороны местных партийных и общественных организаций среди населения совершенно не было проведено никакой подготовительной работы по созданию соответствующего мнения о закрытии церкви. Даже сами партийные ячейки не рассматривали и не обсуждали данный вопрос на своих партийных заседаниях и собраниях, а ограничились лишь только решением Пленума с/с и постановкой данного вопроса на митинге – 1-го мая.

Сейчас, поскольку вопрос о закрытии церкви вылился в острую форму сопротивления, на места выбыли представители от райпарткома ВКП (б), Окрпрокуратуры и Окротдела ОГПУ.

Зам.ПП ОГПУ по Запобласти *Давыдов*
Пом.нач.ИРО *Гройсман*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1930 года, апреля 7-го дня, Я, Начальник Окр. А.О. Начальник Милиции округа Ерохин, рассмотрев материал по делу должностных лиц, допустивших беспорядок в мест. Шумячи,

н а ш е л:

Приблизительно м-ц тому назад по постановлению Обл.Исполкома была закрыта кладбищенская церковь, находящаяся в мест. Шумячи, со снятием колоколов и удалением религиозной утвари. После чего бывш. молитвенное здание стали ремонтировать под клуб. Ремонт был закончен к 30/Ш, но учитывая то, что на церкви еще оставались кресты, то Пред. РИКа тов.Ковалев 29/Ш при встрече с Пред. правления пожарной дружины тов. Комиссаровым предложил ему снять с закрытой церкви кресты совершенно не учитывая то, что 30 марта является базарным днем. Комиссаров в 11-12 час. дня вызвал начальника дружины Казаченкова и предложил ему под колокольный звон (звонок дружины) созвать дружину, не говоря ему, на какой предмет, по сборе дружины Комиссаров запиской (см. в деле записку) уведомил Казаченкова, чтобы часть дружинников шли снимать кресты, но те, не имея приспособлений — отказались, и пошло к церкви только 6—7 чел. Религиозные обыватели местечка, до этого собиравшие нелегальное собрание по отчуждению церкви и зная, что сбор дружинников предназначен для снятия крестов, так как дружинники раньше снимали колокола и, кроме того, в афишах было указано, что 30/Ш состоится открытие Нардома (в бывш. церкви), а открытие с нахождением крестов на здании — невозможно — побежали на звонок к церкви, увлекая с собой безразлично настроенную базарную публику. Сбежавшиеся церковники, кликуши начали мешать производить уборку клуба, бросая палками, и пытались на дверь повесить свой замок. Прибывшей милиции удалось толпу успокоить, а инициаторов беспорядка забрать для выяснения виновности. Назначение открытия Нардома и снятие крестов произошло без учета особенностей мест. Шумячи, подготовки религиозников и базарного дня. Суммируя все изложенное,

п о с т а н о в и л:

1) За проявленную невнимательность со стороны Пред.РИКА тов.Ковалева в деле дачи указаний снять кресты в базарный день, вследствие чего произошел беспорядок, — этот вопрос передать Президиуму Окр.ИК'а для наложения необходимого дисциплинарного взыскания или соответствующего суждения.

2) Для характеристики деятельности работников Шумячского р-на весь материал приобщить к имеющемуся делу.

Начальник Окрадмотдела и Начальник милиции округа *Ерохин*

Закрытие церквей и снятие крестов проводились местными властями по специальному постановлению правительства. Формально для этого требовалось согласие местных жителей, и из приводимых документов хорошо видно, как его добивались. Расшифровка сокращений: ПП ОГПУ — политическое представительство Объединенного Государственного политического управления, ИРО — информационный отдел, КК — контрольная комиссия, РИК (ГИК) — районный (городской) исполнительный комитет. Первый документ относится к 1929 году. Смоленский архив. Публикуется впервые.

Григорий ПОМЕРАНЦ (Москва)

СТРАСТНАЯ ОДНОСТОРОННОСТЬ И БЕССТРАСТИЕ ДУХА

Статья первая

Я глубоко убежден, что никакой единой формулы истины нет. Есть иконы (об этом во второй статье), но формулы нет. Разным людям истина открывается по-разному; и даже при самой большой широте, при самом великом понимании другого, — у каждого своя иерархия ценностей. То, что я готов признать рядом, для другого в самом центре. Мое искреннее признание величия Солженицына так же не удовлетворило его поклонников, как христиан — мусульманское признание Исы пророком Аллаха. Спор неизбежен. И чем дальше, тем больше я прихожу к мысли, которая может показаться читателю странной и даже циничной, хотя я чувствую ее светлой: что предмет спора — не самое важное. Важнее тон.

"Все мы врем, потому что и я тоже вру, но довремся же, наконец, и до правды, потому что на благородной дороге стоим."[1] Главное — не сходить с благородной дороги. Мы субъективны, односторонни. Мы врем лично и врем соборно (это станет ясно, если проникнуть вглубь китайского, вглубь индийского духа и поставить рядом *несколько* соборных культур). Но врать надо честно. Важнее всего для меня не предмет спора, а этика спора. Предметы приходят и уходят, а этика спора остается. Мы до сих пор не изжили полемических приемов Ленина, и десятки лет будем изживать полемические приемы "Глыб". По-моему, лучше проигрыш, но благородный, чем выигрыш, пряча шашки в карман. Начав захлебываться, я медлил, тянул с ответом год или два и кончал работу только тогда, когда просыпалось во мне бесстрастие духа и вымарывало крайности, к которым пришла страстная односторонность. И, наверное, справедливо, что мой "Сон о справедливом возмездии" вызывал две противоположные волны возмущения: советскую и антисоветскую. "Позиция автора, — сказал когда-то Стендаль, — обладает только одним недостатком: каждая партия считает его членом партии своих врагов."

---

[1] Слова Разумихина в романе "Преступление и наказание".

Обе партии во всяком возражении слышат, как полицейский в рассказе А.Франса "Кренкебиль", — "смерть коровам!" Одни не могут простить мне уважения к Солженицыну, другие — критики Солженицына. Все видят во мне противоположную схему и не видят попытки (удачной или нет — не мне судить) подняться над схемами. Вот образцы. Первый — из официального отзыва Института философии по запросу прокуратуры. Текст самиздатский, но кажется достоверным. Автор — доктор философских наук, полковник Модржинская: "Г.Померанц в своей статье "Сон о справедливом возмездии" восхваляет политически грязную и клеветническую деятельность Солженицына, лишь изредка позволяя себе не согласиться с ним..."[1]

Второй и третий — с противоположного берега. "Сказать, что большое, уже на пределе своей эволюции, зло — менее опасно, чем маленькое, еще способное черт-те что дать, и при этом тыкать пальцем в национализм и православие (и кивать на А.И.Солженицына) — слишком дешевая попытка спасти уже надоевший трафарет... В общем, статья тем более мерзкая, что написана талантливым, умным и культурным человеком, который должен же заметить, что, отрицая каннибальское влияние марксистской идеологии и перекладывая вину на природное русское варварство, он и его единомышленники для еще не воскресшего гитлеризма уже утверждают расизм." ("Русская Мысль", 10 апр. 1980 г. Автор — М.Сергеев.) "Г.Померанц выступает адвокатом Дьявола; по росту и удельному весу он маловат спорить с Солженицыным, зато другие качества все есть: одержимость духом зла, хитроумная диалектика и уйма лицемерия. В чем суть его "Сна о справедливом возмездии"? Григорий Померанц не хочет ломки большевизма, а жаждет сохранения оного с легкими модификациями и, главное, при безнаказанности палачей... Припугивая нас православным большевизмом (хотя и сознает, что это сапоги всмятку), он нам норовит подсунуть либеральный коммунизм (а это уже вкрутую!)... Особенно противно, когда Померанц ссылается на христианство![2] Что ж, и Сатана умеет цитировать Священное Писание, а о подобных Померанцу там сказано: "Лучше бы ему привязали жернов на шею..." ("Голос Зарубежья", № 17. Автор — Рудинский.)

Самое главное в споре — интонация. Интонации Модржинской и Рудинского очень сходны. У Сергеева несколько интеллигентнее, но и в официальных советских откликах (по тому же запросу прокуратуры) есть академические варианты. Отвечая на "Глыбы", я боролся с сильным искушением поддаться на интонацию Солженицына, повторить ее; не знаю, до конца ли

---

1 Модржинская меня помнит с 1965 года, когда я в Институте философии выступил с речью против реабилитации Сталина. Для нее — личного секретаря Берии — этот факт важнее других. В рамках ее мировоззрения различия между мной и Солженицыным, действительно, второстепенны.

2 Напротив, Модржинской кажется, что я выступал "с позиций православия".

мне удалось избежать этого. Реплики на "Сон о справедливом возмездии" не вызывают никакого желания встать с авторами на одну доску. Можно только отметить их, сохранить для потомства.

Мои противники спорят по своим правилам, а я спорю по-своему: мне хочется не уничтожить противника, а понять его, пересказать истину, которую он защищает, со своей точки зрения. Рядом с Солженицыным нет места ни для меня, ни для Синявского, ни для Сахарова. Но рядом со мной есть место и для Солженицына, и для Л.Бородина, и для В.Осипова. Я не могу ни одного из них принять, но я могу и хочу каждого из них понять. У нас есть общее поле спора. Я спорю, как депутат от Йорка с депутатом от Ланкастера, чтобы завтра продолжить спор, а не так, как преп. Иосиф Волоцкий с жидовствующими (чтобы посадить в деревянную клетку и сжечь). Сегодня мой пример вряд ли найдет много подражателей. Но, может быть, завтра вопрос об этике спора захватит еще кого-нибудь, и ниточка потянется дальше.

Впрочем, я вовсе не поручусь, что так выйдет. История может не утвердить мой проект. Я все равно не могу иначе. И в этом (в осознании себя и в верности себе) — моя опора. Каждая личность, осознавшая себя, не зря говорит и не зря действует. Зачем-то все это нужно.

Чем крупнее мой противник, тем лучше. Духовные ничтожества не допускают личного к себе отношения. Я не вступал в конфликт с рылами (Ноздревыми), гадами (Смердяковыми) и Ракитиными (образованцами), я их просто описал в "Квадрильоне"[1] как зоологические виды. Спор возможен только с достойным противником. И я всегда рад отметить удачи Солженицына: это придает больший смысл полемике с тем, с чем я не могу в нем примириться.

Мне доставил искреннюю радость образ Твардовского в "Теленке". Рядом с таким праздником искусства отступают на второй план пристрастные и односторонние оценки "Нового мира", его редакции и редколлегии, сравнение "Нового мира" с "Октябрем", политические уроки Сахарову... Я полюбил Твардовского именно таким, каким Солженицын нарисовал его, переступив через все литературные приличия, — почти как Абрам Терц в своих "Прогулках с Пушкиным".

Солженицын, всегда увлеченный и захваченный какой-то одной страстью, в разных настроениях изображал Твардовского то саркастически, то с любовью, то с жалостью. Одна характеристика исключала другую. Но художественно, по ту сторону логики, они соединялись, не сливаясь, в одно целое, в котором была и острота, и глубина, и субъективность, и объективность. Острые углы, торчащие во все стороны, так и остались несглажен-

---

1 См. "Неопубликованное", Мюнхен, 1972.

ными — и это прекрасно. Почему-то без односторонности, без субъективности, без этих искажений выходит и менее объективно, не получается какая-то высшая, сверхобъективная правда. Внутренний спор, столкновение разноречивых характеристик, каждая из которых откровенно односторонняя, возносит иногда в какое-то высшее бесстрастие духа, как бы в центр циклона, где среди бури и грома царит полная тишина.

Так это в романе Достоевского, и может быть потому, что Достоевский, среди всех своих страстей, знал глубокую тишину, умел затихнуть (в созерцании заходящего солнца, в молитве). Через несколько минут страсти брали свое, но высший миг где-то непостижимо длился, сохранялся в вере, что он вернется, в надежде, в любви к нему — и иногда действительно возвращался. На этом камне утвержден роман Достоевского, как церковь на отступнике Петре. Страстная односторонность роздана персонажам, в последних трех романах — и рассказчику (одна из функций рассказчика — воплощенная захлестнутость полемикой), а высшее, глубинное я, открытие вечности, сохраняет бесстрастие духа и из этой точки покоя удерживает композиционное единство романа, создает ось, вокруг которой вращаются страсти...

Солженицын, создавая образ Твардовского, скорее стихийно гениален. Впрочем, что мы знаем? Может быть, писатель, если Бог даст ему долгие дни, вернется к тому, что ему удалось, и превратит удачи в принцип, в осознанный художественный прием.

В "Круге", очень обдуманном, перо автора сковано его умом, жаждущим справедливости, и именно от этого часто несправедливо. В "Теленке" оно умнее его самого. И справедливее его самого, не подымая автора на пьедестал, не возвышая над другими, как Нержина. Напротив, Твардовский, как его нарисовал Солженицын, симпатичнее Солженицына...

Бывает, что гармоническое, целостное чувство истины есть в первой же фразе и остается до конца. Такое искусство плавает где-то над страстями... Но, увы, — большинству оно кажется абстрактным. Как живопись Владимира Вейсберга, упорно рисующего одно и то же: свет, из которого таинственно рождается цвет. Абстрактность — это иногда иллюзия нашего ума, захваченного частностями и способного только *мыслить* целое, отвлеченно сознавать его, а не чувствовать. Хотя все наши страсти — ничто в сравнении с верховным переживанием живой вечности.

Начав искать примеры гармонической целостности, я сперва сбился и по ассоциативному ходу стал думать о благородной сдержанности: Г.П.Федотов, Вл.Соловьев... Благородная сдержанность довлеет философии, в высоком искусстве бесстрастие духа и страсть "неслиянны и нераздельны". Как у Баха:

И ты ликуешь, как Исайя,
О рассудительнейший Бах!

В совершенном искусстве, как в совершенной любви: начинаешь в нежности, не теряешь нежности ни в каком взрыве страсти и возвращаешься к нежности (как море, ритм которого — один и тот же в тишине и в буре; только другой размах волн). Но где это совершенство сегодня, сейчас? В русском искусстве оно угасает вместе с иконой старого письма. В литературе Нового времени нет целостности более глубокой, чем роман Достоевского, а он весь построен на pro и contra ; он антиномичен, как мысль Абеляра (у которого Достоевский взял эти термины).

В наши дни, на переломе от Нового к какому-то нивесть какому времени все слишком напряженно, разорванно, кричит от боли. Сдержанно-объективное искусство Томаса Манна кажется иногда стилизацией. Даже философия не может обойтись без крика и уже сто лет вторит подпольному человеку Достоевского. Сверхобъективность, страстно вырастающая из бесстрастия духа, почти немыслима. Я знаю, что она есть, я с ней встретился, я с ней живу рядом, но очень редко она мне самому дается. Я могу ее слушать, но во мне она редко говорит. Объективность дается нам только через субъективность, через вскрик, с которого мы не требуем справедливости, не требуем строгости суждений. И поэтому современное искусство и современная мысль почти всегда кого-то оскорбляет или раздражает.

Почему новомирцы обиделись? Почему они не заметили, что пьяный Твардовский вышел обаятельнее, чем в прилизанных некрологах? Почему никто не увидел, что в какой-то миг Солженицын отодвигает себя назад, перестает судить и захвачен любовью? Что идейный противник, либеральный коммунист, изобретен пером художника, а не полемиста (как все левые в его романах)? Что это нравственная победа писателя? Почему бросились в глаза обидные частности и заслонили целое?

Я думаю, что прежде всего потому, что целое, складывающееся из логически несовместимых оценок, вообще трудно схватить. Снова и снова я возвращаюсь к этому и опять буду возвращаться. Чувство целого, побеждающее логическую и эмоциональную разноголосицу, — довольно редкая вещь. Во всяком случае, оно редко не бывает хрупким, уязвимым; оно редко не глохнет, если его оскорбило обидное слово. Солженицын ослеп, прочитав в статье Синявского-Терца: "Россия-мать, Россия-сука". Лакшин ослеп, прочитав в книге Солженицына обидные слова о Твардовском. И дело не в том, что Солженицын и Лакшин были еще и лично задеты, что их гнев за Россию и за Твардовского был не совсем чист.[1] Обиделись ведь и другие. Лично обиженные, захваченные своей обидой, выступили как рупор общей обиды.

---

[1] В "Литературном процессе" Синявского-Терца были шпильки лично Солженицыну; в "Теленке" — саркастический разбор характера Лакшина.

Весь новомирский круг обиделся на Солженицына, потому что живой образ Твардовского столкнулся с иконой. Не нарисованной на доске, не освященной церковью, но уже горевшей в сердце. Потребность в иконе гораздо шире, чем вера в Бога. У атеистов есть свои догматы, свои иконы. Даже свои мощи (в мавзолее). Твардовский, после успения, стал иконой. В сердцах новомирцев он творил чудеса. А Солженицын не обратил никакого внимания на процесс беатификации редактора "Нового мира" и написал о своих отношениях с живым человеком так, как эти отношения складывались. И это было кощунство, святотатство. Я не чувствую здесь кощунства, потому что я не новомирец. И не потому, что для меня всякое кощунство условно, конфессионально. И христианам, которые с иронией смотрят на новомирские святыни, я могу напомнить Христа: "Простится хула на Отца и Сына, не простится только хула на Святой Дух". А вы — простите, на Сына? А вы — не хулите Св. Дух, веющий, где хочет? В том числе и в Будде? А ведь его даже благородно-сдержанный Федотов поносит.

Я убежден, что в трилогии Синявского-Терца ("Голос из хора", "Прогулки с Пушкиным", "В тени Гоголя") нет хулы на Святой Дух; что крайности в этой трилогии уравновешивают друг друга. Но чтобы понять это, надо прежде всего почувствовать три книги как трилогию, как три части одного целого, нераздельного, как "Ад", "Чистилище" и "Рай". А в этом я почти одинок. Мнения читателей об отдельных книгах Синявского резко расходятся, но целого трилогии не чувствует почти никто. И почему записки о лагере, эссе о Пушкине и исследование творчества Гоголя — одно? Даже одна книга (о Гоголе) очень многими (по крайней мере, в русской диаспоре) не воспринимается как целое. Воспринимается "черный Гоголь" (серебряный не замечен); воспринимаются проклятия основоположнику социалистического реализма (не замечены благословения). Ибо задет догмат. Ибо плюнули в икону. Остальное не имеет значения. Никто, кажется, не заметил, что Синявский-Терц строит образ Гоголя примерно так же, как Солженицын образ Твардовского, только более обдуманно, из логически несовместимых характеристик, складывающихся в сверхлогическое целое. Гоголь — живой собеседник Терца, и отношения между ними так же противоречивы, как часто бывает в жизни. Терц любит Гоголя до обожания ("Серебряный смех"); Терц его ненавидит ("Мертвые душат"); Терц пытается понять секрет гоголевского колдовства ("География прозы"). Последняя глава, где Терц пытается показать возможность синтеза, убеждает только в том, что логический синтез, при всем блеске мысли Синявского, оставляет что-то в стороне. Книга толкает в сверхлогическую бездну, где смутно мерцает целое. Я испытываю наслаждение полета; но я понимаю, что та же бездна может отталкивать (привык, по опыту всей моей жизни, к отвращению, которое у многих хороших и умных людей вызывает Достоевский). И кое-какие частности тоже могут отталкивать...

Меня лично оттолкнул Эпилог (поставленный вперед как введение).

Мысль там становится чересчур прямолинейной, раздражающе публицистичной. Это не плод любви к Гоголю (где за всякой ссорой следовало примирение), а бесенок, рожденный суккубом полемики.[1] Я с трудом перешагнул через Эпилог, там есть верные частности, но тон в целом неверен. Потом уже книга, вопреки Эпилогу, увлекла... Думаю, что многие читатели, после раздражения, вызванного Эпилогом, уже ничего не способны увидеть, кроме новых бандерилий...

Я, впрочем, встречал людей, которые не вынесли главы "Мертвые душат". Тон там беспощадно судейский. По-моему, уравновешенный влюбленным шепотом главы "Серебряный смех" (и уравновешивающий эти признания в любви). Противоречиво — но не более, чем два показания Катерины Ивановны на суде. Образ Мити создается именно совокупностью двух показаний, а не каким-то одним. В одном Митя Мадонны, в другом — Митя Содома. Если не считать Гоголя святым, если относиться к нему, как к человеку, доступному обыкновенному человеческому суду, то можно и Гоголя судить по тем же правилам, как Митю... Но для некоторых читателей Гоголь неприкосновенен (как святой, которого церковь когда-нибудь канонизирует, или как гений). Ибо он жил в духовных борениях, нам недоступных. Гоголь действительно гениален. И борения его действительно связаны с какими-то глубинами, выходящими за поле зрения читателей. Так что если судить его, то из этих глубин, как пытается это сделать Даниил Андреев: "...Есть еще ряд гениев нисходящего ряда, гениев трагических, павших жертвой не разрешенного ими внутреннего противоречия: Франсуа Вийон и Бодлер, Гоголь и Мусоргский, Глинка и Чайковский, Верлен и Блок. Трагедия каждого из них так бесконечно индивидуальна, она еще так глубока, так исключительна, так таинственна, что прикасаться к загадкам этих судеб можно только с величайшей бережливостью, с целомудрием и любовью, с трепетной благодарностью за то, что мы почерпнули в них, меньше всего руководствуясь стремлением вынести этим великим несчастным какой-либо этический приговор" (из книги 10-й "Розы Мира").

"В специфических условиях реального культурно-исторического процесса, — продолжает Андреев, — нередко, а в XIX веке особенно часто, бывает так, что негасимое в душе вестника чувство своей религиозно-этической миссии вступает в конфликт с реальными возможностями своей эпохи и с художественным "категорическим императивом", свойственным его дарованию". "Такого конфликта не знали Андрей Рублев и строители храма Василия Блаженного", не знал Достоевский, сумев "преодолеть неблагоприятный... психологический климат времени". Гоголь же, и отчасти Лев Толстой, разрывались между своим этическим призванием и призванием художника-реалиста.

---

1 Суккуб — разновидность беса, вступающего в половую близость с человеком.

Даниил Андреев совершенно отвлекается от вопроса, как наследие Гоголя было использовано, какую роль ему навязали потомки. Отсюда сочувственное спокойствие его анализа. А Терц нетерпим, потому что Гоголь воспринимается им через призму гоголевской роли в советской идеологии. Надо было бы обособить эти два предмета, — собственно Гоголя и его советскую тень. Но тень эта — впервые описанная Синявским-Терцем — реальна и достойна исследования. История навязала Гоголю одновременно две противоположные роли: Гоголь становится иконой в эмигрантском иконостасе. Гоголь становится кариатидой сталинского идеологического фасада. Терц постоянно видит перед собой эту кариатиду, не может от нее отвлечься, а судят его эмигранты, для которых Гоголь прямо и просто свят. Человек плюнул на кариатиду — а судят его за оскорбление иконы.

Глухой глухого звал к суду судьи глухого...

Для богомольного человека — и особенно для богомольного эмигранта (потому что эмигранты особенно богомольны) — чудовищно уже то, что Синявский-Терц вообще склонен к кощунству. Можно представить себе, как воспринимает Терца Роман Гуль, если Борису Зайцеву казалось, что Марина Цветаева пахла серой (сивилла — как обыкновенная ведьма). Мне всю жизнь хотелось понять то, что не лежит на поверхности, что представляется необъяснимым; и кажется, я подхожу здесь к разгадке чудовищной и необъяснимой, по первому моему впечатлению, охоты за ведьмами, жертвой которой стал Синявский. Вслед за Цветаевой. Я выношу за скобки то, что различает две травли. Я хочу подчеркнуть общее.

Синявский действительно склонен к кощунству. Это и личная его черта (как отсутствие иммунитета к болезни), и эпидемическая (как болезнь). Над переломными, кризисными эпохами Нового времени (барокко, романтика, декаданс) носятся, наподобие вирусов, влечение к кощунству и страх перед кощунством. Влечение к кощунству постепенно крепнет, страх слабеет. Ересь стала похвальным словом; догма, ортодоксия — ругательствами. Напрасно доказывают, что средневековые еретики себя еретиками не считали, что они, напротив, считали еретиками своих противников. Это так, но это было давно и неправда.То есть тогда, может, было так, а теперь совершенно потеряло значение. И Синявский-Терц, связанный с культурой Запада, как связана была вся петербургская Россия, — сын своего больного времени. Демон превратности, искушавший Бодлера и Ницше, приходил и к нему.

Но кроме того, Синявский-Терц еще сын своей страны. Не идеальной России, а той самой, в которой он рос. В которой Бунина, этого злого антисоветчика, стали печатать сразу после его смерти, оставив плесневеть в Париже книги кроткого Ремизова, потому что Ремизов — причудник, модернист, а мировой державе нужна была классика и был глубоко противен модернизм, где все как-то разваливается на куски, и кикиморы корчат вам рожи. Дело не в том, что Бунин гений, и власть уступила величию культуры. Если кого можно поставить сразу после Достоевского и Толстого, то

Набокова. Но Набокова советская власть не торопится признавать. На что бюрократам "Приглашение на казнь"? Им нужно твердое классическое чувство прочности жизни (а не возможность любоваться бабочками, когда мир рушится. Или пронзительное ремизовское чувство жалости).

Синявский вырос в Москве, где памятник Свободе убран и заменен памятником князю Долгорукову (на коне, специфический орган которого был, по слухам, отпилен по указанию целомудренного министра культуры). В Москве, превратившей Пушкина, Гоголя, Толстого и Чехова в кариатиды, поддерживающие правительственный балкон. И концепция социалистического реализма, за которую (вместе с прочими своими грехами) Синявский отсидел пять с лишним лет, основана на этой реальности. На том, что Пушкин и Гоголь стали членами политбюро.

Когда-то Троцкий пошутил,что Белинский, если бы жил в наши дни, стал бы членом политбюро. В 1939 году я услышал от старшего друга (не объяснившего мне, правда, сразу, кого он парафразировал): Пушкин стал, наконец, членом политбюро... Потом он прибавил: а товарищ Гоголь — кандидатом...

В дискуссии о классике, которую затеял Палиевский и продолжил журнал "Поиски", уже отмечалось (Прыжовым), что юбилей Пушкина (в 1937 году) затмил любые юбилеи Маркса. Это не было уступкой народной любви. Это не было простой декорацией, одной из тех, за которыми в застенках выламывали руки, отбивали почки... Нет, политический маневр был задуман и выполнен надолго и всерьез. С юбилея Пушкина советская власть переносит центр своих идеологических опор на русскую классику. Подведена черта заклятой дружбе с левым искусством (Ленин и Сталин его никогда не любили). Вслед за Пушкиным символом советской власти становится Гоголь. Грустный Гоголь скульптора Андреева заменен бодрым Гоголем Томского, устремившим взор к коммунизму.

Практика социалистического реализма интерпретирует Гоголя по-своему:

Нам нужны
Подобрее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали...

Но точкой отсчета остается Гоголь. Если слово реализм сохраняет обаяние, то благодаря гоголевской школе, выросшей (как сказал или якобы сказал когда-то Достоевский) из "Шинели". Не знаю, в какой мере Маркс отвечает за сталинизм; но если отвечает, то и с Гоголя некоторым образом можно спросить за соцреализм. Соцреализм использует Гоголя и Пушкина, как "реальный социализм" — Маркса и Энгельса. И сейчас Палиевский, отыскивая возможность нового маневра, чтобы сохранить структуру Архи-

пелага и отбросить надоевшую бумажную жвачку, опирается на ту же классику. И Шиманов противопоставляет ее Кафкам, Набоковым и Прустам.

Вот ситуация, которую остро чувствовал Синявский, сидя в лагере и сочиняя письма жене, из которых смонтирована книга "Прогулки с Пушкиным", или обдумывая будущую книгу о Гоголе. Ему несомненно доставляло удовольствие плевать в юридически незащищенную часть официального фасада.

Начал это не он. Началось — еще в сталинские (и первые послесталинские) годы. Из щелей, в которых отсиживалась интеллигенция, выползла пародийная песнь, со швейковским верноподданническим идиотизмом советизировавшая Шекспира и Толстого. Почему именно их? Наверное, потому, что Шекспир — "титан эпохи Возрождения", а Толстой — "зеркало русской революции". Поплевывали так, чтобы несколько брызг попало с одной классики на другую. Нарочно путали имена, даты, — например, смешивали Софью Андреевну с Александрой Львовной и клеймили за антисоветские выступления:

Позор, позор тебе, нахалка!
Позор тебе от всех людей!
А Лев Толстой горит как факел
Коммунистических идей!

Так начался советский карнавал, предсказанный Бахтиным. Пародийная песня впервые вывела на подмостки героев Галича, впервые взглянула на классику глазами вора (точка зрения, которую Терц развил, оказавшись в гротескной жизненной ситуации). Во второй половине 50-х годов, когда гайки ослабли, пародийная песня разлилась широкой рекой, сливаясь и смешиваясь с лагерной. Трагедии Шекспира травестировались одна за другой. При мне в Библиотеке иностранной литературы — в 1956 или 1957 году — были травестированы "Король Лир" и "Ромео и Джульетта". Я не знаю остальных авторов пародий, поэтому сообщаю о единственном известном мне случае: очень достойные женщины; одна из них в сталинское время передала в шарашку словарь Даля. Выйдя на волю, Солженицын послал ей горячее благодарственное письмо. Ручаюсь за то, что Шекспира она любила (и знала в подлиннике от корки до корки); так же, как Синявский Пушкина. И, конечно, не над Шекспиром издевалась. Как Синявский не над Пушкиным.

Потом, в шестидесятые годы, в карнавальный хоровод вступили, приплясывая, прямые герои советского исторического мифа (из фильмов "Ленин в Октябре", "Ленин в 1918 году", "Чапаев"). Из этого фольклора вырос впоследствии "Любимов"...

Служилая интеллигенция, освобождаясь от гипноза страха, наглела. На одном из капустников хрущевского времени так и пелось:

Мы с Пал Палычем вдвоем
Обнаглели — и поем...

Серьезность выворачивалась наизнанку, оборачивалась (по Бахтину) материально-телесным низом.[1]

Из Потьмы, в подцензурных письмах, про фигуры на балконе так прямо нельзя было. Пришлось вернуться назад, к первому действию карнавала — к фигурам под балконом. Почему только Толстой? Почему не столкнуть Пушкина — героя анекдотов — с советской кариатидой? Почему не связать двух Пушкиных (трех Пушкиных — был еще вор Пушкин) гротескно-нелепыми связями? "Жуковский — старший преподаватель..." "Ломоносов сказал: поэтом можешь ты не быть..." Старший преподаватель — должность советского пушкиниста, наводящего на Александра Сергеевича хрестоматийный глянец. Ломоносов — указание на век от Некрасова. Не назад (нелепо), а вперед, к неназванному, запретному автору статьи "Партийная организация и партийная литература". Поэтом можешь ты не быть, но коммунистом быть обязан...

А в это время в эмиграции шел противоположный процесс. Там складывалась русская диаспора. Но диаспора невозможна без своего священного писания. И тот же Пушкин, тот же Гоголь становились эмигрантскими иконами, монтировались в эмигрантский иконостас.

Я уже писал, что евреи растворились бы среди народов, если бы не превратили себя в народ-церковь. Потом на этот путь стихийно встали другие самобытные народы древнего Ближнего Востока: армяне и копты, сирийцы и ассирийцы. И вот настала очередь русской культуры, вышвырнутой на реки Вавилонские, бежавшей от очередного взрыва административного восторга, как казаки-некрасовцы бежали в Туретчину от Петра...

Оглядываясь на историю диаспоры, можно заметить много неожиданных, своеобразных путей, на которых какая-то этническая группа превращается в народ-церковь. Евреи жили в окружении язычников, и в противовес язычеству они развили монотеизм. Армяне, сирийцы, ассирийцы, потомки финикийцев жили в окружении греческого православия; и в противовес православию, спасаясь от растворения в новом византийском этносе, они схватились за ереси: монофизитство, несторианство, монофелитство. Отдельные личности совершали другой выбор (Исаак Сирин, Ефрем Сирин). Но народы сохранились благодаря особой разновидности монотеизма. И русской диаспоре надо было осуществить то, о чем беседовали Ставрогин

---

1 Вырвавшись на Запад, Александр Пятигорский четырежды упомянул материально-телесный низ в статье о французском философе, которого, мне кажется, вполне можно было понять, не опускаясь ниже пояса; но такова инерция московских привычек.

с Шатовым: национализировать Бога, создать свою особую русскую веру.

Диаспора диаспоре рознь, и какую роль сыграет русская диаспора — трудно сказать. С чисто религиозной точки зрения она не претендует на новшества. Сплотившись вокруг православной церкви, найдя в церкви единственный кусок почвы, которую можно было унести на своих подошвах, эмигранты пытались пересадить на ту же почву, в тот же церковный дворик все святыни своей культуры. Нечто аналогичное испытали и внутренние эмигранты. Об этом впервые написал Шульгин. В советской Москве, в советском Киеве только в церкви ничего не изменилось. Те же облачения. Те же возгласы. Православную литургию революция не смогла переменить... И эта незыблемость обряда и предания становилась стержнем нынешнего православного возрождения. Но в эмиграции внешней (в Париже, Нью-Йорке) есть еще внешняя сила, толкающая к национализации православия: с чисто догматической точки зрения, никакого русского православия нет. Есть вселенское (кафолическое) греческое православие, общая религия греков, грузин, румын, болгар, сербов, украинцев и русских. Даже язык, церковно-славянский текст Библии и литургии — общее достояние южных и восточных славян. Для национального самосохранения русской диаспоры надо было создать свой особый дворик в Царствии Небесном, дополнить общую Библию своей русской Песнью Песней, русским Иовом, русской Книгой Царств... И вот Пушкин стал русской Песнью Песней, Достоевский — русским Иовом, история Ключевского (или Соловьева? или, может быть, Карамзина?) — русской Книгой Царств...

И если когда-нибудь советская власть распространится на весь мир и непреклонные эмигранты попадут в нью-йоркскую внутрянку, они смогут закричать, как распинаемые евреи: Шма Исроел... Слушай, истинный Израиль! Слушай, Святая Русь! Православие — вера твоя, вера истинная! И если физическая и географическая Россия рухнет, русская диаспора переживет ее и вернется когда-нибудь на Волгу, сражаться с казанскими татарами за великую русскую реку. Потому что народы диаспоры живучее, чем гои , народы земли.

Вот реальность, с которой Синявский столкнулся в своих книгах о Пушкине и Гоголе. Реальность, с которой я столкнулся в "Снах земли". Истинный эмигрант (внешний и внутренний) так же не способен нас понять, как Лакшин — книгу "Бодался теленок с дубом". Эмигрант обязан проклясть нас и отлучить, как евреи прокляли и отлучили Спинозу. Не потому, что я или Синявский похожи на Спинозу; совсем не похожи ни друг на друга, ни на него. Но сходны функции, сходны роли, которые мы играем по отношению к мумифицированной культуре. Диаспора не может обсуждать и развивать догматы (как обсуждала догматы церковь V–VI веков, как обсуждают догматы поныне католические соборы); диаспора не может допустить сомнительные новшества в иконописи. Окруженная чужими, под постоянной угрозой ассимиляции, она обязана хранить канон

без всяких перемен — иначе внутренний стержень, поддерживающий ее бытие, рухнет. Поэтому Синявский анафема проклят. Поэтому я анафема проклят. Да воскреснет канон и да расточатся врази его!

Прочитав этот пассаж, один из моих друзей заметил, что я вооружаю своих противников. Может быть, и вооружаю; мне главное понять; а вооружатся мои противники или разоружатся — их дело. Но, кажется, я не очень и вооружаю, если довести рассуждение до конца и не выхватывать цитат.

Диаспора — народ-церковь. Из первого народа-церкви Павел построил собственную церковь, тем же способом, которым действовал Сущий (устами своих пророков), — отбрасывая все лишнее. Отбросив народ (несть во Христе ни эллина, ни иудея), оставив связи общин диаспоры, разбросанных по городам Средиземноморья. Римский административный гений завершил работу и создал первую вселенскую организацию, предшественницу ООН, с курией в качестве Совета Безопасности (без права вето за престарелым кардиналом).

Диаспора, однако, осталась сама по себе; любая диаспора несет в себе два противоположных заряда: вселенского духа и отшатывания от этого духа. Церковь-народ, как всякая церковь, больна гордыней вероисповедания, верой в безусловное превосходство своего писания над чужими писаниями. Но конфессиональная ограниченность диаспоры возведена в степень чувством национального самосохранения, а национальная обособленность возведена в степень верой в свой особый завет с Богом. И поэтому евреи, создав христианство, отшатнулись от него; и поэтому несториане и иудеи (возможно — обращенные в иудаизм арабы), сыграв решающую роль в подготовке Мухаммеда к зову в ущелье Хира, отшатнулись от ислама. Народы диаспоры — записные посредники и переводчики, они много раз помогали оплодотворить цветы земли дальней пыльцой, но сами укрывались, как могли, от этой пыльцы и долгими веками приносили скудные плоды. После Рождества Христова негативные стороны диаспоры, вынужденной защищаться от ревности вселенского монотеизма, сильно возросли. Для пророков больше не было места. Однако и во времена пророков дух Исайи сталкивался с этническим партикуляризмом; и в христианскую эру еврейская диаспора давала такие всплески как хасидизм. Непроходимой грани между религией Ветхого Завета и нынешним иудаизмом нет. Диаспора не поделена историей на два куска; она всегда внутренне двойственна.

Я говорил, что почва диаспоры в небе, и я от этого не отказываюсь. Но само небо разгорожено наподобие земли, и каждый народ-церковь держится за свою лестницу в свой рай, за свою букву писания, за свой обряд. В живучести диаспоры есть что-то от нетленных мощей или живой мумии. Ускользание от смерти куплено ценой полноты жизни. И мне грустно наблюдать за процессом мумификации русской культуры: Достоевский свят, Толстой анафема. Солженицын свят, Синявский анафема. Как при мумифи-

кации, вырезается все нечистое и выбрасывается, а оставшееся бальзамируется. Мумия может после этого сохраниться 5000 лет.

История диаспоры показывает то, что всякое другое поведение кончается самоликвидацией. Но в Москве есть выбор. Есть возможность жить в мире открытых вопросов. И когда москвич отказывается от неведомой и опасной дороги и сворачивает на утоптанную эмигрантами тропу, мне это кажется нравственно ущербным (отказ от свободы), интеллектуально ущербным (отказ от широты кругозора) и неплодотворным для культуры. Хотя, может быть, для политики здесь открываются золотые россыпи...

Мне всегда мешали шоры, в которых положено было смотреть на светлое будущее: ни вправо, ни влево, угол зрения 30°. И вот сейчас опять — ни вправо, ни влево. Только вместо уклона — ересь. Вместо временного расширения кругозора — новое сужение.

Впрочем, может быть, шоры и не снимались? Может быть, расширение оказалось мнимым? Или таким болезненным, что привычка к узости легко победила? Чем расширять кругозор, чем открываться бездне, насколько проще — в тех же шорах, с тем же углом зрения 30°, ставшим второй натурой, повернуться от коммунизма к самодержавию, православию, народности?

Мысленно возражаю себе: сужение интеллектуального кругозора может быть оправдано как ступень духовного ученичества! Чтобы двигаться вглубь, нужен узкий колодец; вверх — ограниченная перилами лестница. Плодотворнее всю жизнь решать один коан (одну задачу), чем прочесть тысячу. Это проверено практикой буддизма чань (японский дзэн). Но отсюда в практике дзэн не следует, что мой коан истина, а остальное ложь или истина второго сорта, неполная истина (а полная — только в моем монастыре). Сосредоточенность на духовной задаче не требует фанатического отрицания других путей, других задач; то есть всего того, чем запятнана история монотеизма. Можно сохранять широту интеллектуального кругозора до 180°, вмещать в свой ум и pro и contra, и еще что-то сверх этого, и твердо идти своим духовным путем, решать лично свою духовную задачу. Фанатизм неофитов — от недостатка духовной культуры, от непонимания разницы между сферой догматов и сферой интеелектуальной и духовной свободы...●

Борис ХАЗАНОВ (Мюнхен)

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. ИСТОРИЯ БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ

Определяйте слова, сказал один мудрец, и половина споров станет ненужной. Русское слово "интеллигенция" не имеет эквивалента в западноевропейских языках; хотя оно в точности воспроизводит латинское (точнее, новолатинское) слово intelligetia, смысл его существенно иной. Интеллигент в России — совсем не то, что на Западе интеллектуал.

Что же именно? К сожалению, — а может быть, к счастью, — совет Декарта в нашем случае невыполним. Полистав словари, убеждаешься, что в определениях, притязающих на научность, исчезло что-то очень важное. Это "что-то", возможно, и составляет душу интеллигенции. Ибо интеллигенция, это странное порождение русской жизни, не может быть описана ни как чисто социальный, ни как чисто культурный, ни как вполне психологический феномен. Интеллигент — это судьба. Удовлетворит ли когонибудь такая дефинация? Если бы мы имели возможность опросить русских образованных людей разных эпох, что они думают о себе как об общественной группе, — получили бы мы одинаковый ответ? И все же общим для всех было бы убеждение, что для того, чтобы понять, что значит быть интеллигентом в России, надо им быть, совершенно так же, как понять Россию можно только если в ней живешь. Итак, согласимся, что в определение интеллигенции входит невозможность дать ей четкое определение, и выразим скромную надежду, что смысл и природа русской интеллигенции, величие и ирония ее судьбы хотя бы отчасти станут яснее для нас, если из темных дебрей нашего опыта мы оглянемся на ее прошлое.

В черновиках оды Пушкина "Памятник" упомянуто имя Радищева. Этого человека можно считать родоначальником русской интеллигенции.

Александр Николаевич Радищев, напечатавший в 1790 г. "Путешествие из Петербурга в Москву" на домашнем печатном станке, поплатившийся за это смертным приговором и помилованный императрицей, которая заменила виселицу ссылкой в Сибирь, был первым русским писателем послепетровской эпохи, чья точка зрения на положение в стране радикально разошлась с точкой зрения правительства. Под фразой, открывающей его книгу: "Я взглянул окрест себя — душа моя страданиями человечества уязвлена стала", могли бы подписаться все поколения интеллигенции; внуками Радищева, сознавали они это или нет, были и дважды умерший на эшафоте Рылеев, и эмигрант Герцен, и Некрасов, и Достоевский.

Если Радищев был дедушкой интеллигенции, то ее отцом стал Петр Чаадаев. От первого она унаследовала сочувствие угнетенным; второй научил ее философствовать. Чаадаев — загадочная фигура. Значительная часть его рукописного наследия исчезла, о оставшиеся сочинения даже в России известны немногим. Единственный сохранившийся портет изображает российского европейца двадцатых годов, надменного щеголя в высоких воротничках, с бритым моложавым лицом и сверкающим черепом. Блестящий гвардейский офицер, герой войны с Наполеоном, Чаадаев внезапно оставил службу и укатил в чужие края. В Эрлангене он подружился с Шеллингом и вел с ним долгие беседы, в Париже встречался с Ламенне, в Риме стоял в толпе, благоговейно взиравшей на „священного старца в тройной короне". Спустя несколько лет он вернулся в Москву, где вел жизнь одинокого чудака-философа, изредка появляясь в салонах и смущая светскую публику желчными парадоксами. Когда в середине тридцатых годов один московский журналист напечатал его „Философическое письмо", первый из цикла опытов об историческом пути России, автор был объявлен сумасшедшим, журнал закрыт, а издатель сослан.

С тех пор почти восемьдесят лет ничто из написанного им не появлялось в подцензурной печати. Перед революцией, когда цензурные ограничения были сняты, сочинения Чаадаева вышли в свет, но в СССР он вновь состоит как бы под негласным запретом. Это легко понять. Советский патриотизм сороковых, пятидесятых или даже восьмидесятых годов мало отличается от патриотизма николаевской выделки, впечатляющую декларацию которого мы лишь теперь можем оценить по достоинству: „ Прошлое России величественно, ее настоящее великолепно, что же касается будущего, то оно превосходит все доступное самому дерзкому воображению". Между тем Чаадаев, по крайней мере в первом „Письме", поставил России едва ли не самый безнадежный диагноз. Эта страна выпала из мировой истории. Существование нации, подобно жизни отдельного человека, должно иметь какой-то высший смысл, у народов и государств есть свое назначение, которое реализуется в их истории. Наследница „гнусной" Византии, Россия отлучила себя от великого человеческого единства, каким представлялся философу западноевропейский мир, и обречена на затхлое бездуховное существование где-то на обочине столбовой дороги, по которой шествуют цивилизованные народы. Ее история бессмыслена. Ее прошлое позорно, настоящее малосимпатично, а будущее более чем сомнительно. В России историю поглотила география. Таков был, по выражению Осипа Мандельштама, „строгий перпендикуляр", проведенный Чаадаевым к извечной славянской мечте о золотом веке, будто бы достижимом ценой прекращения истории, и самодовольной уверенности, что Россия сама в себе — целый мир.

Стоит заметить мимоходом, что такой взгляд на тысячелетнюю Святую Русь как на страну без собственной культуры и цивилизации был не только не нов, но, что существенней, вовсе не обязательно означал, что на этой стране надо поставить крест. В памятной записке Лейбница, поданной

на имя Петра Первого, где великий немец, одинокий и уставший от европейских интриг, излагал план развития просвещения и науки в России, указывалось, как на особое преимущество, на ее нетронутость цивилизацией: здесь можно строить наново, на пустом месте и, следовательно, в самом лучшем и современном исполнении; тогда как Европа, отягощенная грузом прошлого, вынуждена лишь латать и подновлять старое. Как бы ни относиться к такому заявлению, — сколько в нем веры в Россию, в ее будущее! Но явление Чаадаева, этого юноши-старика, само по себе опровергало тезис о доисторической девственности России и отсутствии у нее культурного самосознания: такие мыслители приходят скорее для того, чтобы подвести баланс прошлого, нежели для того, чтобы возвестить о будущем. Более поздние из дошедших до нас „Писем" говорят о том, что Чаадаев нащупывал какие-то пути из тупика; кажется, он считал желательным, чтобы Россия примкнула к католицизму.

Не станем углубляться в чаадаевскую, далеко не расшифрованную метафизику истории; достаточно сказать, что „Философические письма", как и другие сочинения (например, записка для графа Бенкендорфа, написанная в 1832 г. в связи с запрещением журнала „Европеец"), обозначили момент, начиная с которого русская мысль устремилась по двум магистральным руслам. От московского отшельника берут начало западничество и славянофильство — два взаимоисключающих варианта русской идеи, или, лучше сказать, два рецепта спасения страны. В том, что эту страну надо „спасать", что в ней что-то неладно, новорожденная интеллектуальнная элита не сомневалась, и это, может быть, составляло ее главную отличительную черту. С той поры две веры то и дело сталкивали друг с другом два стана интеллигенции, до некоторой степени они поляризуют ее и по сей день.

Сейчас очень трудно говорить об этих двух верах, отрешившись от наших сегодняшних представлений. Концепцию западничества можно условно назвать „французской", ибо она питалась идеями французских просветителей XVIII века; от них она восприняла идею социального прогресса, понимаемого как постепенное приближение к идеалу народоправства, равенства сословий, свободы и суверенности человеческой личности. В столице Петра, на берегу Невы стоит памятник царю-преобразователю — всадник в лаврах, с рукой, простертой к горизонту. Там, за стрелкой Васильевского острова — золотой полог зари. „Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?" Разумеется, „там" — на Западе! Просвещение народа, отмена крепостного права, конституция. Пока еще мало кто отваживался договорить до конца, что все это значит: что народоправство несовместимо с самодержавием, равенство сословий означает ликвидацию сословий, а суверенитет личности осуществим в этой стране лишь ценой разрушения всей системы вековых институций и ценностей. Прежде надо было решить главный вопрос.

Точку зрения славянофилов, у которых было много общего с романтиками Иены и Гейдельберга, можно назвать „германской". В этом смысле их источники были свежее. Сама же концепция выглядела нарочито архаи-

ческой. (Типологическое сходство с немецкой романтической традицией бросается в глаза и у поздних славянофилов. Не зря ненавистник немцев Достоевский стал их любимым писателем.) И здесь за точку отсчета новой русской истории принимается реформа Петра; но она представляется стихийным бедствием, свалившимся на мирную, благодатную, истинно-христианскую и в высшей степени своеобычную страну. Реформа расколола русское общество, породив оторванное от национальной почвы культурное меньшинство, она стремилась привить нации чуждые ей формы жизни. Но, слава Богу, народ не поддался этой заразе. К народу, хранителю сказок и песен, носителю самобытной религиозности, нужно вернуться, ибо западные нормы общественной и государственной жизни не пригодны для России: у нее свой путь.

Символом западничества был Петербург, российское окно в Европу, изумительный город, построенный русскими мужиками среди финских болот, под руководством итальянских и французских архитекторов. Город туманов и влажных ветров, несущих дыхание Атлантики, с прямыми летящими проспектами, гранитными набережными и мостами, с классической стройностью и барочным великолепием Зимнего дворца, чугунным ангелом, обнимающий латинский крест на вершине Александрийского столпа, и золотым шпилем Петропавловской крепости, стерегущей морские ворота России от шведов. Символом славянофильских упований, напротив, оставалась старая Москва. Москва, древняя столица князей, полувосточная красота которой поразила Наполеона, Москва, сгоревшая и отстроенная заново, чья прихотливая,чувственная, органически-национальная женственность как бы противостояла военно-дисциплинарному, мужскому и официальному духу Петербурга; город невысоких домов и кривых запутанных переулков, в белой кипени яблонь, в крестах бесчисленных монастырей, город, где в неширокой реке, огибающей кремлевский холм, отражаются башни с орлами и за зубчатой стеной грозно блещут купола соборов, похожие на древнеруские шлемы; город, чьи улицы, расходясь лучами, продолжаются в почтовые тракты, исчезая в бескрайних просторах России. Сравнение и противопоставление двух столиц, являющих собой как бы два лица национального мифа, на протяжении всего девятнадцатого века было излюбленной темой русской журналистики, зачином и рефреном вечного спора о двух стезях развития России.

В дальнейшем дороги славянофилов и западников разошлись еще круче: одна линия вела к реакционному православно-монархическому почвенничеству, другая к революционному терроризму „Народной воли". Но не зря автор „Былого и дум" сравнил „наших" и „не наших" с византийским орлом, у которого было две головы, смотревшие в разные стороны, на Запад и на Восток, — но сердце билось одно. У поклонников Европы и апологетов русской самобытности было куда больше общего, чем им казалось. Именно тогда, в кружках московских юношей сороковых годов, питомцев университета, перед которым и сейчас еще стоят почернелые

фигуры Герцена и Огарева, окончательно сформировался тип русского интеллигента, его нравственный и психологический облик, который с поразительным постоянством, напоминающим постоянство биологического генотипа, воспроизводился в каждом следующем поколении и черты которого сохранились в сегодняшних русских интеллектуалах, вопреки всему, что постигло страну. Очертить этот тип можно, в известной мере игнорируя историю, ибо дать систематический очерк эволюции русского общественного самосознания и его носителя — интеллигенции — в краткой статье невозможно. И дело не только в недостатке места. Если можно говорить о смысле истории, то он должен находиться вне самой истории. Русский интеллигент XIX века, каковы бы ни были его взгляды на исторический процесс, всецело ощущал себя внутри этого процесса. Вместе с тем интеллигент был единственным человеком, для которого поиски смысла жизни были дороже самой жизни и разгадка смысла истории — важнее истории. Ему не приходило в голову, что он сам был воплощением этого смысла, который выделила из себя — чтобы не сказать извергла — русская жизнь. Здесь заключена суть того, что объединяло людей разных поколений и делало похожими друг на друга бойцов враждебных станов. Но, будучи носителями смысла, они по необходимости оказывались отлученными от реальной истории, они были лишними, ненужными в этой стране, которая медленно, но неотвратимо двигалась навстречу туманному будущему, не слыша их заклинаний и не принимая их жертв. Таков парадокс русской интеллигенции, вытекающий из ее природы; такова драма ее судьбы.

Мы должны представить себе интеллигенцию и „интеллигентность" не только как особый тип сознания, но и как особый образ жизни. Русский интеллигент выработал свои формы общения и быта, вне которых представление о нем останется отвлеченным и которые тоже, как это ни удивительно, дожили до наших дней. Рассказ Герцена о том, как он был в гостях у Белинского, стал хрестоматийным; в разгар спора входит хозяйка дома и приглашает гостя к столу. „Постой, куда же ты? — восклицает Белинский.— Какой обед, если мы не решили главного вопроса — есть ли Бог?.." Одержимость главными вопросами — отличительная черта интеллигента, но не менее характерны для него и способ решать эти вопросы, и обстановка, в которой он это делает. Русский интеллигент как будто на всю жизнь остался студентом. Карьера его не интересует. Он крайне нерасчетлив, „не умеет жить", вечно сидит в долгах. Его темноватая, небогато обставленная квартира не прибрана, всюду валяются книги. Хозяин неряшлив и ведет довольно безалаберный образ жизни. Все здесь делается кое-как: кое-как едят, кое-как спят. Любимое времяпровождение — сидение в тесном кругу друзей до поздней ночи, за стаканом остывшего чая или рюмкой водки, в густом папиросном дыму, и бесконечные словопрения...

О чем здесь говорят, волнуются, кричат до хрипоты? Все о том же. Уходят годы и сменяются поколения, но темы не меняются. Россия и Запад, народ и Бог. Русский интеллигент склонен к смелым, часто скоропали-

тельным обобщениям, он мыслит широкими категориями, прозаическая работа мысли — осторожный анализ, неторопливое взвешивание всех „за" и „против" — ему не по вкусу. Объекты действительности в его уме превращаются в яркие, почти художественные образы; сам того не замечая, он тяготеет к гиперболизациям и упрощениям. Загипнотизированный идеей, он не слушает возражений. История становится историософией, философия превращается в философствование. Религия, искусство, мораль — все валится в одну кучу. Все это придает мышлению русского интеллигента черты неотразимого очарования и какого-то неистребимого дилетантизма. Но надо понять его роль и место в обществе, чтобы оценить значение этих ночных диспутов, оценить роль интеллигентских кружков в развитии русской мысли и культуры.

Русский интеллигент одинок. Это, можно сказать, его главный признак, его фатум. Он видит себя как бы на узкой полоске ничейной земли. Но если враждебность правящей бюрократии, этих каменных уступов власти, кажется интеллигенту чем-то само собой разумеющимся, то равнодушие и непроницаемость огромного и живущего внеисторической жизнью народа составляет для него источник непрестанных недоразумений и страданий.

Причины его одиночества, его неприкаянности в собственной стране понять нетрудно. Преобразования Петра не изменили традиционного — централизованного и авторитарного — характера политической власти в России. Напротив, они его укрепили, сотворив в качестве придатка к феодальной аристократии чиновную бюрократию, — причем этот придаток становился все более могущественным. Условием такой власти могло быть только полное и безоговорочное отстранение огромного большинства нации от управления страной. Это отверженное большинство называлось в России народом. Величайшей и незыблемой опорой бюрократического режима была согнутая в три погибели, широкая и способная вынести все на свете спина русского крепостного мужика: этот Антей стоял, расставив ноги в лаптях, и смотрел вниз — в землю. Он олицетворял производительные силы страны, он кормил своим трудом и помещика-землевладельца, и чиновного бюрократа, и интеллигента. У двух первых это обстоятельство не вызывало угрызений совести; такой порядок казался им естественным. Зато интеллигенту было горько и стыдно. Слишком очевиден был контраст, зрелище социальной несправедливости слишком бросалось в глаза, чтобы русский интеллигент, воспитанный в школе европейского просвещения и либерализма, мог спокойно предаваться ученым или литературным занятиям, служить на государственной службе, наконец, просто вести частную жизнь. Надо было что-то делать с этой страной или хотя бы вопрошать себя и других: что делать? Вести разумный и равноправный диалог с властью было невозможно — интеллигенция познала это на собственном горьком опыте. Но и те, о ком она радела, ее не слышали и не понимали. Нечего было и мечтать о том, чтобы разговаривать на равных с крестьянином, чей образ жизни и мировоззрение почти не менялись на протяжении нескольких веков.

(Для характеристики численного соотношения между образованной частью общества и народом можно напомнить, что еще в 1895 г., в начале последнего царствования, четыре пятых 125-миллионного населения России были неграмотны. В деревне жило около 85% населения. В девяти русских университетах обучалось 14 тысяч студентов.)

Так чуть ли не с самого начала интеллигенция осознала тягостную двойственность своего положения. Она сделалась не только мыслящим мозгом общества, но и его больной совестью. Совесть — незваный гость; будучи органической частью общества, интеллигенция оказалась в конфронтации с ним. В итоге русская интеллигенция, все помыслы которой были устремлены к родной стране, повисла в воздухе. В этом состояло то, что Георгий Федотов назвал сочетанием идеализма с беспочвенностью. Положение интеллигентов в России до смешного напоминало положение чуждого и окруженного всеобщей подозрительностью этнического меньшинства. Они и говорили на непонятном для всех языке, и вели себя не так, как все. Попытки „слиться" с народом оканчивались плачевно. Когда юные славянофилы 40-х годов, следуя своим убеждениям, обрядились в „исконно-русское" платье, народ на улице принимал их, по свидетельству мемуариста, за персиян. Когда весной 1874 года интеллигентная молодежь двинулась „в народ", и тысячи петербургских студентов и курсисток, переодетых крестьянами, под видом мастеровых, разъехались по деревням, чтобы открыть глаза народу на его бедственное положение, — мужики сначала слушали их с недоумением, а потом стали доносить на них местным властям, и в конце концов вся рать борцов за народное благо, мальчики и девочки, все без исключения очутились в полицейских участках и острогах.

Разумеется, интеллигенту и в голову не приходило винить в подобных недоразумениях простой народ. Лишь изредка он давал волю своей горечи и раздражению. („Нация рабов, сверху донизу все рабы", — вырвалось однажды у Чернышевского.) Но господствующее настроение было иным. Существует некая доминанта русского интеллигентского сознания: ее не назовешь иначе, как культ простонародья. Этот культ наложил печать на всю русскую культуру XIX века — живопись, музыку и, конечно, литературу; примеры его бесчисленны. Достоевский рассказывает, как в детстве его, перепуганного мальчика, успокоил и приласкал мужик Марей — сильный и добрый крестьянин, шагающий в поле за плугом; это воспоминание вырастает в некий символ, и мужик Марей под пером автора „Дневника писателя" превращается в мифологическую фигуру. В „Анне Карениной" Левин косит траву вместе с крестьянами, и чувство, которое овладевает им и передается читателю,, можно сравнить с чувством верующего, когда он причащается святых таин. Между Толстым и Достоевским не было ничего общего; друг о друге они отзывались сдержанно и никогда не встречались. Но в одном они были заодно, в том, что объединяло всю интеллигенцию. Поразительно, до какой степени единодушны были в свом поклонении народу люди разных убеждений, бойцы всех станов, и западники, и почвенники, и реакционеры, и юные республиканцы,

и замшелые монархисты. И автор „Кому на Руси...", и автор „Выбранных мест из переписки с друзьями". И Рахметов, и Шатов. И Лев Толстой, и полубезумный Федоров. Поразительной была эта уверенность, что именно русский простой народ, пусть нищий, пусть невежественный, владеет сокровенной истиной, что только у него надо учиться праведной жизни. Только здесь, в темной избе, где на деревянной лавке, накрывшись тулупом, лежит уставший за день крестьянин, на печи спит его семья, а в углу, перед почернелым ликом византийской Богородицы всю долгую ночь мерцает неугасимая лампада, только здесь приютилось подлинное христианство.

Мы должны с особым вниманием задержаться на этой точке интеллигентского сознания, потому что она повлекла за собой неожиданные последствия. Впрочем, такие ли уж неожиданные? Достоевский признавался, что во всем он доходит до крайности, до предела; это очень русская черта. Русский интеллигент не довольствовался выражением сочувствия трудовому люду. Его исступленный демократизм принял, по крайней мере у многих и лучших, самоубийственный характер; его безнадежная любовь влекла его к мученическому венцу. Сострадание к униженным и оскорбленным, желание хоть чем-нибудь им помочь вылились в готовность распять себя во имя любви к своему кумиру, принести в жертву народу все ценности, которыми владел интеллигент. Другими словами, они обернулись враждой к культуре.

Поистине здесь кроется какое-то вековое недоразумение, сдвиг понятий, непостижимый для иностранца. Уважение к человеку труда, прежде всего к крестьянину — всеобщему кормильцу, к нелегкой жизни, которую он ведет, сочувствие к бедняку, — превратилось в этой стране во что-то совсем другое, стало источником самобичевания и поклонения тьме. Русская жизнь позволяет понять этот сдвиг. В Европе не существовало столь глубокой пропасти между рабочим людом и людьми духа, не было такого антагонизма между трудом и культурой. Нигде так остро не чувствовали, что читать умные книжки, спорить и рассуждать — стыдно, когда рядом с тобой кто-то вкалывает с утра до ночи; нигде труд не был такими проклятием, нигде он не был так прочно соединен с нищетой, нигде, кроме как в России, не было такого навязчивого сознания, что если ты не встаешь засветло, не всовываешь руки в дырявое тряпье и не плетешься на каторжную работу, не пашешь, не сеешь, не надрываешься, не роешь своими ногтями каналов и на своих костях, как на шпалах, не прокладываешь железных дорог, если ты ничего этого не делаешь, то потому, что кто-то делает это за тебя, и, значит, ты со своими книгами — дармоед и захребетник. Ни в какой другой стране стыд, сознание неоплатного долга перед народом не сочетались с такой истовой верой в народ и готовностью стать перед ним на колени.

Нигде слова Нагорной проповеди „Блаженны нищие духом" не были поняты так, как в России, ибо в России они были поняты буквально. Нигде нищета духа не была окружена таким ореолом святости, ибо противоположное состояние — духовное богатство, сложность и утонченность — связы-

валось с представлением о богатстве материальном.Те же великие учителя, которые заповедали русскому интеллигенту долг служения простым людям,— внушили ему мысль о ненужности всего того, что недоступно этим людям, о тщете науки, о греховной сути всякого эстетизма и утонченности, о великом грехе искусства. Толстой осудил собственное творчество (за несколько десятилетий до него то же сделал Гоголь — и швырнул в огонь рукопись второго тома „Мертвых душ"). Достоевский устами своего alter ego Шатова объявил русский народ народом-богоносцем. Завороженная этой наркотической идеей, интеллигенция стала напоминать монашеский орден, секту самоубийц. Проповедь Шатова — ответ „бесам". Но и сами бесы — террористы 70-х годов — лишь внушали себе и другим, что их зловещие подвиги „полезны" для революционного дела, — истинным побудительным мотивом была жертвенность. Пропасть между трудом и богатством и укоренившаяся в народе уверенность в неправедном, небожеском происхождении всякого благосостояния были переосмыслены как противостояние труда и культуры. Русская литература, свет и разум страны, как бы взглянула на себя глазами своих любимых героев — косноязычного Акима из „Власти тьмы", слабоумной Хромоножки. Парадокс заключался в том, что антикультурная проповедь русских писателей отлилась в формы, которые сами по себе были порождением высокой и изощренной культуры. Но эта культура несла в себе предчувствие гибели ее носителей.

Вражду к культуре можно считать специфически русским явлением, ничего подобного не знали в Западной Европе, где можно было ставить вопрос, хороша или нет та или иная философия, но никому не приходило в голову, что само по себе занятие философией предосудительно, что искусство — роскошь, оскорбляющая бедняков, а наука — развлечение для праздноболтающих. На Западе занимались логическим обоснованием веры и нравственности. На Западе сменяли друг друга век Возрождения, век Разума и век Просвещения. На Западе прозвучал чистый, как хрусталь, голос Паскаля, сказавшего: „Все наше достоинство в разуме... будем стараться правильно мыслить, вот основа морали". В России же, чтобы не обидеть народ, уверяли себя и других, что культура есть зло, что ум и просвещение — орудие дьявола; в России думали, что если Христос обратился к ученикам со словами: „Будьте как дети...", то это значит, что нужно в самом деле вернуться к детской непосредственности, к букварям и сказкам, что всякое размышление губит веру и условием праведности может быть только отречение от мысли. Об этом хорошо написал один наш современник: он назвал этот комплекс мазохизмом русской интеллигенции. И в конце концов интеллигенция подожглась и сгорела во имя любви к народу, а народ этого даже не заметил, и тощие коровы сожрали тучных, но сами не стали толще, и кривые избы, повалившиеся заборы, громадные расстояния, грязь, скука, холод и невылазная нищета сгубили все, отравили всякую радость жизни, вытравили или поставили под сомнение все свежее, сильное, свободное, оригинальное и талантливое; под бременем беспрос-

ветной бедности все это стало казаться непозволительным и непристойным, как непристойно было бы, говоря словами Толстого, танцевать, идя за плугом. Революция, в подготовке которой интеллигентам принадлежала столь важная роль, стала самосожжением русской интеллигенции. Была ли ее искупительная жертва в конечном счете оправдана? Быть может, ирония судьбы, жестокая ирония русской истории выразилась в том, что возмездие, постигшее интеллигенцию, было заслуженным? Новое государство провозгласило себя обетованной землей человечества — первым в мире государством трудового народа. Опыт трех поколений показал, что это государство по своей несправедливости и жестокости оставило далеко позади старый самодержавный строй. Но мы видим и другое. Очевиден невероятный и поразительный факт возрождения русской интеллигенции. Это Феникс, который зашевелился в кучке пепла.

Разумеется, многое, слишком многое переменилось. До неузнаваемости изменилась структура и самый облик русского общества. „Народ" исчез. Этот священный пароль интеллигенции, слово, под которым подразумевалась в первую очередь компактная масса патриархального русского крестьянства и в меньшей степени — мелкий городской люд (сохранивший, впрочем, связь с деревней и крестьянскую психологию), плохо подходит к нынешнему населению СССР, где сельские жители составляют меньшинство, а земледельцев и того меньше. Оно поголовно грамотно, в подавляющем большинстве своем безрелигиозно и подвергается ежедневному и повсеместному воздействию средств массовой информации, целиком поставленных на службу партийно-государственной мифологии. К этому надо прибавить возросшую роль и активность национальных окраин. Бывшая Российская империя и при новом режиме остается государством архаического типа, со строго централизованным военно-полицейским и бюрократическим управлением, огромной территорией и пестрым многонациональным составом, — империей в том смысле, в каком это слово применялось к Риму и Византии; острие и основание этой пирамиды образуют русские. Но они составляют лишь половину населения страны. Метаморфоза столь велика, что еще 40 лет назад Георгий Федотов считал возможным говорить о формировании новой нации: он сравнил судьбу русского народа с судьбой греков IV века, чуть ли не на глазах одного поколения превратившихся в другой этнос — в византийцев.

Изменилось значение слов. Это относится и к слову, которое стоит в заголовке. Говоря об интеллигенции, мы не имеем в виду термин государственной идеологии и статистики. Речь идет о людях, сравнимых по своему духовному и психологическому облику с интеллигенцией старой России. И вот, перед лицом свершившихся перемен, снова задаешь себе вопрос: возможно ли такое сравнение, не обольщаемся ли мы?

Один московский писатель сочинил юмористический рассказ под названием „Ретрогенетика", о некоем ученом, который придумал способ выводить вымерших животных: в его питомнике резвились молодые мамонты, разгуливали динозавры, хлопал крыльями археоптерикс... Исто-

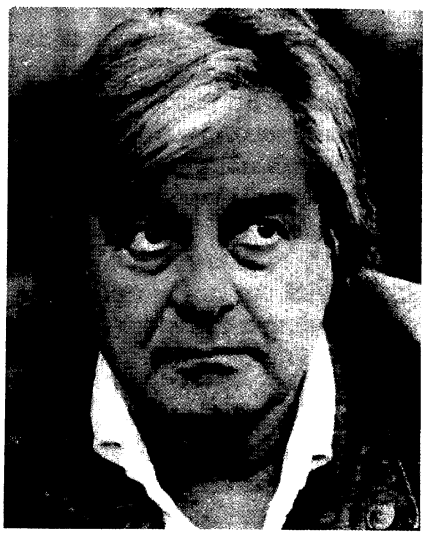
рик общественной мысли уподобляется этому специалисту, когда он пытается реконструировать культурно-исторические типы прошлого. Но подобные упражнения создают опасный соблазн. Соблазн отождествить себя с ископаемым предком; соблазн пренебречь историей и попросту забыть о том, что с нами стряслось за последние шестьдесят лет. Этому искушению — соблазну представить революцию и коммунизм как несчастный случай, чужеродную инфекцию, проникшую в здоровое тело России, — поддалась сегодняшняя диссидентская „правая", почти буквально повторяющая все основные ходы православного славянофильского почвенничества вековой давности. Нечего и говорить о том, что на самом деле нынешняя интеллигенция дышит совсем другим воздухом, чем старая. Она отличается от старой русской интеллигенции и социально, и даже этнически. И все же эта новорожденная интеллигенция есть истинный потомок старой и, казалось, навсегда исчезнувшей русской элиты.

Все изменилось, и все повторяется, и через сто лет мы напоминаем старых русских интеллигентов, если не дворян, то разночинцев, московских вечных студентов восьмидесятых годов, мы переняли их образ жизни, их неряшливость, их тоску, их любовь к полуночным словопрениям над остывшим чаем. Бог знает, откуда это взялось, ведь чуть ли не половина из нас — не русские по крови. Говорят, лет восемьдесят назад во Франции небывалый мороз уничтожил виноградники, но была привезена из-за моря и посажена американская лоза и дала такое же вино, как было прежде. Так и новые русские интеллигенты — наследники тех прежних, хоть мороз покалечил всю поросль и топор вырубил все ее корни.

Интеллигентов немного — во много раз меньше, чем просто людей с высшим образованием. Но они находят друг друга. Внутренние разногласия дробят их на более или менее самостоятельные группы, но все они едины в своем презрении к деспотическому режиму. Беспомощные и уязвимые, как всякий, кому оружием в жизненной борьбе служат мысль и слово, они находят в себе силу противостоять мертвящему окружению и в сущности неистребимы. Это она, все та же или почти та же, ничего не забывшая, хотя и многому научившаяся российская интеллигенция, „гнилая", согласно классическому определению Ленина, та самая, презренная „образованщина", с ее неповторимым и невозможным ни в какой другой стране духовным складом, неумением существовать в шорах определенной профессии, специальности, ученой или литературной карьеры, с ее особой религиозностью, редко конфессиональной, чаще выступающей в одежде религиозного свободомыслия либо агностицизма, с ее одержимостью историософскими проблемами, которые она причудливо мешает с политикой, с ее неизлечимым дилетантизмом, другое имя которому — универсализм. Со всеми ее достоинствами и всеми недугами. Именно в этой среде, в немноголюдных, но достаточно многочисленных интеллигентских кружках, сосредоточенных в крупных городах советской империи либо перебравшихся за рубеж (дробление интеллигенции на внутреннюю и эмигрантскую — традиция столь же давняя, как и существование самой интеллигенции), идет неви-

димая внешнему миру творческая работа, которая может показаться безнадежной и бесперспективной, но которая представляет собой единственную форму духовной жизни, нзаслуживающую этого названия.

Но сколь бы сильно ни давало себя знать происхождение современной интеллигенции, от одного наследственного недуга она, по-видимому, исцелилась: от веры в „народ". Мучительный роман русской интеллигенции с народом окончен. В социальном плане это означает осознание глубоких перемен, совершившихся в обществе; в психологическом — освобождение от власти коллективного бессознательного, от жажды раствориться в темной и безличной народной стихии. Существенная перемена в самосознании интеллигенции или, по крайней мере, значительной ее части состоит в том, что она не чувствует себя более обязанной ни власти, ни народу, не испытывает желания быть чьим-либо слугой, не стремится удобрить собой национальную почву, но начинает — если я не ошибаюсь — ощущать себя истинным субъектом истории. Сейчас невозможно сказать, насколько оправданы такие притязания. Но если для этой страны осталась какая-то надежда, если существует шанс, что Россия когда-нибудь займет подобающее ей место в кругу свободных народов, — этот шанс и эту надежду можно связывать только с интеллигенцией. ●



Юрий Петрович ЛЮБИМОВ

Фотография из программы спектакля
"Преступление и наказание",
Lyric Theatre, Лондон 1983.

Юрий ЛЮБИМОВ (Москва)

"В ТАКИХ УСЛОВИЯХ Я БОЛЬШЕ РАБОТАТЬ НЕ БУДУ..."

Главный режиссер Московского театра на Таганке Юрий Петрович Любимов уже в течение нескольких месяцев находится в Лондоне, куда он приехал для получения премии газеты Evening Standard – самой престижной английской театральной премии. Премия получена им за постановку спектакля "Преступление и наказание" по роману Ф.Достоевского. Эта постановка признана английской критикой лучшим спектаклем года.

Находясь в Лондоне, Ю.Любимов сделал несколько заявлений, в которых резко критиковал официальную советскую политику в области культуры, в частности театра. Эти заявления вызвали гнев и даже угрозы со стороны представителей советского посольства в Лондоне. Об этом много и подробно писала западная пресса.

17 февраля 1984 г. Ю.Любимов дал интервью нашему корреспонденту М.Филлимор, которое публикуется ниже. Ю.Любимов высказал пожелание, чтобы публикация его интервью была предварена двумя эпиграфами: один из А.Пушкина, другой – из книги Ф.Шаляпина "Маска и душа". Мы даем цитату из Ф.Шаляпина по парижскому изданию 1932 г. (в советском издании этой книги соответствующие страницы отсутствуют).

"На свете счастья нет, а есть покой и воля".
А.Пушкин

"И не то, что я боюсь кого-нибудь из правителей или вождей в отдельности, я боюсь, так сказать, всего уклада отношений, боюсь "аппарата"... В один прекрасный день какое-нибудь собрание, какая-нибудь коллегия могут уничтожить все, что мне обещано".
Ф.Шаляпин

М.Ф. Это верно, что вы – первый иностранец, получивший премию Evening Standard?

Ю.Л. Да, это правильно. Я эту премию получил за режиссуру спектакля "Преступление и наказание". Премии за лучшее актерское исполнение присуждались отдельно. Я просмотрел список других лауреатов премии. Там С.Беккет, который в 1954 г. получил премию за самую спорную пьесу "В ожидании Годо". Там Джон Гилгуд и, кажется, Лоуренс Оливье, Питер Брук и Джонатан Миллире, который так оригинально сделал "Риголетто". В общем, хорошая компания.

М.Ф. Рецензии на ваш спектакль здесь, в Лондоне, были изумительные.

Ю.Л. Мне помогло то, что я приехал и отобрал артистов сам. В течение недели, по 8, по 10 часов в день ко мне приходили актеры и совершенно спокойно, как ученики, сдавали экзамен. Сперва мне было неловко, ведь передо мной были даже люди с именами, а потом я выяснил простую вещь: день оплачен, оплачен неплохо, им интересно со мной поговорить, а мне интересно увидеть английских актеров, их школу, их уровень. Я понял, что профессиональный уровень очень высокий, и школа, в большинстве случаев, хорошая. Как везде, есть и менее одаренные, и более одаренные люди, но профессиональный уровень высокий. Пожалуй, самый высокий в Европе.

Вручение премии было очень торжественным. Вся церемония транслировалась по телевидению. Присутствовали писатели, художники, все организовано было прекрасно, но и с английским юмором. Я смотрю: все чего-то ожидают. Оказалось, что ждут, когда поднимут бокалы и произнесут тост за Королеву, тогда можно и закурить. И, действительно, сразу после этого все закурили.

М.Ф. В каком-то смысле эта премия присуждена не только вам, как режиссеру "Преступления и наказания" в лондонском театре, но и Театру на Таганке. Ставили ли вы спектакль, думая о том, как он ставился на Таганке?

Ю.Л. Безусловно, думал, хотя первый раз я делал "Преступление" в Венгрии, а не на Таганке. На Таганке уже делал потом, совсем другой спектакль с русскими актерами, и даже текст менял. Адаптация текста лондонского спектакля – корякинская и моя. Перевод Л.Ржевского – он американец, притом двуязычный: он из русской семьи и абсолютно одинаково владеет русским и английским. Мы шутили, что нужно сказать политикам: вот вам пример настоящего сотрудничества, плодотворного, долгого и взаимно вежливого. В результате и работу нашу высоко оценили.

М.Ф. А как отнеслись к вам здесь советские представители?

Ю.Л. Ну то, что происходило после моего интервью в Times от 5 сентября 1983 г., уже много раз обсуждалось. Филатов, сотрудник советского посольства, сказал мне после этого интервью, что "преступление налицо, а наказание будет". Я взвился, попросил переводчика сразу перевести эти слова англичанам и ушел. А он бросил мне вслед: "Мы вас все равно найдем". Потом начались звонки, в общем, обычные наши методы. Он мне начал говорить, что не произносил таких слов, что это на него наклеветали. После этого я сказал: "Я не хочу с вами говорить, вы мне врете" – и повесил трубку. Он тут же позвонил снова – по русской пословице: "Плюй в глаза – все Божья роса".

М.Ф. Советское посольство требовало, чтобы вы отказались от сказанного в интервью в Times?

Ю.Л. Нет. Они хотели, чтобы я прежде всего пришел к ним для душевного разговора и т.д. Перед премьерой ситуация была очень тяжелой. Был сбит корейский самолет. По телевизору – плач детей, матерей, весь этот ужас. Казалось бы, такие ужасы мы с вами переживаем давно: всякие вторжения, расправы, несправедливости. Но этот случай особый, потому что ведь все летают и как-то особенно ужасно: встречают люди самолет, а никого нету, все сбиты и мертвы. Дети, матери, родственники – все рыдают. И как раз в этот момент г-н Филатов не удержался от каламбура насчет преступления и наказания. К сожалению, Федор Михайлович в "Бесах" оказался пророком, а не Лев Николаевич, который сказал, что эта книга – фельетон, искусства в ней мало, быстро забудется эта книга. А время идет, и книга становится все страшнее, глубже, как-будто она сейчас написана.

М.Ф. Вы когда-нибудь думали ставить "Бесов"?

Ю.Л. Давно. Только мне не давали. Мы даже начали репетировать. Уже со Шнитке мы делали музыку, но я не получил разрешения, так же как и на "Мастера и Маргариту". Я хотел сделать "Мастера и Маргариту" к десятилетию Театра на Таганке. Все-таки мне удалось этот спектакль поставить, хоть меня и обругала потом "Правда" в статье "Сеанс черной магии на Таганке". Но все-таки спектакль идет до сих пор.

М.Ф. С этой статьи, кажется, в 1977 году, и началось замалчивание театра?

Ю.Л. Нет, раньше. Вы знаете, оно периодически возникало. Один раз им очень не понравилось то, что я говорил в L'Humanite, когда театр был на гастролях в Париже. Еще был жив Высоцкий, он играл Гамлета. Мы привезли самый уж проверенный репертуар. "Мастера" не разрешило Министерство культуры и сразу, еще на пресс-конференции начался скандал. Я сказал насчет "Мастера": "К сожалению, не я утверждаю репертуар". Переводчик от Министерства культуры меня перевел: "Господин Любимов считает, что этот спектакль слабый, и поэтому он сам отказался его привезти". Какая-то дама с французской стороны вмешалась и возразила: "Вы говорите неправду, он совсем не это сказал". Поднялся шум и я предложил переводчику уйти. Он сразу побежал жаловаться в посольство и начался скандал.

В товарищеской беседе в ЦК французской компартии я очень откровенно обо всем говорил: о структуре театра, о зарплате... Я объяснил, что у нас единый котел, что все поровну получают. Так оно и есть на самом деле, и ничего плохого в этом нет. Тот же Высоцкий получал 200 рублей, а рабочий сцены на сдельной оплате получал у нас иногда на гастролях до 300 рублей, когда перерабатывал. Так что действительно разрыв в зарплате у нас в театре небольшой: от ста двадцати рублей до, примерно, трехсот. У актеров потолок – 220 рублей. Об этой беседе написала L'Humanite. "Литературная газета" во главе с А.Чаковским позднее все переврала и нас оболгала. Она выискала одну рецензию, где нас обругали, будто бы и не заметив огромного числа прекрасных рецензий, которые появлялись в течение всех гастролей. А ведь с таким репертуаром, какой был у нас, – и иметь такую в общем-то хорошую прессу... Мы возили по Франции "Мать", "Десять дней", "Тартюфа", "Гамлета", "Маяковского". Гастроли прошли хорошо, судя по прессе, но в "Литгазете" об этом не было ни звука. А номер L'Humanite, где была опубликована беседа со мной, в Москве вообще изъяли из продажи. После этого у меня были крупные неприятности, меня никуда не пускали, о театре молчали. Но все главные беды начались довольно мистически после смерти Владимира Высоцкого.

М.Ф. Каким образом?

Ю.Л. С похорон. Его даже похоронили на Ваганьковском кладбище. Отец с матерью хотели, чтоб на Новодевичьем, а им отвечали: что вы, у нас вчера посол умер, мы и то его хороним не на Новодевичьем, а только в филиале. А тут умер какой-то артист ... Значения Высоцкого никто из них не понимал....

М.Ф. Очевидно, понимали и боялись, если вы говорите, что все беды начались с похорон Высоцкого...

Ю.Л. Ну, это совпадение. Нет, они не понимали... Замятин, редактор "Правды", кричал на меня по телефону: "Все вы антисоветчики, а этот спившийся подонок, ну имел какой-то талантишко, да и то пропил! Подумаешь, несколько песенок сочинил"...

М.Ф. Это было, когда вам запретили ставить спектакль памяти Высоцкого?

Ю.Л. Да, этот спектакль.

М.Ф. С чего начались последние запрещения, одного спектакля за другим?

Ю.Л. Все со смерти Высоцкого. Мы его похоронили, к счастью, Господь помог, по-своему. Никто из них не выступал, эта казенная молотилка не работала, а говорили его друзья. Может быть, давно в Москве не было, чтобы так по-человечески хоронили поэта, и я зауважал москвичей. Тогда была Олимпиада, но приличные люди не об Олимпиаде думали, а о смерти такого замечательного поэта. Это удивительное явление, которое еще требует анализа. Почему он спел обо всем и написал обо всем, а официальные поэты почему-то остерегались затрагивать эти открытые им земли? Они же рядом тут, но никто почему-то об этом не писал, не сочинял. Мэтры его похлопывали свысока по плечу. Я думаю, что Высоцкий имеет для России большее значение, чем они. Поэтому так уж и получилось, что судьба положила его рядом с Есениным. Ведь это удивительное явление, Владимир. Он создал тысячи стихов, я сейчас не говорю о том, какие лучше, какие хуже, дело не в этом. Даже сама его смерть вызвала акт творчества. Посмотрите на его могилу. Это же уникально, как его хоронили! Вся Москва, тысячи людей пришли... И я благодарен судьбе, что театр сумел похоронить его достойно, и нам в общем-то не препятствовали, когда поняли, что все равно мы сделаем так, как мы хотим.

М.Ф. Но вам стали препятствовать, когда вы попытались поставить спектакль его памяти?

Ю.Л. Да, потом начались неприятности. Видимо, нам это не забыли. Люди, которые его не любили, Владимира не любили, и театр заодно вместе с ним и со мной, злобно стали наступать на нас. Они восприняли в штыки мысль, что нужно сделать вечер его памяти в годовщину смерти. А за неделю до вечера меня вызвал начальник Управления по делам театрального искусства Амуров. Теперь он директор МХАТ, наверное, этот свой чин он тогда и заслужил. И он мне заявил, что никакого вечера не будет. "Видите ли, я ухожу в отпуск, сегодня уже пятница, 5 часов вечера, а с понедельника я в отпуске, так что вопрос решен. Делайте у себя на квартире, если хотите." – "Но ведь это вечер памяти, мы имеем право его сделать." – "Нет, дома у себя делайте." Я говорю: "Ну хорошо, я сделаю дома, благо у меня одна комната большая, но вам же будет хуже, начальник Управления". Но это был приказ, конечно, не Амурова, он мелкая сошка, а Демичева, который не хотел, чтобы вечер был. Он и при жизни Владимира всегда его обманывал. Демичев обещал Высоцкому пластинки, но никаких пластинок не было. Только благодаря бешеной, нечеловеческой энергии Владимира, вопреки всему, он записал прек-

расные пластинки во Франции, в Америке и в Канаде. И любовь к нему такая, что у миллионов людей сейчас есть эти записи дома. Как же дико было запрещать спектакль, в котором 90% уже было процензуровано, разрешено! Мы взяли стихи и песни из его последнего сборника "Нерв", из пластинок...

М.Ф. Они, очевидно, боялись паломничества, повторения того, что было на похоронах...

Ю.Л. Возможно... Одним словом, они запретили мне этот спектакль и дали мне выговор. Я стал метаться, разговаривать с ними по вертушке. К счастью, еще есть, кто мне доверяет и не боится, говорит: "Звони". Я и звонил и разговаривал, как в народе говорят, со всеми портретами. Покойный Андропов удивился, почему я именно к нему обращаюсь. Я сказал, что потому, что это проблема политическая и международная, и все равно вам придется ею заниматься. Я убедил его, что это наносит вред престижу нашего отечества и что не надо сердить миллионы поклонников Высоцкого внутри страны. Хотите вы этого или нет, но миллионы людей обожают его и чтут.

М.Ф. Андропов был уже тогда генсеком?

Ю.Л. Нет, он был председателем КГБ. И он взял на себя смелость разрешить вечер. Это был, я считаю, мужественный поступок с его стороны, потому что Суслов, наверное, не одобрял этого решения. Демичев был в отпуску. Они быстренько собрались и сделали вид, будто сами считают, что вечер нужно провести. Как будто не я этого добился. И вот, такой театр у них идет непрерывно, все время. Собрались рано утром взрослые люди и начали валять дурака, как будто они никаких указаний не получали, а руководствуются только внутренним порывом. "Да, Юрий Петрович, пожалуй, вы правы. Вечер надо провести!" Возражал один только Иванов – известный балбес, бывший артист театра им.Вахтангова, который играл японца и все время говорил: "Мы подоздем, мы подоздем". Теперь он дождался высоких чинов, сейчас он замминистра. Тогда же он просто не знал, что есть уже другая установка. Потом он даже пострадал немного из-за этого, куда-то его понизили. Но сейчас он снова в порядке, Демичев его пригрел.

Итак вечер состоялся. Организовали мы все великолепно. Не было никакой Ходынки, наоборот, все было чрезвычайно дисциплинированно, сдержанно и скорбно. Люди зонтиками закрывали цветы, чтоб они не вяли, не себя закрывали, а цветы! Тысячи людей! Это была удивительная картина. А вокруг театра было между тем установлено двойное оцепление, пускали по пригласительным билетам и чуть ли не с предъявлением паспорта. Грустно было на все это смотреть, но все же вечер состоялся. Были близкие, много было наших театральных друзей. Кто только ни пришел: и Булат Окуджава, и Белла Ахмадулина, композиторы – Шнитке, Эдисон Денисов, ну, в общем, те, кто много лет работал с Володей, с нашим театром.

Это была попытка понять поэта, опровергнуть устоявшееся мнение, что это только певец, что если вы читаете его стихи глазами, то это не поэзия. Я, когда работал над спектаклем, читал сотни его стихов, на которые нет музыки. Это великолепные стихи. Поразительно, как он быстро перед смертью взрослел, становился чрезвычайно интересным и по форме, и по словарному отбору, и по глубине мысли. Он понимал тогда совершенно ясно, что дома, на родине, он жить уже не в состоянии, но чувствовал, что и без России, за рубежом, он тоже жить не сможет. И он просто загнал себя, как лошадь, как он спел в своей песне про коней: "И дожить не успел, и допеть не успел".

Он был к себе беспощаден. Это такая редкость, чтобы человек так презирал себя иногда за какую-то ерунду. Иногда он казнил себя за трусость, что для него, казалось бы, совсем странно. Он для меня образец смелости и такого неуемного, бешеного темперамента, который сжег себя, как шаровая молния, о которой никогда неизвестно, куда она улетит, где разорвется... Когда мы хотели поставить ему памятник на могиле, мы думали о метеорите. Нам говорили, что это нельзя, но даже академики старые считали, что надо дать кусок метеорита. Ведь действительно, метеорит – это его образ. Теперь, к сожалению, я не знаю, какова судьба этого памятника.

М.Ф. Ходили разговоры о том, что в прошлом Андропов покровительствовал театру и вам лично. Правда ли это?

Ю.Л. Нет, просто когда мне закрыли первый спектакль "Павшие и живые", то друзья устроили мне встречу с ним. Он был секретарем ЦК. Я с ним имел долгую беседу. Он начал ее с того, что сказал: "Благодарю вас как отец". Я не понял, говорю: "За что, собственно?" – "А вы не приняли моих детей в театр." Оказывается, они очень хотели в артисты и пришли ко мне. Мама с папой были в ужасе. Ребята были совсем молодые, действительно дети, и я сказал им, что все хотят в театр, но сперва надо кончить институт, а сейчас не надо .... Они вернулись в слезах – жестокий дядя отказал, нам долго читал мораль... И за это он меня зауважал. Он сказал: "Мы с матерью не сумели их отговорить, а вы так сурово сказали, что они послушались".

М.Ф. Но последние годы Андропов вам не помогал?

Ю.Л. Он уже не вмешивался в дела театра. Когда я с ним разговаривал, он произвел на меня впечатление человека умного. Он сразу мне сказал: "Давайте решим небольшую проблему, всех проблем все равно не решишь". Я говорю: "Конечно, конечно, самую маленькую. Вот если бы вы помогли, чтоб пошел спектакль "Павшие и живые"! Это же о погибших на войне, в их память. А тут подняли такое..."

А за всей этой историей с "Павшими и живыми" просто крылось, что мы выбрали не тот состав поэтов. Так они и в этом некомпетентны: они Кульчицкого приняли за еврея и просили заменить Светловым, а на самом деле Светлов – еврей. Среди выбранных нами поэтов были Коган, Багрицкий, Кульчицкий, Пастернак, который, тоже, видимо, вызывал большой гнев... В свое время к нам однажды пришел Микоян, который был тогда президентом. Он смотрел "Десять дней". Лицо у него было каменное, отвлеченное... Он спросил: "Как живется, какие у вас сложности?"Я ему и говорю:

"Вот, закрыли "Павшие и живые". – "А почему?" – "Да состав не тот". И рассказал ему этот случай с Кульчицким. Микоян мне сказал: "А вы спросите их, разве решения XX и XXII съездов отменены?" – "Я, конечно, могу спросить, но не лучше ли вам, как президенту, спросить их об этих решениях?"

Вот тут он первый раз посмотрел на меня оценивающим, внимательным взглядом. До того – это была маска. И я понял, что с ними нужно разговаривать откровенно и прямо, но для этого, конечно, нужно набраться храбрости. Но я был в отчаянном положении. Театр только начал свое существование, закрыли спектакль, билеты на который уже были проданы на месяц вперед... Теперь эту практику уже прекратили, теперь нам заранее подписывают афиши, и мы сами ничего не можем объявить. Даже премьеру не можем объявить, нарушена старейшая театральная традиция! Мы заранее подписываем на месяц репертуар, и, значит, я не могу запланировать даже премьеру, пока они не посмотрят и не утвердят ее.

Сейчас на всех московских афишах стоит: "Спектакль будет объявлен особо". Это значит, что они придут и будут решать, пускать спектакль или не пускать. И если раньше их приходило человек пять–шесть, теперь их приходит сто пятьдесят–двести. Это как саранча.

М.Ф. В какой момент они приходят на репетицию? Как все это происходит?

Ю.Л. На приемку спектакля, на какой-нибудь просмотр, когда мы сдаем спектакль. Официально это называется "сдача Управлению".

М.Ф. Как закрыли спектакль о жизни Федора Кузькина?

Ю.Л. Это долгая история. Его закрывали три раза. Первый раз закрывала Фурцева. На закрытом прогоне спектакля было несколько замминистра, мы с автором, потом пробрался Вознесенский, но уже художника и даже завлита театра не пустили. Театр оцепили, все двери закрыли, в общем проявили себя вполне... Фурцева на этом прогоне просто взбесилась, она кричала: "Ведь это же иностранцу и ездить никуда не надо! Только посмотреть такой спектакль, и ему все ясно становится! Это что же такое вы придумали!?" Все обсуждение – это была комедийная, фантастическая сцена, которую трудно описать. Выступали молодые люди, подсюсюкивали: "Что же это такое! Позвольте высказаться! Не могу молчать, Екатерина Алексеевна!" А она им: "Говори, говори, дорогой, смело выскажи им все прямо в лицо!"

Автор, выслушав все эти тирады, встал. Видимо, после выступления одного из молодых подхалимов у него не выдержали нервы. Он человек солидный, говорить умеет, обращается к Фурцевой: "Екатерина Алексеевна, вы что же, не видите, кого вы воспитали?!" Один из молодых что-то пытался сказать, а автор ему говорит: "А вы, молодой человек, сядьте. Как вам не стыдно? Такой молодой и уже такой жалкий карьерист! Но неужели вам, министру России, не страшно, кого вы растите?"

И он произнес прекрасную речь, преподал им такой урок... Они, наверное, минут десять слушали все это, у них просто был шок. Потом Фурцева закричала, стукнула ручкой: "Подумаешь, тоже мне шестидесятник нашелся!" Весь театр слушал обсуждение

по радио. Вдруг в зал заглянул маленький артист – комик Джабраилов. Он в пьесе ангелом летал и сыпал с небес манну небесную бедному Кузькину, чтоб ему легче жилось. И она закричала: "А вот вы, вы, ну-ка выходите. И вам не стыдно летать таким рваным!?" А он, маленький такой, говорит ей: "И не стыдно. И очень даже не стыдно". Это был цирк! Помните, как висел над Москвой лозунг: "60 лет Советского цирка"? Потом, правда, кто-то сообразил, и лозунг сняли. У них же комплекс неполноценности. Они все принимают на свой счет.

Все это происходило как раз в то время, когда они решили вторгнуться в Чехословакию, и когда у Александра Трифоновича Твардовского были большие неприятности – заменили часть его редакции "Нового мира". А у Федора Кузькина все несчастья были, как известно, на Фролов день, то есть 18 августа. И вот спектакль у нас был так сделан, что Кузькин, которого играл Золотухин, одевался в свой костюм и листал "Новый мир". Потом он этот журнал ставил на березу и березу втыкал в пол. Там было много берез, а на березах весь мир – избушки, антенны, луковки церковные... И начиналось с того, что многие ставили на березы "Новый мир". Фурцева закричала: "Что это такое, вы "Новый мир" на березы повесили?! Ишь, знамя какое вывесили! Думаете, далеко с ним уйдете?!" А я как-то не сообразил и брякнул: "А вы думаете, вы со своим "Октябрем" далеко уйдете?!" Я-то имел в виду журнал, а она взбесилась, видно решила, что я про тот Октябрь говорю. Она вскричала: "Ах так!", надела свое каракулевое манто и убежала, как она сказала, писать письмо Генеральному секретарю о моей зловредной деятельности.

Впрочем, они заранее все уже решили. Накануне Фурцева в каком-то частном доме говорила: "Завтра поеду к этому Любимову закрывать спектакль. Я ему покажу, как ставить!" Так что, понимаете, это все была игра. Только они играют в одни ворота, да еще вратаря убирают.

Точно так же все было предрешено с этой пьесой и в другой раз, уже при министре культуры Демичеве. Обсуждение происходило сразу после спектакля, прямо в помещении театра. Сама пьеса про Кузькина кончилась, но другая продолжалась еще три часа, только уже с другими, специально привезенными героями. Вместо того, чтобы заниматься сельским хозяйством, они стали руководить искусством. Помните, была такая "легендарная" бригадир полеводческой бригады Заглада. Она учила покойного Яншина ставить спектакли. Он ей ответил: "Благодарю вас, но я очень люблю салат. Почему он такой дорогой на рынке? Вы бы лучше этим занялись, а спектакль я уж соображу, как поставить". Очень обиделся на это Хрущев и даже хотел наказать Яншина.

Вот и тут, выступали какие-то замминистра, знатные колхозники, герои соцтруда, замредактора газеты по фамилии Царев. Они с гневом говорили всякую чушь, а Царев договорился до замечательной фразы: "Даже если все и было так, как они представили, то мы будем считать, что этого не было!" Вот какие перлы! Такая была битва, которой давно не видели в Москве, прямо стенка на стенку.

Солоухин очень хорошо сказал: "Это мне напоминает, как если бы на обсуждение "Ревизора" привезли всех городничих. Они тут же бы закрыли все это дело". Но ничего, министр, он такой вдумчивый, сперва сделал вид, что пропускает спектакль, а по-

том уехал из театра в Министерство и тут же дал распоряжение прикрыть. Для видимости нам с автором месяца два морочили голову, потребовали сделать 90 поправок. Мы все выполнили, а они все равно спектакль закрыли. Все было заранее решено.

К счастью, это обсуждение кто-то записал и передал в Le Monde, где все это было опубликовано. Хорошо, что там указали, от кого они получили запись, а то бы это мне пришили и такое дали!

М.Ф. А что случилось с постановкой "Бориса Годунова"? Почему его закрыли?

Ю.Л. Думаю, что я неудачно выбрал время, как раз когда один вождь умер, а другой вступил на его место. Но ведь я начал работать над пьесой давно и ничего такого не имел в виду! Однако они все время искали, как они выражаются, аллюзий, намеков, подтекстов. Это особенно обидно в отношении "Годунова", потому что у этой пьесы трагическая судьба. Опера "Борис Годунов" идет по всему миру, а пьеса, как правило, пройдет пять раз, и от скуки ее снимают. А у нас, как говорили знатоки, спектакль получился, многие видели его на репетиции. Кстати, за то, что я позволял себе открытые репетиции, я получал выговоры – ведь это тоже сейчас запрещено, хотя даже при Сталине было можно. Это скопище бездельников, которые "занимаются" искусством, все время выискивает какие-то новые инструкции, пункты, дополнения к ним... Шолохов когда-то написал, когда был трезвым и в своем уме: "Вы скоро будете командовать, как мне с женой спать!" Бездельники эти как клопы размножаются, им просто нечего делать.

М.Ф. Значит, "Борис Годунов" появился не вовремя, или, наоборот, слишком вовремя?

Ю.Л. Слишком вовремя! Они начали гадать, кто у меня – Борис, кто – самозванец, и додумались до того, что самозванец – это Андропов. Совсем сдурели. Я им говорю: "Как у вас голова работает? Самозванец ведь привел с собою войска!"

М.Ф. Где происходили эти обсуждения? Куда вас вызывали?

Ю.Л. Меня вызывали в разные инстанции. Последнее обсуждение было у заведующего отделом ЦК. Я написал Андропову письмо, и дальше все было таинственно. Сперва он хотел меня принять, это было твердо установлено. Дважды мне подтвердили, что он меня примет. Потом, видимо, он заболел, он все время болел и очень серьезно. Помощник сказал мне, что товарищи разберутся, и товарищи крепко разбирались со мной часов пять, в результате чего сказали, что все работы нам закрывают. После спросили: "Какой же вы видите выход из создавшегося положения?" Я говорю: "Выход вижу один – отставку". Наступила тишина. Я спрашиваю: "Почему вы так взволновались – не ваша ведь отставка, а моя?" – "Нет, вы обязаны работать", – закричали они хором, – "должны!"

М.Ф. Обсуждалось ваше членство в партии?

Ю.Л. Нет. Просто меня один раз выгоняли из партии – за спектакль о жизни Кузькина. Тогда на меня в райкоме кричали: "Мы не хотим дышать с вами одним воздухом". Я отвечаю: "Выйдите тогда, если вам не дышится, а я не собираюсь". – "Чей он хлеб

ест?!" – кричала дама килограмм на 120, заведующая кондитерской фабрикой. А она в театре ничего не видела.

Что же требовать от дамы, если даже Жюрайтис пишет мерзкие доносы в "Правду", и "Правда" печатает: "Руки прочь от нашей святыни, 'Пиковой дамы'!" При этом "Правда" назвала "Пиковую даму" поэмой! А ведь "Правда" имеет целый справочный отдел, который обязан не допускать таких ляпсусов! Ни стыда, ни совести! Этого Жюрайтиса просто попросили выкрасть партитуру, а потом о Шнитке, о человеке с мировым именем, говорили: "Посмотрите, что натворил этот композиторишко!" Ну разве можно так обращаться с мастером! Был уже заготовлен "гнев трудящихся", сотни писем: "Руки прочь от 'Пиковой дамы'!" Но, видимо, тут они поняли, что переборщили. Это уж так пахло ждановщиной, сталинщиной, что они кампанию прикрыли. Потом даже негласно извинились. Оскорбили на всю страну, а извинились тихо в подворотне!

М.Ф. С "Годуновым" после того, как была закрыта постановка, все было покончено?

Ю.Л. Да, они закрыли, сказали "все". После этого я поехал в Милан и поставил там "Лулу" А.Берга, получив премию за лучший оперный спектакль года. Конечно, ни строчки у нас об этом не написали, как вообще никогда не писали о нашем театре ничего хорошего. А ведь как бы вы ни относились к нашему театру, никуда не денешься: он имеет мировое имя. Они же сами недавно посылали его в Финляндию и говорили, частным образом, как это замечательно, какие были потрясающие гастроли. Логики в их поведении по отношению к нашему театру и ко мне нет никакой. Просто 20 лет он подвергается совершенно наглой и неприкрытой дискриминации. Мне кажется, в этом есть большая доля личной мести. Личная месть, да еще, как по Гоголю, страшная. Действительно, она страшная, потому что я сижу в чужом городе, вместо того, чтобы работать в своем театре. А ведь за эти 20 лет в театр ходили миллионы людей! И Высоцкого по-прежнему не признают или начинают делать из чего что-то совершенно на него непохожее, как он пел в своей знаменитой песне "Монумент": "Неужели такой я вам нужен после смерти?" Как в воду глядел!

М.Ф. Но чья месть, и почему?

Ю.Л. Демичева. Я давно столкнулся с этим министром, когда он был еще секретарем ЦК. И, как скорбно сказал когда-то Бабель, "мы встретились со Сталиным и, к моему несчастью, друг другу не понравились". Так и мы с Демичевым. Товарищ Демичев невзлюбил меня. Он мне при первой встрече говорил, что я в плохом окружении, что у меня плохие друзья. Демичев мне проповедовал теорию фильтров: они-де будут бесконечно ставить фильтры, чтоб очистить идущий в искусстве и литературе мутный поток. Я возражал ему: "Так вы получите дистиллированную воду, а ее можно только в аккумулятор залить. Это, конечно, не плохо, часто и ее не достанешь в аптеках, но искусству это вряд ли поможет". Демичев беседовал со мной пять часов, не выходя, и я удивлялся крепости мочевого пузыря министра, сам крепился изо всех сил... А потом к числу моих недоброжелателей присоединился еще Зимянин, так что в данной ситуации мне ждать от них нечего.

М.Ф. Обращались ли вы когда-нибудь к Черненко?

Ю.Л. С Черненко я имел переписку. Потом, наверно, издадут мою переписку с вождями. Я ведь и Брежневу несколько писем писал и всегда получал ответы. Мне запретили спектакль, и я написал письмо, где говорилось примерно так: "Все мои обращения к людям, которым Вы поручили руководить искусством, произвели на меня гнетущее впечатление. От встреч с ними на меня веяло китайщиной". Это было еще во времена Мао Цзэдуна. Заканчивал я письмо так: "Если Вы сочтете возможным, разрешите мне продолжать работу в созданном мной театре". Мы советовались друг с другом, были споры, что так нельзя, надо помягче, но все-таки я послал этот вариант Брежневу. Мир не без добрых людей, письмо к нему попало. Екатерина Алексеевна Фурцева очень допытывалась при каждой встрече: "А как вы передали письмо?" Я объясняю: "Очень просто, как все трудящиеся. Подошел к окошку в приемной. Открыли утречком, в девять часов. Дама открыла конвертик, посмотрела, нет ли там чего, и потом, пробежав письмо, говорит: "Господи, это что же они надумали, вас выгонять?" Очень она меня этим ободрила. Дала свои служебные телефоны и сказала: "Я обязательно сделаю, чтобы письмо сразу пошло дальше".

Конечно, не дама передала письмо, не надо быть наивным. Письмо попало, и мне позвонили. В первый раз я услышал поразительную фразу. Мне сказали, чтобы я работал спокойно, не нервничал, что письмо прочтено. Потом помощник говорит: "Дальше "под запись". Я ничего не понял, под какую запись. Оказывается, дальше мне были переданы буквально слова Брежнева. Я тогда это первый раз услышал и был обескуражен.

На следующее утро была коллегия в Министерстве культуры, и в перерыве все меня сторонились, зная, что я человек обреченный, что хотя я еще тут хожу, но меня уже нет. И вот, когда все курили, я сказал: "Вы знаете, я буду работать". – "Как так – будете работать?" И тут я им передал этот разговор "под запись". Я еще во время этого телефонного разговора спросил, могу ли я воспользоваться словами Брежнева, и мне ответили: "Для этого мы с вами и говорим". – "Ну хорошо, – говорю, – а то мне не поверят". – "Не беспокойтесь, поверят". И действительно, сперва они мне не поверили, но прекратили говорильню и разбежались. Но потом меня быстро оставили в покое. Смущенный райком, который меня выгонял и из партии, и с работы, сидел в полном составе, вперив взоры в бумажки, рисуя чертиков, а председательствующий говорил: "Вы знаете, мы тут обмозговали и решили, что вы можете продолжать работать в театре". И через каждые пять минут они меня спрашивали: "Мы правильно ведем заседание?" Я говорю: "Правильно, вы всегда все делаете правильно".

М.Ф. Но ваше последнее письмо последнему вождю, написанное уже из Лондона, осталось без ответа?

Ю.Л. Нет, опять мир оказался не без добрых людей. Косвенный ответ был: пусть приезжает и спокойно работает. Между тем, ходили упорные слухи о том, что уже четырем людям предлагали мое место – место главного режиссера Театра на Таганке. Называли имена А.Эфроса, Н.Губенко, Захарова, Дунаева и говорили, что все они отказались. Артисты нашего театра добились приема у министра культуры и спросили его, неужели он не может послать кого-нибудь, чтобы поговорить с Юрием Петровичем. Министр им

ответил: "Мы работаем с вами, а его тут нет. Из Лондона он, что ли, будет руководить театром?" Но все же заверял актеров, что никто меня не собирается снимать.

М.Ф. Почему они играли и играют с вами в эти игры? Почему они просто не разогнали театр?

Ю.Л. Ну, видимо, трудно так сразу закрыть театр, который имеет такую славу. Хотя, впрочем, ничего им не трудно. Но все-таки надо хоть видимость какую-то создавать, как на этих проклятых сталинских процессах. Надо же голову морочить нашим несчастным людям, которые совершенно не имеют никакой информации. Даже многие, ныне уже бывшие, члены Политбюро, когда они приходили ко мне, начинали разговор со слов: "Вот вы, оказывается, какой!" Я спрашиваю: "Это в каком смысле, вам что, изображали меня бандитом, шпаной какой-то?" – "Ну, мы видим, что вы разумный, спокойный человек, а нам говорили..." Все они высказывались примерно в этом духе. Но правда, теперь они не могут быть моими защитниками, они все уже не в Политбюро.

Я, когда ставил спектакль о Володе Высоцком, понял одну важную вещь: когда он ездил и в Париж, и по всему миру, у него начался внутренний разрыв. Он понимал, что он нужен там, дома, а дома его травили. Он об этом спел в "Охоте на волков".

М.Ф. Это ваша ситуация?

Ю.Л. Да. Все это очень прискорбно. Конечно, я должен сидеть у себя в Театре на Таганке и работать, но в такой обстановке, которую они создали, работать нельзя. Они говорят: "Терпел же двадцать лет, и ничего! А теперь, видите ли, ему в голову что-то взбрело, корчит из себя кого-то. Как работал, так пусть и работает!" Нет, так работать, в таких условиях я больше не буду! И они это должны понять. Все лучшее, что осталось в России, встревожено тем, почему же все так происходит, что они творят, когда же они задумаются? Ну хоть бы они историю вспомнили, вспомнили, сколько они уничтожили интеллигенции! Сталин уничтожил всех мужиков, которые кормили Россию и еще Европу! Почему они все время в прятки играют, неужели они думают, что вокруг них одни слепые котята? Как все это тяжело и глупо!

М.Ф. Каково ваше положение сегодня?

Ю.Л. Официально я здесь на лечении, мне это разрешено. Пока я на должности главного режиссера оставлен, но, может быть, сейчас, когда мы с вами говорим, я уже и снят. Во всяком случае, директор мне не звонит, звонят только актеры. Они не боятся, а директор боится даже позвонить и спросить хотя бы о здоровье.

М.Ф. В одном из интервью вы сказали, что без создания вам минимальных условий, пока не переменится культурная политика в Советском Союзе, работать на Таганке вы не сможете, домой не поедете.

Ю.Л. Да, это я и сейчас скажу... Это бесполезно. Я хочу работать в театре, но в таких условиях, которые они мне создали в последние годы, я не смогу работать.

М.Ф. Сейчас пришел к власти Черненко. Может ли теперь измениться культурная политика?

Ю.Л. Ну, поживем-увидим, кому суждено пожить. К счастью, это не они решают. Впрочем, конечно, они и этот вопрос могут решить. ●

Жан КАТАЛА (Париж)

СЕКРЕТ ШОЛОХОВА

Познакомился я с Шолоховым в предновогоднее утро 1959 года. Я пришел попросить его написать предисловие к французскому изданию книги "Они сражались за Родину", которую мы перевели, моя жена Люся и я. Свидание мне было назначено в гостинице "Москва", где этот донской казак (или полуказак), редко выезжавший за пределы станицы Вешенской, обычно останавливался.

Я несколько раз постучал в дверь номера; никто не отвечал. Пожилая дежурная посоветовала мне подождать на диванчике в коридоре и, поглядев несколько раз в замочную скважину, объявила: "Девушка одеваются, сейчас откроют". Мне отперла дверь миловидная блондинка. Она отрекомендовалась секретаршей знаменитого писателя; по ее словам, в ожидании моего посещения они работали допоздна. На письменном столе лежали брюки. Рядом на круглом столике громоздилось полдюжины бутылок – шампанское и коньяк – в окружении тарелок с остатками какого-то соуса; в тарелке мокли окурки.

Разбуженный своей преданной помощницей (и, видимо, недовольный этим, судя по ворчанию, доносившемуся из соседней комнаты), Шолохов вышел босиком, – он оказался щуплым человечком в пижаме. Он налил мне большой бокал коньяка, слегка разбавив минеральной водой, себе – шампанское (сладкое и, конечно, теплое), и беседа началась. Часа через два мы распрощались. Если я еще держался на ногах, то лишь из необходимости соблюдать хоть какой-то этикет. Само собой разумеется, ни о каком предисловии не могло быть и речи.

Все же я сохранил о нашей встрече довольно отчетливое воспоминание. Мой собеседник уклонился от ответа на все вопросы, касавшиеся его творчества, методов его работы или планов на будущее; вместо этого он рассказывал не очень занятные казацкие анекдоты и разные случаи из жизни. Между прочим, он был искренне удивлен, узнав о том, что Виктор Гюго был поэтом. Тем временем хорошенькая секретарша как бы невзначай показала мне страницу рукописи, испещренную поправками: видимо это должно было означать, что автор всерьез работает над своими текстами.

Кем же он был, этот любопытный персонаж? Мастером социалистического реализма и крупнейшим писателем современности, как величают его официальные круги, подкрепляя свои слова ссылкой на Нобелевскую премию 1965 года (после "забытого" Пастернака, после изгнанного, вычеркнутого из памяти Солженицына)? Варваром сталинской выучки, который обесчестил себя, выступив на XXIII съезде партии с требованием смертной казни для Синявского и Даниэля? Неправдоподобно ранним эпическим гением, который в 21 год опубликовал "Донские рассказы", в 23 года – первый том "Тихого Дона", в 27 лет – "Поднятую целину"? Писателем, обманувшим надежды столь многих, ибо его дальнейшее творчество – после выпущенного в 1940 г. четвертого тома "Тихого Дона" – шло по нисходящей и окончательно иссякло в 1969 г., когда вышла пересмотренная и переделанная редакция романа "Они сражались за Родину"?

Ни строчки, ни единого отклика не родилось из-под его пера, даже когда в 1980 году официальные лица прибыли в Вешенскую по случаю его семидесятипятилетия для вручения ему второй звезды Героя труда и четвертого ордена Ленина. Неужто он в самом деле был автором своих произведений, этот пропойца, которого люди встречали порой в буфете на ростовском вокзале, опустившийся, с блуждающим взглядом, бормотавший: "Я – Шолохов", требуя, чтобы продавщица обслужила его в кредит?

Истина не бывает черной или белой. Дважды этот сталинец заступался за безвинных, подвергавшихся преследованиям при Сталине (текст его писем был опубликован в хрущевские годы). Вопреки нажиму Сталина, он отказался обратить в коммунистическую веру своего героя – Григория Мелехова. В первом томе "Поднятой целины" коллективизация не представлена идиллией. В брежневскую пору он добился, чтобы ему разрешили изменить начало "Они сражались за Родину", куда он ввел генерала, который стал жертвой Большого Террора. Иногда Шолохов умел не склонять головы.

Что же касается "следствия" по делу об авторстве "Тихого Дона", то и его многолетнее упорное сопротивление нельзя сбросить со счетов. Охота на зайца началась тотчас после появления первого тома; среди писателей, говоривших о плагиате, называют Новикова-Прибоя и Бориса Горбатова. В 1929 г. была даже создана партийная комиссия с участием Фадеева: она должна была "внести ясность". Слухи были объявлены вредительскими, распространяемыми врагами пролетариата; однако это мало кого убедило. В 50–60-е годы слух о том, что король гол, начал снова распространяться в литературных кругах. Ныне обвинение как будто подкреплено серьезным анализом; и анонимный Д***, автор "Стремени Тихого Дона", вышедшего с предисловием Солженицына, и еще больше Рой Медведев, автор книги "Кто написал Тихий Дон?", заставляют нас заново и всерьез задуматься, не награжден ли Нобелевской премией если не мошенник, то по крайней мере компилятор.

Впрочем, имеет ли значение этот спор? Если даже Шолохов был всего лишь соавтором романов, вышедших под его именем, загадка остается нерешенной: загадка бездны между человеком и неизмеримо превосходящим его творчеством.

●

Послесловие переводчика. *Ж.Катала (род.1905) – французский журналист и писатель. После 1940 г. находился в СССР, где был корреспондентом газеты "Тан", пресс-аташе, затем узником советских лагерей, а позднее – дипломатом, представлявшим в Москве Свободную Францию и IV Республику. Перевел на французский язык произведения М.Шолохова, Алексея Толстого, А.Солженицына, Ю.Домбровского, С.Эйзенштейна и других русских и советских авторов.*

К рассказу Катала о Шолохове добавлю, что когда комиссия, занимавшаяся вопросом об авторстве "Тихого Дона" в 1929 г. (о ней упоминает автор очерка), предложила Шолохову предъявить черновики романа, он не представил ничего. Тем не менее писатели, выступившие в защиту Шолохова – по прямому указанию Сталина – в "Правде" 29 марта 1929 г. (А.Серафимович, Л.Авербах, В.Киршон, А.Фадеев, В.Ставский), потребовали "заткнуть рот клеветникам".

Позднее один из приспешников Шолохова Вит.Закруткин с показной горечью вздыхал: "Увы, рукописи исчезли во время войны..." Известно, что Горький, услышав рассказ о возможном плагиате, повторял: "Странно... странно..." Критики, высказывавшие наиболее серьезные сомнения в авторстве Шолохова, опираются на следующие доводы: 1) отсутствие рукописей "Тихого Дона", 2) автор умалчивал о каких бы то ни было исторических источниках, которыми он пользовался, 3) возраст Шолохова: в период создания первого тома "Тихого Дона" ему было около 20 лет, 4) отсутствие образования и явный недостаток культуры у Шолохова, 5) отсутствие у него военного опыта, 6) сомнения в знании казачьего быта (официальный автор "Тихого Дона" происходил не из казаков).

Как бы то ни было, "проблема Шолохова" не решена. Можно думать, однако, что рано или поздно эта литературная тайна раскроется, как это случилось с большинством мистификаций и плагиатов, – если, конечно, это был плагиат.

Е.Эткинд

●

...Объявляется некий сочинитель, который у нас пишет об одном, а за рубежом издает совершенно иное. Пользуется он одним и тем же русским языком, но для того, чтобы в одном случае замаскироваться, а в другом – осквернить этот язык бешеной злобой, ненавистью ко всему советскому, ко всему, что нам дорого, что для нас свято.

Я принадлежу к тем писателям, которые, как и все советские люди, гордятся... тем, что они являются сынами могучей и прекрасной Родины. Она создала нас, дала нам все, что могла, безмерно много дала. Мы обязаны ей всем. Мы называем нашу Советскую Родину матерью. Все мы – члены одной огромной семьи. Как же можем мы реагировать на поведение предателей, покусившихся на самое дорогое для нас? С горечью констатирует русская народная мудрость: "В семье не без урода". Но ведь уродство уродству рознь. Думаю, что любому понятно: ничего нет более кощунственного и омерзительного, чем оболгать свою мать, гнусно оскорбить ее, поднять на нее руку! **(Бурные, продолжительные аплодисменты).**

Мне стыдно не за тех, что оболгал Родину и облил грязью все самое светлое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается брать их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась. **(Продолжительные аплодисменты).**

Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев. **(Бурные аплодисменты).**

Иные, прикрываясь словами о гуманизме, стенают о суровости приговора. Здесь я вижу делегатов от парторганизаций родной Советской Армии. Как бы они поступили, если бы в каком-либо из их подразделений появились предатели?! Им-то, нашим воинам, хорошо известно, что гуманизм – это отнюдь не слюнтяйство. **(Продолжительные аплодисменты).**

И еще я думаю об одном. Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи уголовного кодекса, а "руководствуясь революционным правосознанием" (аплодисменты), ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни! (Аплодисменты). А тут, видите ли, еще рассуждают о "суровости приговора".

Из речи М.А.Шолохова на XXIII съезде КПСС 1 апреля 1966 г.

●

DE MORTUIS AUT BENE...

В последние десятилетия о Михаиле Шолохове было трудно услышать добое слово. И нельзя сказать, чтобы он этого не заслужил. Однако в трагически противоречивой биографии писателя был эпизод, о котором уместно сейчас вспомнить.

В разгар голода 1933 года Шолохов обратился с личным письмом к Сталину, протестуя против пыток и издевательств, которые систематически применялись при хлебозаготовках на Дону. Ответ Сталина прозвучал достаточно угрожающе.

"Да, – писал Сталин, – наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма... Но это только одна сторона дела... А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили "итальянку" (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный, – этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели "тихую" войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов.Шолохов....

Конечно, это обстоятельство ни в коей мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками, и виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали." (Опубликовано в "Правде" от 10 марта 1963 г.)

●

Марк ДЕЙЧ (Москва)

О ПОЛЬЗЕ ЧТЕНИЯ НЕКРОЛОГОВ

Вообще-то читать некрологи грустно. Ибо каждый некролог — словно чье-то напоминание о бренности нашей жизни, хотя бы и социалистической. Печатаются же некрологи в каждой советской газете, и по нескольку штук, так что напоминание это несколько назойливо. А уж как скучны они неимоверно: набор фраз, размер, наличие фотографии или ее отсутствие, количество и качество подписей — все по утвержденному раз и навсегда шаблону. И потому никто их не читает, эти обведенные траурными рамками прямоугольники текста.

А зря. Потому как поразительные вещи можно порою вычитать в некрологах...

30-е ноября 1983 года. Газеты "Правда" и "Известия". Не на первой странице, но на заметном и вполне достойном месте помещен довольно большой некролог, и даже с фотографией. На фотографии — номенклатурный чин в строгом темном пиджаке, в кадр не умещаются всевозможные ордена и медали.

Свернем в сторону от проторенной тропинки пренебрежения к некрологам. Прочтем его. Прочтем его и поразмышляем.

"27 ноября 1983 года после тяжелой и продолжительной болезни скончался персональный пенсионер союзного значения, член КПСС с 1926 года Семен Денисович Игнатьев."

Постойте-постойте... Это какой же Игнатьев? Неужто тот самый?..

"...родился в 1904 году... в семье крестьянина-бедняка". (Поди проверь!) "С 1920 по 1931 год работал на различных должностях в органах милиции, ВЧК... Был первым секретарем Бурятского, Башкирского обкомов партии, секретарем и вторым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. **В 1951 — 1953 годах работал министром государственной безопасности СССР.**"

Тот самый.

Задержимся на трех недолгих годах из обширного послужного списка покойника. Чем прославил себя в эти годы Семен Денисович Игнатьев на посту министра госбезопасности? Чем заслужил любовь народную и пространный некролог в центральных газетах?

1951—1953. Министр государственной безопасности Семен Денисович Игнатьев заканчивает "дело" Еврейского антифашистского комитета, начатое еще его предшественником Абакумовым. Предшественника своего Семен Денисович не посрамил, расстрелял всех до одного евреев-антифашистов. Чего недополучили они от Эйхмана, того не удалось им избежать при Игнатьеве. С корнем вырван цвет еврейской культуры: убиты Маркиш, Бергельсон, Квитко и многие другие. С легкой же руки Семена Денисовича было начато и успешно завершено "дело" московской еврейской молодежи: несколько десятков юношей и девушек, в возрасте от 17 до 25 лет, в основном — студенты московских вузов, были организованы госбезопасностью в некую "преступную сионистскую группу". Члены этой "группы" зачастую встречались впервые лишь на очных ставках. Трое юношей расстреляны, все остальные получили по 25 лет лагерей...

Приостановимся, однако. Передохнем, переведем дух. Три года — срок небольшой, а министр и так уже успел немало. Не довольно ли?

Но нет. Что-то такое еще слышится из тех недавних, но уже легендарных лет. Что-то энергично-короткое, что с тихой яростью говорилось под ритмичный аккомпанемент шлепков кулака одной руки по ладони другой.

"Бить! Бить! Бить! Бить!"

Такие руководящие указания давал своему верному помощнику Игнатьеву сам Иосиф Виссарионович.

На кого же так разгневался самый большой гуманист всех времен и народов?

На "убийц в белых халатах". Помните? Те самые "врачи-убийцы", чья преступная деятельность была чрезвычайно отягощена их еврейским происхождением. И эпизод этот — с яростно повторяемым "Бить!" — не выдумка досужего романиста. Изложен он с высокой трибуны XX съезда КПСС Н.С.Хрущевым, оказавшимся, правда, впоследствии волюнтаристом.

Добить всех "убийц в белых халатах" не успели — из-за преждевременной кончины Вождя. Но били их страшно. Еще мальчишкой, году в 54 или 55-м, довелось мне побывать на приеме у одного из этих бывших "врачей-убийц" — знаменитого отоларинголога профессора Фельдмана. На всю жизнь я запомнил его остановившийся взгляд: расспрашивая меня и разговаривая с моей матерью, он упорно смотрел вниз, в пол. Какая-то неведомая тяжесть мешала ему поднять глааза на своего собеседника. Через несколько лет он умер, а много позже я узнал, что во время вереницы допросов подручные Семена Денисовича Игнатьева, охотно руководствуясь высочайшим указанием — причем руководствуясь буквально, безо всяких там интеллигентских штучек типа лишения сна или воды, — подручные министра госбезопасности отбили профессору Фельдману все, что только можно было отбить: почки, печень, легкие...

Обращаясь к недолгой, но бурной деятельности Семена Денисовича на этом посту, нельзя не заметить то обстоятельство, что подавляющее большинство злокозненных "врагов народа", деятельность и жизнь которых он успешно пресекал, — евреи. Нет-нет, упаси Бог: мы вовсе не хотим упрекнуть большевика-интернационалиста Игнатьева в патологическом антисемитизме. Чего не знаем, за то не ручаемся. Вероятно, время просто такое было... Антисемитское. Но ведь должен был найтись и такой человек, для которого веление времени — не просто формальная директива, но потребность его беспокойного партийного сердца...

Не удалось Семену Денисовичу довести до конца грандиозное дело "врачей-убийц", которое должно было завершиться всесоюзным еврейским погромом. Обстоятельства помешали. Что же стало с нашим героем дальше? Обратимся к проникновенным, но, к сожалению, кратким строкам некролога.

"... с октября 1952 по март 1953 года был членом Президиума ЦК КПСС" (по нынешнему — членом Политбюро). Ну, это еще в бытность министром госбезопасности. Причем на самом верху партийной карьеры продержался Игнатьев как раз до смерти Сталина. С кончиной покровителя сразу же началось падение фаворита, и с недолгим членством в Президиуме ЦК пришлось Семену Денисовичу распрощаться. Даже всесильный Берия, который еще несколько месяцев оставался у власти, не рискнул — или не пожелал — заступиться за главу органов: в одночасье вывели Игнатьева из Президиума ЦК. Видно, слишком уж палаческой была репутация у Семена Денисовича. Однако еще несколько месяцев продолжал он занимать номенклатурные партийные должности.

"В 1953 году вновь был направлен на работу первым секретарем Башкирского обкома, а затем — Татарского обкома КПСС, где работал до ухода на пенсию в 1960 году".

До чего же, наверное, было обидно Семену Денисовичу уходить на пенсию! И это в 55 лет! Младенческий же возраст для партийца! Другие-то, поди, до полного маразма на своих постах, а тут... Да ничего не поделаешь. Хорошо хоть "персональный" да "союзного значения". Заместителя-то его, Рюмина, — так того и вовсе шлепнули. Подвернулся под горячую руку... А с другой стороны — жизнью своей и прикрыл верный зам своего любимого начальника.

"На всех участках, куда направляла партия С.Д.Игнатьева, он работал с полной отдачей сил, проявлял высокую ответственность, его отличали скромность и чуткое отношение к людям".

Кое-что мы уже знаем о послужном списке Семена Денисовича. Самую малость, конечно, но все-таки. А посему кажется нам, что комментарии к этой фразе некролога попросту неприличны. Приличествуют ей благоговейная тишина и сожаления по поводу присущей нам злокачественной амнезии. Хотя чуткое отношение Семена Денисовича к людям, может быть, кое-кто и вспоминает еще — из тех, кого реабилитировали не посмертно. Или из тех, кто хотя и остался жив, но не реабилитирован вовсе.

Заканчивается некролог традиционно:

"Светлая память о Семене Денисовиче Игнатьеве навсегда сохранится в наших сердцах."

Сохранится. Навсегда — это, конечно, вряд ли, и не у всех одинаково светлая, несмотря на все старания составителей некролога представить нам экс-министра госбезопасности рабоче-крестьянским рыцарем революции. А в действительности-то — был он весьма заурядным ремесленником заплечных дел.

А кстати: кто подписал некролог? Кто позаботился о причислении к лику местных святых Семена Денисовича Игнатьева?

"Группа товарищей".

Казалось бы, обычная подпись под обычным советским некрологом. Однако в данном случае выглядит она весьма многозначительно.

Прежде всего: именно так подписывалась основная масса документов той поры, когда Семен Денисович руководил нашими славными органами. Документы эти, а иначе говоря — доносы, в наши дни вновь стремительно набирают силу. И анонимная подпись под некрологом ненавязчиво напоминает об этом. А самое главное — содержится в ней некое уверенное напоминание всем нам: хоть и умер Семен Денисович Игнатьев, умер в вынужденной безвестности, но дело, которому он служил недолго, но беззаветно, — дело это живехонько. От временных неурядиц при сумасбродном Хрущеве оно лишь укрепилось да обросло тысячекратно стойкими кадрами. Так что анонимность "Группы товарищей" — всего лишь дань традиции. Кое-кто ведь из представителей этой группы обретается сейчас в самых что ни на есть высших сферах...

Ну, что ж. Хоть и не забывали мы никогда об этом, а за напоминание — все одно спасибо! ●

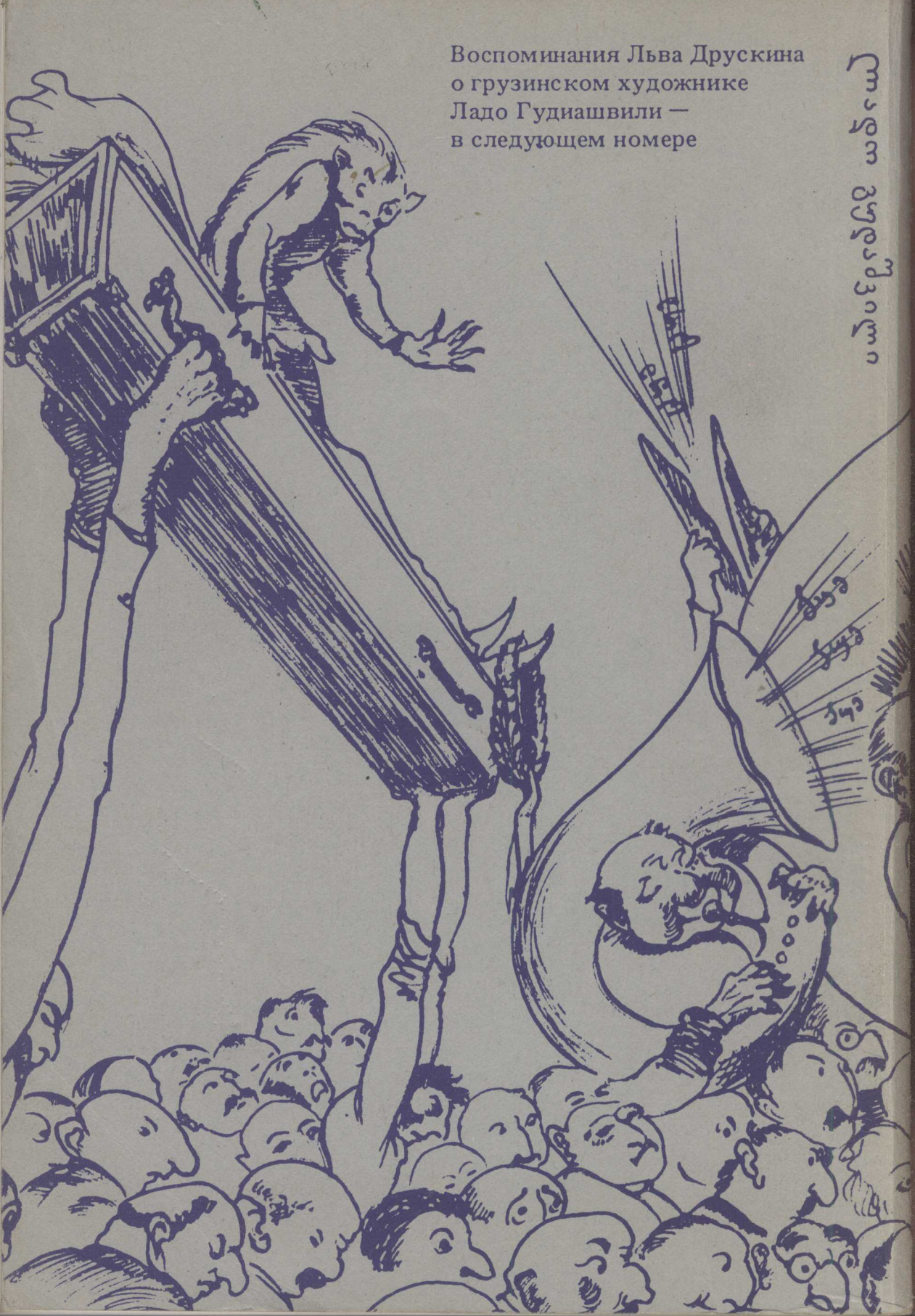
Декабрь 1983

Наше законодательство не подражает законам соседних государств; напротив, мы сами стали образцом для подражания. Наше общественное устройство защищает не преимущества немногих, но благо большинства. Вот почему оно называется демократией. Наши законы предписывают соблюдать равную справедливость для всех, уважая личные особенности каждого; что же касается положения в обществе, то успех и карьера зависят у нас от способностей человека; мы не путаем богатство с заслугами, бедность не служит у нас препятствием для того, кто умеет быть полезным для государства, а скромность происхождения не мешает выдвинуться. Таким образом свобода, которой мы пользуемся в нашем государственном управлении, простирается и на частную жизнь. Мы не привыкли ревниво следить друг за другом и не покушаемся на независимость соседа, если он делает что-нибудь по своему, а не по нашему вкусу... Но наша терпимость в частных отношениях между людьми не означает, что мы не чтим гражданских законов. Нашей общей защитой служит нам уважение к должностным лицам и законности, которую они представляют и которая охраняет интересы того, кто не в состоянии защитить себя сам.

Мы предусмотрели, далее, множество средств для отдохновения и освежения ума после работы. Мы устраиваем у себя игры и торжественные церемонии, а изящество нашего досуга, наших развлечений и нашего общества составляет повседневный источник удовольствий и прогоняет скуку; красота и величие нашего города привлекают к нашим причалам весь мир, так что заморские товары — не роскошь для наших сограждан, но знакомы им так же хорошо, как и плоды их собственного труда...

Если мы обратимся к нашей внешней политике, то и тут мы отличаемся от наших противников. Наш город открыт для всего мира. Никто не вправе изгнать иностранца, желающего у нас поучиться или просто любопытствующего узнать, как мы живем, хотя бы глаза врага и могли время от времени извлекать пользу из нашей открытости. В конце концов мы доверяем гораздо больше человечности наших сограждан, нежели политическим правилам и установлениям. Наши соперники придают первостепенное значение строгому воспитанию в системе запретов; мы же в Афинах живем, как нам нравится, хоть и всегда готовы встретить опасность лицом к лицу. Напав на нас, лакедемоняне призвали на помощь всех своих союзников, и тем не менее мы отразили этот удар.

Мы ценим утонченность, не впадая в излишества; мы лелеем культуру и умножаем науку, но не становимся от этого изнеженными; мы пользуемся благосостоянием, однако не выставляем его напоказ... Вот каким представляется мне наш город — школа для всей Эллады.

Речь Перикла над телами павших воинов, 430 г. до н.э.
(Фукидид, 2, 36—40)

Воспоминания Льва Друскина
о грузинском художнике
Ладо Гудиашвили —
в следующем номере